

[Polaris]

МИЛ-МИК

ЧЕРНЫЙ ОСЬМИНОГ

Советская авантюрно — фантастическая проза
1920 — х гг.

Том XV

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CXCIX

Salamandra P.V.V.

МИЛ-МИК

ЧЕРНЫЙ ОСЬМИНОГ

Авантюрный роман из эпохи
гражданской войны

Советская авантюрно-фантастическая
проза 1920-х гг. Том XV

Salamandra P.V.V.

Мил-Мик (Лызлов М. И., Казарцев М. И.)

Черный осьминог: Авантюрный роман из эпохи гражданской войны. — (Советская авантюрно-фантастическая проза 1920-х гг. Том XV). Б. м.: Salamandra P.V.V., 2017. — 170 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. СХСІХ).

Роман Мил-Мика (М. Лызлова и М. Казарцева) «Черный осьминог» — одно из самых редких произведений советской приключенческо-фантастической литературы 1920-х гг. В романе, выходившем в свет отдельными выпусками в Воронеже, рассказывается о борьбе доблестных чекистов с подпольной белогвардейской организацией, задумавшей поднять в красном тылу крестьянское восстание. Убийства, переодевания, таинственные подземелья, погони и схватки, а также некоторое количество «лучей страха» и многочисленные «красные дьяволята» прилагаются.

Мил-Мик

ЧЕРНЫЙ ОСЬМИНОГ

Авантюрный роман из эпохи
гражданской войны

ПЕТЛЯ НА ШЕЕ

Глава I

ПАРИКМАХЕРСКАЯ РУБЛЕВА

Высокий, в черном пиджаке шинельного сукна человек постоял минуту перед поржавевшей старой вывеской парикмахера Рублева и оглянулся несколько раз торопливо по сторонам. Московские улицы уже окутывались серым налетом сумерек, за углом где-то хрипло прокричал автомобиль, вынырнул, прошуршал мимо по мостовой и повернул на Софийку. Торопливой, деловой походкой мимо прошел человек, равнодушно скользнул взглядом по черному пиджаку и стал переходить на другую сторону улицы.

Чисто выбритое лицо человека в пиджаке вдруг стало тревожным и чуть побледнело.

«Опять он... с этим надо покончить, пока не поздно...»

Осторожно скрипнув дверью, человек вошел в парикмахерскую. Там брился только один человек.

— Сию минуту — ваша первая очередь, гражданин, — бросил привычно парикмахер.

Через несколько минут брившийся расплатился и вышел.

— Постричься? — спросил парикмахер.

Вместо ответа человек в пиджаке тихо сказал пароль.

Парикмахер осторожно оглянулся по сторонам и понизил голос:

— Вас уже давно ждут там, господин полковник, проходите прямо и налево, — указал парикмахер на внутреннюю дверь.

В небольшой комнате около стола сидели несколько человек, которые быстро вскочили, когда в комнату вошел человек в пиджаке.

— Господин Полозов, — раздались голоса, — а мы уж думали, не случилось ли что с вами.

— Пока ничего не случилось, но случится не только со мной, но и с вами, если мы не примем необходимых мер и

сейчас же. Я уже вот около двух недель сталкиваюсь с одной, безусловно, чекистской мордой. За этой квартирой следят, и собираться здесь небезопасно. Но об этом после. Какие у нас есть вести?

— Из Барановска приехал человек, — сообщило черное угловатое лицо, сидевшее верхом на стуле. — У него есть интересные сведения. Господин Бульков, пожалуйста...

Бульков поднялся, черные глаза его взволнованно забегали по углам комнаты. Густые усы поднялись и обнажили ряд мелких, пожелтевших зубов.

— В Барановске нами создан С.Т.К.*, — начал он, — богатые крестьяне поддерживают его средствами — через месяц мы будем уже настолько сильны, что сумеем поднять восстание. Поручик Чернавский прислал меня за инструкциями.

На минуту в комнате воцарилось молчание.

— Я думаю, господа, — сказал Полозов, — поручику Чернавскому придется пока заняться укреплением организации С.Т.К., пусть эта организация усилится и завоюет у населения авторитет. Мы уже не раз наблюдали несколько неподготовленных выступлений, кончавшихся неудачей. Я думаю, что поручику Чернавскому необходимо послать денег, пусть помогает наиболее колеблющимся крестьянам — это хорошо действует, а потом, когда наша Родина сбросит проклятых большевиков, мы сумеем вернуть эти средства, — Полозов криво и зло улыбнулся, — сторицей...

Среди присутствующих послышались возгласы одобрения.

— Господин Бульков, — продолжал Полозов, — я сейчас напишу распоряжение поручику Чернавскому, которое вы ему свезете, и пять миллионов, которые вы ему передадите. На словах же скажите ему, что поручик Чернавский не один, что во многих городах созданы повстанческие ячейки, что придет время, когда Россия станет прежней великой

* Союз Трудового Крестьянства — контрреволюционная организация деревенских кулаков, созданная при активном участии эсеров (*Прим. авт.*).

державой и тогда она не забудет его заслуг, а также и ваших, господа... А пока, господа, нам нужно торопиться.

Полозов присел к столу и быстро начал писать. В комнате было тихо.

Вдруг где-то послышался сильный стук и треск. В комнату вбежал Рублев.

— Господа, нас накрыли — ломают двери. Здесь есть ход через старый пустой склад, о котором никто не знает, через него мы выйдем на следующую улицу...

Слышно было, как трещала дверь, ломаемая снаружи.

Рублев отодвинул шкаф с парикмахерскими принадлежностями, за которыми находилась дверь в склад.

— Идемте, — сказал Полозов, обращаясь к присутствующим. — Каждый день справляйтесь о дальнейших действиях в Александровском саду, в тумбе около тополя — там же будут и все распоряжения, а пока будем спешить!

Глава II

ТОВАРИЩ АРЕНСКИЙ

Ответственный сотрудник Всероссийской ЧК товарищ Аренский, выскочив из парикмахерской Рублева, быстро перебежал на другую сторону улицы, завернул за угол и столкнулся с человеком, вид которого так не понравился Полозову, когда тот стоял у парикмахерской.

— Это ты, Петров... Позвони откуда-нибудь по телефону и вызови человек шесть хорошо вооруженных людей. Мы напали на какую-то шайку. Поскорей! Я останусь здесь следить.

Петров быстро юркнул в какой-то подъезд.

Аренский предвкушал удовольствие предстоящей схватки. Он принадлежал к числу людей, горячо любивших живое, захватывающее дело, поэтому-то с первых же дней ре-

волюции он весь отдался работе в органе, в котором больше, чем где-либо, чувствовался ее огненный, боевой темп.

Аренский видел, как закрылась сейчас же после его ухода дверь парикмахерской, и были потушены огни. Он бесильно сжимал кулаки и готов был броситься один. Старый опыт подсказывал ему, что он напал на след крупного зверя.

Только бы не опоздать!..

Через четверть часа люди прибыли.

— Из парикмахерской есть только два выхода — на улицу и через двор. Ты, Петров, возьми пять человек и пойдешь с черного хода. Если будут сопротивляться — стрелять, но чтобы ни одного смертельного выстрела. Поняли, товарищи?

Через несколько минут дверь парикмахерской затрещала под ударами нескольких прикладов и поддавалась.

В парикмахерской было темно и пусто. Слышно было, как где-то в середине дома что-то двигали, потом слышались удаляющиеся шаги.

Аренский, сжимая наган, бросился к внутренней двери. Коридор, комнаты налево и направо были пусты.

— Мерзавцы! Они ускользнули от нас! Но куда?!..

Навстречу по коридору спешил Петров с товарищами.

В одной из комнат беспорядочно стояли стулья.

— Они еще три минуты назад были здесь... Вот, окурочек еще не успел погаснуть... Но куда?..

Аренский метался по комнате из угла в угол. Петров взял со стола лежавший там лист бумаги.

— Товарищ Аренский, вот тут какая-то записка...

Это было начало письма Полозова поручику Чернавскому. Аренский быстро пробежал его.

— Очень важно. Потом разберемся. Но где они могли пройти?

Взгляд Аренского упал на шкаф. Он сдвинул его немного и крепко выругался.

— Черт! Они ушли через эту дверь. Нужно быть остолопами, чтобы упустить это из виду; они прошли через склад, бывший Гамазеева, и вышли на Софийку... Теперь

их ищи-свищи... На всякий случай, товарищ Петров, пройдите по их следам. Я пока здесь задержусь...

Аренский внимательно осмотрел комнату, поднял окурок папиросы.

— «Южные», бывшие Асмолова, — прочитал он на папиресе, папиросу положил в портфель.

Больше никаких следов в комнате не было. Аренский достал записку, переданную ему Петровым, сел к столу и вновь внимательно прочитал ее. В записке стояло несколько слов, наспех написанных:

«Поручику Чернавскому.

Предлагается Вам пока от открытых выступлений воздержаться, усиливайте С.Т.К. Ждите дальнейших указаний. Вам посылается пять миллионов с г. Буль...»

На этом письмо обрывалось.

Аренский долго сидел, нервно ероша волосы. Он рассматривал эту записку со всех сторон. Только сейчас он понял, какого крупного зверя они упустили. Где-то готовится восстание, тайные руководители которого сидят здесь, в Красной Москве. Может быть, через неделю, через месяц где-нибудь прольется кровь трудящихся по вине этих, только полчаса назад сидевших здесь мерзавцев. Было тяжело сознавать себя пока бессильным предупредить это.

— Нет, они не уйдут от нас! — стукнул Аренский кулаком по столу. — Им не миновать сурового суда Революции!

В это время вернулся Петров со своими товарищами.

— Сколько человек здесь было, товарищ Петров? — обратился к нему Аренский.

— По моим наблюдениям, сюда зашли шесть человек, и я еще видел одного, который стоял у парикмахерской.

— Значит, вместе с парикмахером это был восьмой. Он тоже зашел, когда я брился.

Товарищ Аренский и не подозревал, что одним из этих слов он совершенно случайно назвал кличку этого последнего человека.

— Они оставили нам, — продолжал дальше Аренский, — очень мало следов, но при умелой работе и этих сведений вполне достаточно, чтобы выследить некоторых из них. И мы это должны сделать. Товарищ Петров, вы сейчас должны отправить на все московские вокзалы и на все выходящие из Москвы дороги специальных людей — взять под наблюдение всех выезжающих, проверить документы всех отъезжающих из Москвы лиц, взять под наблюдение всех, фамилии которых начинаются с «Буль», но не задерживать и наблюдать за ними осторожно. Сейчас же об этом доносить мне!

Глава III

ИГРА В КОШКИ-МЫШКИ

В то время, как Аренский со своими товарищами, бесильный что-либо сделать, метался по парикмахерской, ища выхода, через который могли скрыться преступники, Полозов и все «господа» его благополучно удирали. Перед выходом па улицу Полозов на минуту всех задержал.

— Выходите, господа, по одному и не торопясь, чтобы не навлечь на себя подозрений. В наших интересах также необходимо знать, кто наши враги, поэтому мы должны незаметно посмотреть выходящих из парикмахерской — бояться теперь нечего — они ведь, наверное, думают, что мы разбежались уже по Москве...

Тьма ночная густо осела над Москвой. В 1920 году еще редки были фонари на улицах, и дома в полумраке, с облупившейся штукатуркой, имели таинственно-призрачный вид. Если днем все недостатки города особенно неприятно выпирали, то ночью Москва казалась богатым, сказочным городом. Тьма скрывала и прикрашивала все недостатки, городские бреши и лохмотья.

Булькову, проходившему как раз мимо дверей парикмахерской, особенно запомнилось лицо Аренского. Большой нос, чуть искривленный (когда-то в детстве во время ссоры приятель угостил камнем), кожаная черная фуражка, еле прикрывающая копну льняных волос, и серые нервные глаза. Увидевшему его Булькову стало немного не по себе и он решил поскорее скрыться. То же поторопились сделать и остальные.

С этой же ночи на всех вокзалах и дорогах, выходящих из Москвы, были установлены дежурства. В то время проверка документов была явлением обычным, не вызывающим никаких подозрений. Представители ЧК тщательно фильтровали всех уезжающих, но безрезультатно.

Так было в продолжение двух дней.

Все эти дни Аренский ходил, как помешанный. Он цеплялся за обрывок, думая добраться до главного клуба. Каждого подозрительного человека, задержанного агентами ЧК по тому или другому поводу, он прошупывал осторожно со всех сторон. Он знал, что часто крупные преступники проваливались на пустяках. Но попадались только мелкие воришки, пьяницы, от которых ничего нельзя было добиться.

Высшее начальство под личную ответственность поручило Аренскому раскрыть организацию, на которую он сам наткнулся совершенно случайно. Аренский предполагал, что в квартире парикмахера Рублева ютился какой-нибудь притон, куда собирались дельцы черной биржи для приятного времяпрепровождения или, в худшем случае, шайка бандитов, но никогда не думал, что в самом сердце Москвы, чуть не около Лубянки, свила свое гнездо крупная заговорщицкая организация, уже подготовившая восстание, о котором он так неожиданно узнал. Это восстание нужно предупредить во что бы то ни стало, хотя бы ценой собственной жизни!

Особенно не мог простить себе Аренский за промах, который он сделал в тот же вечер. Если бы тогда он окружил квартал, в котором была парикмахерская Рублева, со всех сторон, то преступники были бы пойманы.

А теперь, может быть, их уже нет совсем в Москве... Может быть, они перевели свой центр в другой город...

Товарищ Аренский запросил ряд городов, наиболее насыщенных контрреволюционными элементами, но оттуда по телеграфу сообщили, что никаких данных о каких-либо контрреволюционных организациях не имеется.

«Чисто работают, мерзавцы, сразу видно матерых контрреволюционеров, получивших хорошую подпольную практику конспирации — наверное, руководят эсеры», — думал временами Аренский.

Пока же все было в области пустых предположений. Ни одной нити. Аренский уже думал снять с вокзала дежурства.

Глава IV

ПИР НА РАДОСТЯХ

После неудачи со специально созданной парикмахерской Рублева Полозов стал действовать более осторожно. Полозов стал искать более прочного пристанища, куда бы, по его выражению, «чекистские ищейки» и носа не посмели сунуть. И за эти два дня он достиг многого.

Полозов после первых же дней Октябрьской революции понял, что открытой борьбой победить Республику Советов нельзя и потому тогда же он сделал вид, что сочувствует всем победам пролетариата.

Как военспецу, полковнику старой армии, ему предложено было занять один из ответственных постов в главном штабе РККА. Это отвечало его целям, и он согласился. В течение всего времени гражданской войны он умело, ловко и незаметно тормозил ход государственной машины.

С одной стороны, он на глазах высшего командования делал работу, которая очевидно должна была принести поль-

зу советской власти в неслыханной труднейшей борьбе, а с другой стороны, он всякими тайными махинациями тормозил ту же работу. Но делал он это так осторожно, что высшее командование, если и не считало его своим другом, то, во всяком случае, видело в нем лояльного советского гражданина и верило ему.

Этим Полозов пользовался как мог. Если ему легально не удавалось получить какие-нибудь военные секретные сведения — он их крал, подделывал ключи, подписи, печати. Он находил хороший сбыт всем этим сведениям в посольстве, которое всячески поддерживало его начинания. А в посольстве мудро присутствовала рука западных буржуазных государств.

Были моменты, когда Полозову казалось, что вот несколько дней и Советская Республика распадется, как дым, — это было время, когда цепкие вражеские пальцы подбирались к главной артерии Революции — к Москве. Тогда Полозов чувствовал себя особенно сильным и необычайно наглым. Казалось ему тогда, что достаточно крикнуть постарому: «Смирно!» — и вот все притихнет и вытянется перед ним в струнку.

Но время это прошло. Красная армия, вопреки его желаниям и несмотря на его подлую работу, брала одну позицию за другой, отбрасывая фронт далеко на юг.

И тогда Полозов обратил свое внимание на возможность «взрыва изнутри».

На Дериславской улице в особняке Свалейского посольства организации Полозова было отведено специальное помещение. На этой «нейтральной» почве Полозов почувствовал себя великолепно.

Удобство нового помещения состояло еще в том, что кроме парадного входа, имелся в особняке еще другой, потайной подземный ход, выходивший в развалины соседнего дома. По этому ходу можно было пройти совершенно незаметно.

«Ну-ка, пусть попробуют сунуть сюда нос чекистские ищейки...» — думал Полозов.

Через день все члены организации были извещены о новом месте сборища через своеобразный почтовый ящик в тумбе Александровского сада.

Вечером собравшиеся члены организации были приятно удивлены, увидев великолепно сервированный стол с шампанским и многочисленными закусками. Под электричеством, переливаясь, блестел хрусталь, отливало синеваыми тенями столовое серебро.

— Не всегда, господа, — сказал Полозов, приглашая к столу, — переживать неудачи и тревоги вроде вчерашней. Надо ж и отдохнуть и повеселиться.

Вид присутствовавших нисколько не гармонировал с такой обстановкой. Мелькали среди них пиджаки, косоворотки и просто гимнастерки. Все делало вечер несколько странным и напоминало о действительности.

— У нас, господа, здесь ведь имеется большой гардероб, любезно предоставленный нам нашими свалийскими друзьями — для большего впечатления мы можем ведь и приодеться, чтобы уже ничто не могло напомнить нам об этих проклятых временах.

— Браво, браво, Полозов — молодчага, — подхватили сразу несколько голосов.

— Надо же, кроме того, и привыкать к приличной одежде — за несколько лет уже отвыкли.

Скоро за столом появились черные фраки, звезды, орден, тугие крахмальные воротнички, тонкий запах французских духов. Зазвенели рюмки, захлопали пробки, раздались напыщенные, выложенные тосты — французская речь...

Кто-то предложил тост за удачу поручику Чернавскому.

Принял тост и отвечал Булькин. Язык, уже прилично размякший от шампанского, был тяжел и неповоротлив.

— Я, господа, передам поручику Чернавскому ваше горячее внимание и поддержку. Завтра вечером мы с господином Бергом будем уже в дороге, мы сделаем Барановск центром спасения нашей дорогой, поруганной извергами Родины.

Через несколько часов от шампанского, от обильных закусок, от яркого света собрание стало шумным и пьяно разноязычным. Кто-то вспомнил старый армейский анекдот о денщике и офицере, кто-то по-матерному зло и громко ругался, кто-то пел заплетающимся языком «Боже, Царя храни», «Яблочко», кто-то доказывал превосходство русской армии над всякой другой, вспоминал блестящие парады и опять ругался и опять пел...

...А в нескольких шагах за стенами свалийского посольского особняка горели в красном огненном пожаре российские просторы, бился горячим ключом огненный пульс революции, срывались последние тряпки гнили и мишуры бывшей российской оголтелой державы.

Глава V

АРЕНСКОМУ НЕ ВЕЗЕТ

Аренский не спал всю ночь. Всю ночь он рыскал с агентами по Москве. Утром он несколько часов рылся в адресном столе, просматривая все фамилии, начинавшиеся на «Буль» — встречалось много фамилий на «Бул», но без мягкого знака.

Разбитый и усталый, вернулся он в свой кабинет и, сидя, положив голову на стол, тяжело и глубоко заснул. Разбудил его резкий телефонный звонок. Аренский, недовольный и сонный, снял трубку. Вдруг он, как от электрического тока, подскочил, быстро напялил на свою взлохмаченную шевелюру фуражку и выбежал.

Дежурный агент сообщил с одного из вокзалов о человеке, фамилия которого как раз начиналась с «Буль». Этот же агент сообщил о том, что поезд должен отойти через пять минут.

Аренский выскочил на улицу. Не было ни одного извозчика, да и ни один извозчик не успел бы довести Аренского до вокзала в течение пяти минут. Раздумывая о том, как быть, Аренский вдруг услышал тарахтенье мотоцикла. Скоро мотоцикл вынырнул из-за угла и начал приближаться. Раздумывать было некогда. Когда мотоцикл поравнялся с ним, Аренский ловким ударом (останавливать и разговаривать было некогда) вышиб из седла седока и вцепился в руль. Мотоциклет чуть накренился, но Аренский, не останавливая хода, поправил его, уселся крепче и надавил регулятор. Мотоциклет взвыл, рванулся, как необъезженный конь, подпрыгнув от неожиданности, и бешено помчал вперед.

— Держи его, держи, — сквозь свист ветра слышал Аренский. Потом сзади гулко лопнул выстрел, дзикнула мимо уха пуля.

«Вероятно, думают, что бандит», — мелькнула мысль в голове Аренского, и он улыбнулся от этой мысли.

Аренский не опоздал — до отхода поезда оставалось еще около двух минут. Он разыскал дежурного агента.

— Где?

— Он только что пошел садиться в вагон — их двое, один с большими рыжими усами, черномазый, в серой фуражке — самый по фамилии Бульков, другой худенький, плюгавый — Берг... Билеты до станции Барановск.

Аренский, уже не торопясь, сел в поезд, разыскал в вагонах рыжие усы и все остальные признаки Булькова и забрался на верхнюю свободную полку. Аренский решил не выпускать их из виду.

«Но тот ли это человек, который нужен, — может быть, все это я делаю впустую? И почему этот мерзавец непременно Булькин, а не Бульнев или Бульвик?»

Булькин незаметно толкнул в бок Берга и вышел в уборную. Через несколько минут вслед за ним пришел Берг.

Булькин заметно волновался.

— Берг, за нами следят...

Берг опасливо оглянулся.

— Слева на верхней полке чекист, которого я видел тогда, при выходе из парикмахерской. Я его сразу узнал.

Берг побледнел и бессильно и расслабленно оперся о стену вагона. Нижняя губа у него плаксиво задрожала.

— Н-но... может, т-ты... ошибся?.. — пробормотал он.

— Ошибся я или не ошибся, но, во всяком случае, надо быть осторожным и приготовиться ко всяким неприятностям и неожиданностям. А главное, не подавать вида. Бежать же некуда, да и бесполезно и хуже... Нам нужно... — тут Булькин нагнулся к уху Берга и зашептал что-то.

* * *

Поезд в Барановск пришел поздно ночью. Небольшую станцию прикрыла ночная тьма, густая, вязкая, и в ней желтыми неуверенными пятнами горели станционные фонари. Вдали за станцией на расстоянии двух верст яркими мелкими точками горели огни города Барановска.

Булькин и Берг неторопливо сошли с поезда. Аренский слышал, как стоявший на платформе Берг сказал Булькину:

— Ты посмотри, нет ли за станцией извозчика, а я пойду выпью воды.

За станцией до города тянулось поле. Около станции не было ни одной души.

Через несколько минут Берг вернулся.

— Все сделано, — тихо шепнул он Булькину.

— Черт возьми! — громко выругался Булькин. — Куда подевались извозчики, хоть бы один дьявол приехал...

Аренский еще до сих пор не мог понять, идет ли он по настоящему следу или нет.

«Не вернуться ли?» — раздумывал он.

Но потом решил во что бы то ни стало проследить до конца. Аренский ходил со скучающим видом по перрону вокзала, не выпуская, однако, из вида Булькина и Берга. Они стояли около решетки вокзала, посматривали на мер-

цающие во тьме перронные огни, как бы не решаясь еще что предпринять.

— А ведь, пожалуй, придется ждать до утра, — нарочито громко и досадливо выразил предположение Берг.

Но в это время со стороны города из тьмы послышалось цоканье лошадиных копыт и шуршащий звук колес. Через минуту около станции показался силуэт извозчика. Булькин и Берг быстро направились к нему.

При виде этого Аренский почувствовал свое положение смешным. Гнаться за ними бегом, конечно, немыслимо. Этот извозчик расстраивал его планы.

Аренский видел, как извозчик, усадив этих двух пассажиров, хлестнул лошадь и начал быстро удаляться.

Аренский, проклиная все на свете и бессильно сжимая кулаки, выбежал за станцию.

Преступники опять удирали из-под самого его носа.

Вдруг сбоку послышалось тарахтенье подъезжавшего экипажа.

Аренский бросился к нему навстречу.

— Нужно догнать извозчика, который только что поехал по направлению к городу, — крикнул Аренский, вскакивая на ходу в экипаж.

Покачиваясь, экипаж мягко погрузился в темноту.

Положение было спасено. Аренский видел, как расстояние между ехавшим впереди извозчиком и им быстро сокращалось.

Кругом лежала густая непроницаемая тьма. В поле дул сырой, пахучий ветер, иногда приносивший одинокие капли дождя. По земле ползли сухие ковыльные шорохи.

Расстояние до переднего экипажа было уже совсем незначительно, привыкшие к темноте глаза уже улавливали его колеблющиеся контуры, — как вдруг воздух прорезал какой-то свистящий звук, и Аренский почувствовал, как шею его крепко стиснула жесткая веревочная петля...

РУКА СТАТУИ

Глава VI

ОБОРОТЕНЬ ВОЛЧЬЕГО ОВРАГА

Верстах в пяти-шести от города Барановска, там, где узенькая, но быстрая речонка Головня, словно обрадовавшись и звонко лепеча, выскакивает из камышей, на много верст раскинулся глубокий, заросший лесом и непролазным кустарником Волчий овраг.

Не любили городские мещане и соседние крестьяне этого места, и только бесшабашные ребятишки ходили туда за ягодами или в лесном озере карасей и линей домашними бреднями ловили. Рыбы этой там водилось — хоть руками хватай.

Если пойти по извилистой тропинке, спускающейся в этот овраг, то, пройдя версты три болотником и зарослями, увидишь довольно высокую двухэтажную башенку, которая стоит на берегу лесного озера, тянувшегося верст на пять и местами покрытого зеленой и густой кугой. А на озере, ближе к противоположному берегу, — небольшой островок, всего с полверсты в окружности. Островок тот Змеиным звали, так как на нем много водилось гадюк.

Башенка была построена для барских развлечений помещиком, капитаном гвардии Барановичем еще в 1827 году. Зверь был этот капитан гвардии. Рассказывают о нем старики-крестьяне, что он положил двух девушек-сестер живыми в чан деревянный и сечками, что рубят капусту, на куски изрубил, посолил и заставил отца с матерью есть это кровавое месиво. А рассердился он на девушек за то, что они, не желая его любовницами стать, из деревни сбежали и спрятались в лесу. Отец от этой барской забавы повесился, а мать с ума сошла, и стравил ее барин этот самый борзыми на потеху себе.

Терпели крестьяне, да неведомо стало — поймали капитана на охоте, осмолили и живьем сожгли, а кости в озе-

ро бросили.

И пошла молва с тех пор, что неприкаянная душа капитана по лесу ходит, зверем завывает, людской крови ищет.

Вот почему не любили и боялись окрестные крестьяне и городские мещане Волчьего оврага.

Но молодость не чета старости, чертей и мертвецов не боится. В силы свои верит. К новой жизни, светлой и радостной, дорогу руками молодыми и сильными прокладывает. Старое с корнем выкорчевывает. А над старым да сгнившим весело посмеивается.

* * *

Эх, хороши караси в лесном озере! Золотые, широкие — чуть не в лопату.

Вот и отправились трое ребят-подростков — два постарше, комсомольца, а третий на очереди — карасей ловить. Бредень латаный захватили. Старший был Федя Сальков, потом брат его Митя, а третий — Паша Востряков.

Пошли ребята, пообедав. Раза три бредень кидали. Рыбы — страсть. Время к вечеру — тьма невылазная. Решили переночевать в башне на берегу озера. Развели костер, стали картошку печь, ухи из карасей наварили. После ужина немного поговорили, спать потянуло. Залезли в башню, травы на пол свежей набросали, веток березовых и улеглись.

Уж не помнит Федор, сколько спать пришлось. Только проснулся он от чьих-то осторожных шагов. Словно крадется кто.

Поднялся на локтях, слушает. Шаги. Подполз к двери — щель в ней была — видит, волк здоровенный, да странный какой-то. А в чем странность, и не разберет. Оторопь взяла парня — сколько раз в овраг этот хаживал, а никогда волков не видал, да таких непонятных. Хотел было он дверь открыть да поленом волка пугнуть, а тот словно понял, сел на задние лапы и смотрит.

А вот что дальше случилось, и понять не может Федор. Поднял волк передние лапы, к морде приложил, да как взвояет!.. Митька да Павел, словно их прутом вытянули, вскочили, к двери бросились, насилу их Федор удержал. Трясутся ребята, а волк вояет, заливаясь.

Шепчет Федор ребятам:

— Тише. Смотри!..

Смотрят ребята — сидит волк на задку, лапы к морде прижав, и вояет.

— Оборотень, — шепчет Востряков Павел, — должно, капитан из озера вышел.

— Тише ты, — шипит Федор. — Смотри-ка лучше на озеро. Да не туда! Видишь вон иву дуплистую, что свисла над водой вроде шатра?.. Так возле нее на воде ворочается что-то...

Совсем одурели Павел с Митькой. Слово с языка не идет. А от ивы прямо к башенке, словно на призыв волчьего воя, не то коряга, не то еще что-то плывет. Пригляделись ребята — лодка. А в лодке — человек, и лицо у него огнем светится.

Тут уж Федор струхнул. Совсем непонятно, почему это У живого человека лицо такое страшное. Павел его в бок толкает, за руку трясет.

— Федь, а Федь, кто это? Дух лесной, должно быть, аль царь русалочный...

— Не знаю и я, — ответил Федор. — Помолчи ты, пожалуйста. Вот на берег вылезет, да поближе подойдет — тогда посмотрим. Да только не бойся, ребята, — человек это самый настоящий. Не бойся, ребята, все разберем да разузнаем. А русалок да духов лесных из головы выбрось, нет их и не было! А еще в комсомол идти хочешь, а в чертовщину всякую веришь!..

— Да я не верю, — смущенно зашептал Павел, — а так непонятно уж больно.

Приплыл к берегу человек непонятный, да прямо к волку, а тот как тряхнется, шкура волчья — в сторону, а изпод нее человек живой, морда черная и с бородой.

Полегчало ребятам — видят, люди, а уже с живым-то человеком, кто он не будь, побороться да поговорить можно.

Глава VII

ОН УШЕЛ В БАШНЮ

Лодка подплыла к берегу, вышедший из нее человек подошел поближе и тоном начальника спросил:

— Ну, как дела, Кузьма? Узнал ли ты что-нибудь о том, сколько идет к нам этой красной сволочи?

— Кое-что есть, господин поручик, — совсем человеческим голосом заговорил «волк». — Из губернии идет отряд красноармейцев, человек в сорок, да чекистов, человек двадцать пять. Есть у них один пулемет. Думаю, что они в городе завтра чуть свет будут, если нашим их по дороге не удастся в расход пустить.

— Смотри же, — сказал тот, кого называли поручиком, — если отряду удастся доехать, поточней выясни, у кого он расквартируется. Постарайся поместить командиров, да и вообще чекистов, у наших ребят. Пусть поласковее будут. Девоч достань, самогону побольше. А вот эти порошки, смотри, не потеряй, в самогон да в пищу примешай. Не бойся, не издохнут. Только сон найдет. Невыгодно нам их до времени травить. Куда лучше с живых-то кожу содрать или красные звезды на лбу вырезать, да для крепости, чтобы не соскочили, гвоздем прибить. А помнишь, как мы продкомиссара-то чокнули? Поймали, кожу на спине подрезали, отодрали немного, да туда перчику красного с солью, да стекла битого, что называется, для вкуса. Потеха была, как орал он. А все же, стерва, не сказал, силен ли его отряд. Коммуна — сволочь! Еще раз говорю тебе: не прозевай, а то Колесников, ведь ты его знаешь, и с тебя шкуру спустит.

— Прощайте, господин поручик. Нужно опять красную шкуру надевать. А то, пожалуй, пришлют за мной. Ведь я у них «незаменимый».

А ребята слушают, и страх весь прошел. Понимают, что затевается что-то нехорошее.

— Проследить надо, — говорит Федор, — куда этот самый «волк» пойдет. Только смотри, ребята, тихо! Не то и мы пропадем, и в городе делов колесниковцы наворачают. Слышали, чай, о чем речь идет — отряд хотят уничтожить.

Разговаривая, они не спускали глаз с заговорщиков, а те и не подозревали, что за ними наблюдают три пары внимательных глаз. Каждый делал свое дело.

Поручик сел в лодку и скоро скрылся во тьме — только еле слышно доносился плеск воды под веслами. А скоро и он замолк.

«Волк» подобрал свою шкуру, раздвинул колючие кусты малинника и старательно запрятал там ее.

Проделав это, он не спеша направился к башне. Ребята, не ждавшие этого, растерялись. Хорошо, что «волку» пришлось обойти топкое место. Этим воспользовались Федор с товарищами и, вылезши из башни, скрылись в ближайших кустах.

— А костер-то... — шепчет Павел. — Ведь найдет он его. Пожалуй, искать будет, кто огонь разводил. Еще до нас доберется...

— Нет. Засады побоится — посмотри, тьма какая, — отвечал Федор.

«Волк» подошел к дверям и тут только заметил, что тлеют угли от костра. Он недоуменно остановился, матерно выругался и стал с беспокойством оглядываться по сторонам.

«А вдруг кто разговор наш подслушал, — подумал он. — Да нет. Кому тут быть? Небось, ребята городские за ягодами ходили, да костер зажгли. Видать, давно затух».

Успокоив себя, «волк» толкнул дверь в башню и, оглянувшись в последний раз, вошел в нее, притворив за собой дверь.

Глава VIII

РУКА СТАТУИ

Что нужно было Кузьме в этой старой башне — вот вопрос, который сильно интересовал ребят.

Словно ужи, бесшумно поползли они к двери, готовые при первом подозрительном шуме спрятаться в траве.

Вот и дверь. Ничего не слышно.

— Павел, лезь ко мне на плечи да посмотри в окно, что «волк» там делает. Спать, что ли, он лег?

Павел, не говоря ни слова, осторожно забрался на плечи Федора, который прислонился к стенке, и заглянул в окно.

— Да там никого нет, ребята, — шепотом сказал он.

— Как нет?! Смотри лучше, может, где в углу сидит.

— Правда, никого нет.

— Куда же он девался? Ведь не провалился же он сквозь землю, в самом деле?

— Федя, давай дверь тихонько откроем, — сказал Митя.

— Ведь нас трое, а он один. Выскочит, так мы его мигом обрабаем.

— Ладно, только пусть Павел дверь открывает, а мы с тобой по бокам станем, — в случае, если выскочит, так мы его сразу с двух сторон, а ты, Павел, за ноги.

Павел подобрался совсем близко к двери и, упершись в нее руками, стал тихонько приоткрывать. Дверь заскрипела, подалась. Ребята заглянули в довольно широкую щель — в комнате никого не было.

Открыли шире дверь и вошли. Все было по-старому. Вся обстановка башни сохранила тот порядок, который был хорошо знаком ребятам. Вот мраморный, покрытый зеленоватым налетом стол с какими-то рисунками на нем, вот две небольшие мраморные скамьи. Направо в нише стоит статуя какой-то неведомой богини, а перед ней — не то ваза, не то жертвенный алтарь.

— Может, он наверх залез? — говорит Митя.

— И там посмотрим, — ответил Федор, у которого все смущение прошло. — Где бы он ни спрятался — найдем черта бородатого!

Ребята вооружились палками и осторожно стали подыматься в мезонин, куда вела вырубленная в стене узкая лестница.

Наверху было светлее — луна светила в разбитые окна и в отверстия разрушенной местами крыши. Все там было покрыто толстым слоем пыли, на которой не было совершенно никаких следов.

— Нет, ребята, сюда он не поднимался. Пойдем вниз.

Сошли и стали совет держать.

— Давай по порядку, — сказал Федор. — Ведь мы все видели, что он в башню вошел и дверь закрыл?

— Конечно, видели.

— Обратно не выходил?

— Нет.

— Ну, значит, он где-то здесь и должен быть. Но где — понять не могу...

Снова принялись наши следопыты по углам шарить.

— Может быть, эта баба видела, куда черт бородатый делся? — шутливо сказал Митя. — Ну-ка, Павел, лезь на вазу да спроси ее, куда, мол, Кузьма с черной бородой делся.

Павел, недолго думая, забрался на жертвенник, осквернив его грязными ногами, и, схватив богиню под руку, сказал:

— А ну, мамаша, скажи-ка, куда оборотень-то наш провалился? Да смотри — только правду говори, а не то...

Больше Павел не успел ничего сказать — рука статуи под его тяжестью опустилась книзу, сам он от неожиданности полетел на пол, а внизу, около левой скамейки, одна из плит ушла под пол, открывая довольно широкое темное отверстие.

— Вот и показала нам баба каменная, куда приятель-то наш скрылся, — сказал Федор. — Если бы не полез Павел наш с дамой целоваться, вовеки бы нам хода этого не открыть.

Павел, хотя немного испуганный, но гордый своим открытием, поднялся с пола и опасливо заглянул вниз, — куда уходили ступеньки очень крутой и узкой чугунной лестницы.

— Вот что, братцы, — сказал Федор, — дело мы начали — значит, и кончить надо. Ты, Павел, домой иди, зайди в Уком, да секретарю Васютину все расскажи, что видели — пусть приготовит чоновцев на всякий случай. А когда отряд придет, пусть по квартирам не расходится, а соберется в одном месте, хоть бы в клубе нашем. Тесновато там будет, да зато все вместе. Про порошки смотри, не забудь. А мы с Митей ходом подземным пойдем, посмотрим, куда он выведет. Жаль вот, что кроме ножа финского да часов, со мной ничего нет. Ну, да мы палки покрепче вырежем.

— Смотри же, попусту не болтай. А если мы завтра не выберемся, пусть часть отряда по нашим следам идет.

— Сделаю, Митя, — ответил серьезно Павел.

— Ну, иди. Да бегом. Смотри, леших да домовых не пугайся.

— Да чего ты надо мной смеешься!.. — ответил Павел. — Понимаю ведь я, не маленький.

— Ну, иди, иди. Вот тебе палка на дорогу.

Павел выскочил за дверь, и скоро вдали замер топот босых ног.

Глава IX

ЗА ТРИ СТУПЕНЬКИ ОТ СМЕРТИ

— А теперь вперед, Митя, — сказал Федор. — Держи спички наготове. Я первым пойду.

Не прошли они и пять ступеней, как заметили при вспышках зажигаемых спичек в стенной нише маленькую копию оставленной наверху статуи; но рука у нее была опу-

щена вниз. Посоветовавшись, ребята решили, что в этой статуе скрыт механизм, закрывающий ход в подземелье.

Они не ошиблись — подняв опущенную руку статуи, они услышали сверху глухой скрипучий звук, и белого пятна над ними как не бывало.

Дальнейший спуск был нелегок. Лестница была скользкая и, казалось, конца ей нет.

— Митя, — шепчет Федор, — а ведь я уже семьдесят две ступеньки насчитал. Давай передохнем.

Сели на ступеньки. Федор палкой впереди шарит.

— Митя, а Митя, лестница-то кончается, всего три ступеньки осталось, — сказал он. — А дальше земля под палкой, да, кажись, камни или посула какая битая.

— Дай-ка я попробую. Моя палка подлиннее, — отвечал Митя и стал осторожно, со ступеньки на ступеньку, переставлять палку.

И вдруг справа от конца лестницы перед лицом ребят с грохотом и каким-то зловещим воем пронеслось, словно ураган, что-то огромное и грузное. На полу послышался звук, который получается, когда бьют глиняные горшки. А затем какой-то глухой звон в обратном направлении. И снова тишина.

Прижавшись к сырой стене, стояли Федор и Митя, не понимая происшедшего и ожидая всяких неожиданностей в дальнейшем.

— Что это ударило? — спросил Федя.

— Похоже на паровой молот, — ответил Митя.

— Хуже всего — это темнота проклятая. Словно мыши в западне. Ничего не видно и не знаем, откуда следует ждать нападения, и какого. Однако, думай не думай, а все равно на одном месте стоять нельзя. Не спать сюда пришли. Спички у тебя целы, не отсырели?

— Годятся, — отвечал Митя. — Да только хватит их ненадолго, всего полкоробки осталось. И кроме того, толку мало, если спички зажигаешь. Раз — и готово: опять темно. Вот если бы лучины были или хворост сухой — это было бы дело.

— На лестнице лучинку не найдешь. Надо на пол спуститься. Только осторожней надо, а то что-нибудь тебя так трахнет, что не встанешь.

— Зажигай спичку — все равно впотьмах дальше не полезем.

Огонек спички осветил три ступеньки, усталанный плитой коридор, уходящий налево, вглубь. Между последней ступенькой лестницы и стеной было расстояние не больше полутора аршин.

— А как же мы будем спускаться? Станешь на ступеньку, а тебе по черепу — щелк, и не встанешь! Нужно что-нибудь придумать.

— Прежде всего, давай вспомним, как все случилось. Ведь до тех пор, пока ты не стал палкой ступеньки считать, все было по-хорошему. Ты вот лучше объясни, когда и почему этот грохот получился.

— Когда, ты спрашиваешь? Тогда, когда я палкой на последнюю ступеньку нажал. Почему? Да потому, что под ней какой-то механизм скрыт, который весь этот шум и производит. Вот как я все объясняю.

— Знаешь что, давай проверим.

— Как?

— А вот как. Ты нажимай палкой на ступеньку, а я в этот момент спичку зажгу, да не одну, а несколько сразу.

— Ладно.

Митя осторожно поставил палку на последнюю ступеньку и спросил:

— Ну, как, готов? Сейчас нажимаю.

— Нажимай.

Грохот повторился, и при свете зажженных спичек было видно, как из стены вырвалась тяжелая железная плита, опустилась на ступеньку, закрывши ее всю — от стены до стены — сейчас же обратным движением ушла обратно в стену.

— Видал, Митя, какова штучка!? И ведь как ловко приновлено: всю ступеньку закрывает, и податься некуда. Стань кто-нибудь из нас на ступеньку — только мокро бы осталось.

— Значит, для того, чтобы обезопасить себя от всяких неожиданностей, по-твоему, следует перепрыгнуть через последнюю ступеньку?

— По-моему, да.

— Ну что же, попробуем. Авось, вывезет.

Спичка уже давно потухла, и весь разговор шел в темноте.

— Зажигай опять спичку, Митя, а я, как она загорится, прыгну.

— Только ты, Федя, смотри, прыгай влево, поближе к проходу и, в случае чего, беги по коридору.

Блеснул огонек. Федор прыгнул. Все было спокойно.

— Бросай мне спички, я зажгу, а ты прыгай ко мне.

И Митя благополучно перепрыгнул.

Теперь ребята стояли на твердой почве.

Глава X

ЧЕЛОВЕК В ГИМНАСТЕРКЕ

Федор стал шарить вокруг себя палкой. Обнаружилось, что ширина коридора не больше двух аршин. Потолка палка не достала. Стали шарить палками по стенам, чтобы выяснить, нет ли здесь каких проходов и углублений. Вдруг со стены что-то упало. Послышался металлический звук. Ребята отскочили в сторону и ждали, что будет дальше. Но тишина ничем не прерывалась.

Зажгли спички и увидели, что на полу валяется какой-то серовато-зеленый ящичек. Подошли ближе, подняли и стали рассматривать. Внезапно яркая узкая полоса света озарила коридор. Металлический ящичек оказался хорошим электрическим фонариком, похожим на те, которыми снабжены почти все английские полицейские.

— Вот это здорово! Теперь и мы со светом. Нужно быстрее двигаться, а то мы и так порядочно времени потеряли. Посмотри-ка, Митя, сколько времени?

— Да уж около часа.

Двинулись. Идти было светло и легко. Пройдя с час, нашли еще один фонарь, висящий на стене. Немного дальше заметили в стене нишу, а в ней во весь рост — скелет, прикованный к каменной стене за горло, за пояс и за обе ноги.

Остановились, посмотрели, потрогали.

— Давно он здесь стоит, должно быть. Смотри, как высох!

Только что хотели идти дальше, как вдруг откуда-то справа, из глубины, раздался хриплый, воющий стон.

Осторожно стали подвигаться в сторону этих стонов.

Вот ход вправо. Маленькая железная дверь, запертая только на тяжелый засов. Стоны усилились. Они слышались из-за этой двери.

— Я отодвину засов, а ты, Митя, свет в комнату направляй.

Дверь заскрипела и открылась. Луч фонарика скользнул в помещение. На полу, лицом вниз, лежал какой-то человек в гимнастерке.

Когда ребята взгляделись повнимательней, то увидели, что туловище лежащего было втиснуто в какую-то низкую деревянную клетку, которая стягивалась винтами. Клетка эта была наглухо прикреплена к плитам пола. Руки и ноги, находящиеся вне клетки, были растянуты канатами, передвигающимися на блоках. Натяжение каната было настолько сильно, что, несомненно, могло вывернуть суставы. Пошевелиться было абсолютно невозможно. Лежащий напоминал какое-то странное, ползущее на вытянутых лапах насекомое.

Человек лежал на груди, и на вершок от его губ стояла большая глиняная чашка с водой. Однако, несмотря на чрезвычайную близость воды, все же дотянуться до нее было невозможно.

Привесив фонари на стенных крюках, ребята бросились к незнакомцу и мигом перерезали финским ножом канаты, отвернули винты и, намочив картуз в воде, поднесли к лицу замученного... Легкая дрожь пробежала по его телу. Он открыл глаза.

— Опять... Опять вы, проклятые звери, пришли мучить меня! Дьяволы, бешеные волки. Нет! Вы не волки! Даже они сразу приканчивают свою жертву, а вы... вы готовы мучить ее, мучить без конца. Но не надейтесь! Я скорее откушу язык, чем выдам товарищей. Помните, что коммунист умирает, но не делается предателем.

— Товарищ, мы комсомольцы. Мы не бандиты. Мы развязали и хотели спасти тебя. Расскажи, кто ты и как сюда попал?

Человек в гимнастерке хотел было приподняться, но не смог и, застонав, упал опять на холодные плиты.

Ребята кое-как привели своего нового знакомого в чувство и усадили около стены, поддерживая с обеих сторон.

— Я уполномоченный В.Ч.К. Аренский, — начал новый знакомый. — Следил за членами одной заговорщицкой организации, которую мы открыли в Москве.

И он рассказал ребятам все, начиная с московской парикмахерской Рублева и кончая своим пленением.

— Очнулся я, — закончил он, — связанным по рукам и ногам. На глазах была плотная повязка. Меня куда-то несли сначала по открытому воздуху, затем открыли какой-то люк и стали спускаться и, наконец, принесли в это помещение и бросили на пол. Когда мне развязали глаза, я увидел трех человек в масках. Один был огромного роста с черной бородой. Из их разговора я понял, что им в значительной части известна цель моего приезда. Их кто-то известил из Москвы. Кто, я не мог узнать. При разговоре они его называли «Восьмой». Они потребовали, чтобы я им рассказал все, объяснив во всех деталях оперативный план. Я отказался, и вот тут-то они показали себя в полной мере. Они били меня по голове и по лицу — видите синие полосы? — резиновыми палками, кололи длинными иглками, вырывали щипцами волосы на голове, не давали пить и, нако-

нец, растянули на полу, выворачивая суставы. Я от мучительной боли потерял сознание, и вот таким-то вы меня и нашли.

— Идти ты можешь?

— Не знаю, попробую.

Встал, пошатываясь. Ноги не слушались.

Опираясь на ребят, он медленно стал передвигаться по комнате.

— Ну вот, понемногу и налаживается дело. Ты только не унывай, товарищ. Опирайся для крепости на Митрия и начинай ногами работать.

ШИФРОВАННОЕ ПИСЬМО

Глава XI

ГДЕ ВЫХОД ИЗ ПОДЗЕМЕЛЬЯ?

Двинулись дальше уже втроем и без приключений добрались до большой и широкой комнаты, уставленной каменными скамьями, столами и какими-то странными фигурами, очертания которых расплывались в сумраке. В одной из стен заметили небольшой шкаф, в котором нашли накладную черную бороду, несколько фонарей, два нагана и одну бомбу, которая известна под именем «бомбы Новицкого».

Федор отдал один наган Мите, а другой вместе с бомбой оставил себе. Аренскому оставил пока палку, опираясь на которую, он передвигался более уверенно.

Дальше хода не было, значит, в этой комнате и должен быть выход наружу.

— Ну, ребята, расходись в разные стороны, и давай искать выхода.

Митя все статуи за руки и за ноги перетрогал — ничего путного не получилось.

— Стойте, товарищи, — сказал Аренский, — смотрите: следы на пыли и ведут они вот к этой картине, а дальше никаких следов нет.

Подошли, поглядели — правильно. Стали картину разглядывать. Картина эта была не нарисована, а из разноцветных камней сложена и представляла из себя охоту с борзыми.

— Ну, знаете, — сказал Федя, — с этой картиной дело потрудней будет, чем со статуей в Волчьем овраге. Может быть, ты, товарищ Аренский, догадаешься, в чем дело?

— Попробую. Думаю я, что ход открывается тогда, когда на один из этих кусочков надавить. А раз на него надавливали много раз, значит, он должен быть несколько потерт.

— По-моему, головы вот этих двух собак более выпуклы и более тусклы, чем остальные части картины, — сказал

Аренский. — Давайте-ка попробуем нажать на обе сразу.

Нажали. Картина отодвинулась в сторону, и в лицо нашим невольным путешественникам пахнуло свежим воздухом.

Вышли. В полумраке вырисовывались мраморные гробницы, разбросанные на подставках искусственные венки, висящие лампы.

— Что же это такое? — спросил Аренский.

— Подожди, дай оглядеться. Ах, ты черт! Да ведь это склеп Барановичей, что в конце монастырского кладбища расположен! Ишь, куда наш «волк» с приставной бородой забежал. Ну, да шалишь, теперь далеко не убежишь — поймает. Митя, посмотри-ка сколько времени.

— Четверть третьего.

— Надо спешить. Вот только как ход закрывается, не знаю. А ведь так, открытым, его оставить нельзя.

— Стоп! Почему это вон та крайняя лампада как будто бы немного покачивается? Ведь до нас тут никого не было. Тут что-то неладно, — сказал Аренский и, недолго думая, потянул за цепь, на которой висела лампада.

И... хода, как не было.

— А ведь нехитрая штука, когда разберешься, — заметил Митрий.

— Ладно, потом поговорим, — ответил Федор.

Из склепа наружу вела неплотно притворенная дверь, которая поддалась при слабом нажиме.

Вышли на кладбище. Светало.

— Куда же теперь? — спросил Аренский.

— К нам, — ответили ребята. — Это тут рядом. Вот дойдем до стены, перемахнем через нее, пройдем переулок и упрямся в забор нашего сада. А там, через забор — и дома.

Глава XII

ВЫСТРЕЛ ИЗ-ЗА УГЛА

Загорская губерния — захолустье изрядное. В учебниках географии можно найти ее главные достопримечательности: «Хлеб, сало и мощи угодников Божьих».

Население губернии — сплошь крестьяне-землепашцы, и только в самом городе Загорске приютилось несколько небольших заводов и фабрик да железнодорожные мастерские.

Если пойти от центральной городской площади, носившей название Театральной, по направлению спуска к реке Грачевке, то, пройдя два квартала, в переулке направо бросится в глаза большой, отделанный терразитом дом. Здесь помещается Губчека.

Вечер. Кажется, что дом и все в нем спит. И только яркий фонарь над главным входом бросает по сторонам яркие, причудливые блики.

Но вот тишину тихо дремлющих улиц нарушили четкие удары копыт быстро скачущей лошади. Из-за угла вынесся всадник. Не сдерживая рыси, он спрыгнул с седла, пронзительно свистнул и, передав лошадь вышедшему на свист человеку, вбежал по лестнице наверх, вовнутрь помещения.

— Товарищ Александровский у себя? — спросил он у внутреннего часового.

— Здорово, Кузин. Начальник только что вышел и сказал, что вернется через десять минут. Придется тебе подождать немного.

За полчаса до приезда Кузина Александровский, сидя у себя в кабинете, разбирал вечернюю почту. Телефонный звонок прорезал тишину. Взял трубку:

— Алло. Слушаю.

— Это ты, Володя?
— Кто спрашивает?
— Я, Лида.
— А, это ты, сестренка? В чем дело?
— Володя, зайди, пожалуйста, на минуту домой. Маме нездоровится.

— Минут через пять зайду, — ответил Александровский и, повесив трубку, снова принялся за работу.

Окончив просмотр наиболее важных бумаг и спрятав все в ящик письменного стола, он вышел из кабинета, запер дверь на ключ и начал спускаться вниз.

Подошел к часовому:

— Товарищ Болотов, я домой на минутку. Если кто будет спрашивать, скажи, что сейчас приду.

В конце Монастырской улицы с угла на угол от гостиницы «Англия», в саду, обнесенном невысокой каменной оградой, находилось ремесленное училище имени купца Соломенкина.

Решетчатая железная дверь, ведущая с улицы в сад, окружавший училище, обычно всегда запертая, была в этот вечер полуоткрыта. Если бы заглянуть в эту полуоткрытую дверь, то у пролома стены, идущей вдоль Монастырской улицы, можно было заметить невысокого, коренастого человека, напряженно всматривавшегося в темноту пустынных улиц.

— Идет, — прошептал человек, заслышав шум шагов и увидев силуэт человека, переходящего полотно конной железной дороги и направляющегося в сторону гостиницы «Англия».

Согнувшись, словно зверь, готовящийся к прыжку, сунул руку в наружный карман, вытащил оттуда браунинг и прицелился в приближающуюся фигуру.

Еще не окончил Кузин своего разговора с дежурным, как с улицы, догоняя один другого, вырвались несколько сухих револьверных выстрелов. Стреляли где-то совсем близко.

Из боковой двери караульного помещения без фуражек, полуодетые, с наганами в руках выбежали дежурные агенты и метнулись вниз по лестнице.

Стукнула выходная дверь.

Со стороны Монастырской улицы нарастал шум голосов.

Кузин также выскочил на улицу и увидел, что к дому подходит группа людей. Среди них он узнал председателя Губчека, который шел, прихрамывая и опираясь на руку одного из агентов. Александровский был ранен в ногу.

— А, это ты, Кузин. Привез что-нибудь?

— Так точно, товарищ начальник. Вот пакет срочных донесений из Барановска, — с этими словами Кузин передал объемистый пакет с сургучной печатью.

Взяв пакет, Александровский, сдерживая боль, стал подниматься по лестнице наверх.

Кузин остался на улице и от дежурных агентов узнал подробности случившегося: начальнику позвонили из дому и просили прийти. Спустя немного после звонка, он вышел из Губчека и, поравнявшись с оградой сада ремесленного училища, был обстрелян из браунинга. Однако ни одна пуля не задела его.

С браунингом в руке он бросился в ворота сада и, увидев убежавшего человека, выстрелил несколько раз ему вслед. Бежавший упал. Александровский, не выпуская из рук браунинга, стал осторожно приближаться к упавшему, который не подавал никаких признаков жизни.

Внезапно, почти в упор, прогремел выстрел. Александровский почувствовал острую режущую боль в ноге.

Стрелявший вскочил и бросился к ограде. Собрав силы и помня лишь о том, что бандита нельзя упустить, Александровский стреляет ему вслед. Бандит падает на всем бегу вниз лицом и уже больше не поднимается. Почти одновременно падает потерявший сознание Александровский.

Глава XIII

«ВОСЬМОЙ» — «ШЕСТОМУ»

Поднявшись наверх, Александровский лег на кушетку, так как боль в ноге давала себя чувствовать. Вызвали доктора Базилевского, который, осмотрев рану, сказал, что никакой опасности нет, кость цела, и что раненый ослабел только от потери крови.

— Несколько дней в постели — и вы, товарищ, сможете снова вернуться к работе, — заявил он.

— Магнис, — позвал Александровский агента, оставшегося возле него, — позвони, пожалуйста, домой, вызови сестру, передай ей все происшедшее и успокой заключением доктора.

Агент вышел, но минуты через три опять вошел в кабинет.

— Из дома ответили, что вам никто не звонил с самого утра.

— Как не звонил? Не может этого быть! Ведь я же сам слышал голос сестры.

— Товарищ начальник, я позвоню сейчас из вашего кабинета и передам вам трубку, а вы уже сами выясните, в чем дело.

— Звони.

Вызвав квартиру Александровского, Магнис передал трубку.

— Кто говорит?

— Я, Лида.

— Объясни мне, пожалуйста, в чем дело? Звонила ты мне или нет? Ведь я же узнал твой голос...

— Нет, Володя, я не звонила тебе, да и не могла звонить, так как весь день не была дома и пришла уже позже восьми часов.

— В чем же дело? Неужели это начинаются белогвардейские штучки? Как ты думаешь, Лида? Впрочем, об этом

поговорим после, а пока успокой маму. Дело кончилось пустяками — дня через три встану.

В кабинет вошел секретарь Губчека Когортов, державший в руках несколько бумаг.

— Что у тебя, Саша?

— А вот, полюбуйся. Нашли в подкладке фуражки стрелявшего в тебя мерзавца.

Александровский взял принесенные бумаги. Его внимание сразу же привлекло странное послание:

«Восьмой — Шестому.

Во имя Великой Родины, поруганного Царя — приказываю Вам уничтожить способом, который найдете удобным, начальника Загорской Губчека — Александровского. О результате известить по адресу: Я7 Б12 В4 Н121 С5 У82 Р2 Р13 В1 Н3 Е11 Я18 Х6 К19 Н4 А3 А20: М9 Р4 И17 Ц87 Д94 О81 Л55 В48 С31 И1 М28 Р8 О12 А6 А16 Н81 О30 О80 В4 М16 О3 Е33 Т7 Е74 Ы61 М53 А50 Д1 А3».

— Что это за арифметика с грамматикой? — сказал, наконец, Александровский. — Эка они тут цифр да букв напутали. Ну, да ничего — распутаем.

Остальные бумаги были разные удостоверения, выданные гражданину Завойскому, как сотруднику хозяйственно-административной части Губпродкома.

— Саша, возьми, пожалуйста, все эти бумаги и передай их старшему следователю Кудревичу. Пусть он, во-первых, постарается расшифровать всю эту арифметику, а, во-вторых, пусть он сейчас же проверит, служит ли действительно в Губпродкоме Завойский.

— Не беспокойся, все будет сделано.

— Да, я и забыл спросить тебя, жив этот самый Завойский или умер?

— Жив, хотя ты здорово угостил его, всадив пулю под правую лопатку. Не знаю, выживет ли.

— Должен выжить. Послать к нему лучших докторов. Ухаживать за ним, но не удалять караула. Я почему-то ду-

маю, что его попытаются освободить.

— Однако, довольно, — сказал Когортов, — тебе надо отдохнуть. Завтра поговорим. Будь здоров.

— Саша, Саша! Вернись на минутку. Совсем забыл о срочном пакете из Барановска. Тебе придется взять его и рассмотреть присланные бумаги. Утром расскажешь мне.

Глава XIV

НАВСТРЕЧУ БАНДИТАМ

Ночь Александровский провел сравнительно спокойно. Рана беспокоила не особенно сильно. Он уже хотел было встать, но доктор категорически предложил ему пробывать в постели еще три-четыре дня.

В восемь часов зашел Когортов.

— Ну что, как твое здоровье?

— Очень прилично. Что пишут из Барановска?

— Сейчас буду докладывать. Наш уполномоченный Фальберг сообщает о растущей активности бандитских элементов. Кулачество, несомненно, организуется и ждет только удобного момента для выступления. Были случаи убийства отдельных продармейцев. Но и это еще не все. Последнее донесение говорит о том, что восьмого сентября выехавший в район работы продотряда Барановский упродкомиссар товарищ Чуйко был захвачен вместе с охраной и зверски замучен — с него живого рвали кожу, вбивали гвозди в голову и, в конце концов, подвесили его и бывших с ним товарищей, осмолив их заживо.

— Вот зверье! И нас еще обвиняют в том, что мы ведем борьбу с этими людьми. Ведь волки, и те не мучают так свои жертвы, как эти негодяи!..

— Если ты будешь волноваться, я прекращу доклад.

— Ладно, не буду. Ты вот лучше скажи, что делать. Мое мнение — выслать несколько карательных отрядов в этот район, особенное же внимание обратить на деревни: Коневку, Птичное, Ново-Горелое. Там почти сплошь колесниковцы.

— Против посылки отрядов, конечно, возражать нельзя. Следует только согласовать вопрос с губвоенкомом. Плохо вот, что пока больше семидесяти пяти человек и одного пулемета дать не сумеем.

— Хватит пока и этого. Ведь у них на месте кое-что есть. А если понадобится подкрепление — мобилизуют чоновцев. Начальником отряда назначить товарища Захарова, — он парень боевой, спокойный, в трудную минуту не растеряется и сумеет дать хороший отпор. Как только поднимусь — выеду в район бандитизма сам. Со мной собирается губвоенком Находцев.

— Когда выступить отряду?

— Сегодня в ночь с тем, чтобы послезавтра рано утром прибыть в Барановск. Скажи Захарову, чтобы немедленно по прибытии явился бы в Уком к секретарю Васютину, который ему все подробности расскажет и дельный совет даст.

— Будет сделано.

* * *

8 часов вечера.

Общежитие войск N батальона ВЧК шевелится, как муравейник. Только сейчас получен приказ начгубчека о немедленном выступлении в район Барановска.

Ребята, из которых большинство коммунистов, хорошо понимают, какие задания им придется выполнить.

Они понимают, что там, среди крестьянства, свила гнездо контрреволюция и прилагает все силы к тому, чтобы порвать союз рабочих и крестьян, натравить их друг на друга.

Они знают, что жестокую борьбу придется повести с обнаглевшей белогвардейщиной и поэтому-то они крепко сжимают винтовки.

Знают, что они часовые революции, защитники завоеваний Октября.

Зорек их глаз, верна их рука.

Они готовы к бою.

Они победят, ибо они несут с собой освобождение трудящихся.

В полном походном боевом снаряжении строится отряд на улице перед общежитием.

Подходит Когортов:

— Товарищ! Я не буду говорить вам о том, что вы должны делать, как вы должны отстаивать завоевания Октября. Не один раз вы били белогвардейщину на различных фронтах. Разобьете и теперь. Другого выхода нет. Мы не можем позволить гнойным болячкам разъедать здоровое, мощное тело нашей республики. Вперед же, товарищи! Вперед во имя Коммунизма, во имя торжества Революции!

— Готовы к бою! — мощно несется в ответ со стороны отряда.

Четко бросает Захаров стальные слова команды.

Отряд двинулся, и еще долго доносилось мерное позвякивание оружия и глухой топот ног.

Глава XV

АГЕНТ ДТЧК

Вокзал. Народу — пушкой не пробьешь. Серые шинели, крестьянские тулупы, кожаные куртки, бабьи платки и повязки.

Бесконечное количество оборванных мальчишек, продающих махорку и какую-то подозрительную снесь.

Ждут поезда из Москвы, который после получасовой стоянки должен отправиться на Ростов.

На четвертом пути, в сторону Курского вокзала, стоят три теплушки, около которых с факелом работают два слесаря, проверяющих колеса, оси и общее состояние вагонов.

Со стороны главного вокзала подходит человек, одетый в форму агента дорожной ЧК.

— Ну, как дело, ребята? Исправны вагоны? А то ведь через час отряд грузиться начнет.

— Хороши. Беспокоиться нечего.

— Товарищ, — обратились рабочие к агенту, — может быть, ты постоишь здесь, а мы до буфета за кипятком добежим — уж больно после селедки все нутро горит.

— Ладно. Валяйте, только быстрее возвращайтесь, а то мне некогда.

Слесари бегом в сторону вокзала метнулись.

Как только они скрылись из глаз, агент, внимательно оглядевшись кругом, вынул из портфеля сверток, похожий на коробку конфет, — даже ленточкой розовой перевязанный — и нырнул под средний вагон. Послышался легкий стук, и немного спустя агент выбрался из-под вагонов, возле которых начал прогуливаться взад и вперед.

Вернулись ходившие за кипятком.

— Мне пора идти, товарищи. Вот уже и поезд московский подошел.

Минут через десять отцепленный от состава паровоз стал приближаться к вагонам. Прицепка прошла без заминки, и скоро вагоны, постукивая и скрипя, присоединились к ожидавшему их составу.

Сейчас же началась посадка отряда, прошедшая спокойно, словно по нотам.

После посадки каждый занялся своим делом: одни закусывали и пили чай, другие легли отдохнуть, третьи, собравшись в кружок, занялись пением.

Захаров стоял около вагонов и рассеянно разглядывал разношерстную толпу.

— Товарищ Захаров, — услышал он детский голос.

Осмотревшись, заметил мальчишку, которого знала почти вся Губчека и которого, за его почти акробатическую подвижность, прозвали Гришка Козленок.

Этот Козленок был приемышем батальона, живя вместе с ним. Откуда он явился, точно не знал никто.

Нашел его Захаров однажды утром спящим около порога общежития батальона. Был он оборван до последней степени, голоден, грязен. Захаров накормил, пообчистил его и тут только увидел, что перед ним стоит мальчик лет восьми с живыми глазенками, худенький, белокурый.

— Как звать-то тебя? — спросил Захаров.

— Гришка.

— Родители померли, что ли?

— Мама померла, а батьку калмыки в Царицыне зарубили, он с красными был.

— Ну, а ты с кем?

— Тоже с красными. Вот вырасту — я им всем за батьку отплачу, живодедам!

И стал с этого времени Гришка равноправным членом дружной батальонной семьи.

Вот этого-то Гришку и увидел совсем неожиданно для себя Захаров.

— Зачем ты здесь?

— А как же вы без меня то поедете? За чаем-то кто же будет бегать? Винтовки-то кто почистит? Нет, без меня вам не обойтись. Нехорошо вы сделали, что меня не разбудили, как пошли на станцию. Еще товарищи называются!..

— Слышишь, Гришка, беги-ка ты в батальон, да ложись спать.

— Нет уж, товарищ Захаров, ты меня теперь домой не прогонишь. Если добром не возьмете, так я под вагоном или на крыше уеду.

— Ну ладно, лезь в средний вагон — ежели тебя туда пустят.

— Меня-то? Да что я, чужой им, что ли? Пустят, уж ты не беспокойся!

Не успел Захаров и глазом моргнуть, как Козленок влетел мячиком в вагон.

— Смотри, ребята, Козленок и здесь не отстает. Ай да парень! Ну, лезь сюда, вот консервы, хлеб — сейчас кипяток принесут. Валяй всю. Да смотри, не объешься. В походе этого не полагается.

КОРОБКА С КОНФЕТАМИ

Глава XVI

КОРОБКА С КОНФЕТАМИ

Крикнул паровоз. Дрогнули вагоны сначала тихо, а затем все быстрее и быстрее станционные огни стали убежать от поезда.

Вот уже проехали два моста через реку Грачевку, миновали разъезд Придачное и часам к двенадцати ночи были на небольшой станции Давыдовская, где остановились, ожидая встречного поезда, который должен был выйти с большой станции Лиски.

Поезд остановился. Из всех вагонов повылезли пассажиры размять затекшие ноги — ехать приходилось в большинстве случаев стоя.

Вышел кое-кто и из отряда, а с ними и проснувшийся Козленок. На втором пути стоял поезд с красноармейцами, перебрасываемыми в район Киева. Козленок почувствовал необходимость перебраться на ту сторону и, так как состав был очень длинный, то он, недолго думая, полез под вагон. Не прошло и минуты, как из-под вагона послышался его голос.

— Товарищ Захаров! Тут под вагоном в коробке вроде как бы часы стучат.

— Какие там часы, почудилось тебе, что ли? Вылазь-ка из-под вагона, а то тронется поезд и раздавит тебя так, что ты и чихнуть не успеешь.

— Ей-богу, стучат. Совсем явственно. Да ты лезь сюда — сам увидишь.

Заинтересовавшись, в чем дело, Захаров полез под вагон и, действительно, увидел прикрепленную к полу вагона продолговатую коробку, из которой слышалось тиканье, похожее на звуки, которые производит будильник.

— Тихонов, — позвал он из-под вагона электротехника и подрывника, который ехал с отрядом, — посмотри-ка, что это здесь пристроено.

Не заставляя себя просить, Тихонов залез под вагон и, увидев ящичек, молча, сосредоточенно и осторожно стал отвинчивать его от досок пола.

— Не лезь, — бросил он Захарову, который хотел было поддержать коробку. — Вылезайте из-под вагона, да не толкайте меня.

Вылезли. Тихонов прислушивается к тиканью в коробке.

— Так и есть, — бросает он.

— Да скажешь ты, черт тебя задери, что эта за коробка?

— Адская машина, которая действует, как часовой механизм.

Захаров недоверчиво посмотрел на говорившего.

— Как так адская машина? Черти, что ли, нам ее в зубах принесли?

— А вот сейчас узнаем, какая, — и с этими словами Тихонов осторожно стал вскрывать ящик.

Захаров, заглянувши через его плечо, увидел внутри стеклянную трубочку, наполненную какой-то желтоватой жидкостью. Трубочка эта была расположена как раз над углублением с невысокими стенками, в котором находился какой-то порошок. Над трубочкой находился небольшой металлический молоточек, соединенный с системой зубчатых колесиков, укрепленных на горизонтальном стержне. Вид этого прибора был совсем не страшен, и Захаров недоумевал, чего это так волнуется Тихонов. А тот, продолжая свою работу, отогнул одну половину зажима, держащего трубочку, вынул ее из коробки и облегченно вздохнул.

— Ну, теперь не страшно.

— Да расскажешь ты, наконец, в чем тут дело? Что ты про себя ворчишь, словно колдуешь?

— Ладно. Сейчас объясню. Порошок этот — очень сильное взрывчатое вещество. В трубочке налит особый состав. Молоточек, ты это сам видишь, соединен с колесиками стальной пружинкой. Колесики эти заводятся как часы и, разгибая пружинки, передвигают молоточек, приближая его к трубочке. Через определенный промежуток времени молоточек,двигающийся скачками, обязательно должен раз-

бить трубочку, жидкость попала бы на порошок, и произошел бы такой взрыв, который уничтожил бы значительную часть нашего состава. Понял теперь, какой игрушкой хотели угостить нас? Выходит, что нас ждали и готовили нам «хорошую встречу».

— Когда же нам ее подсунули?

— Теперь об этом говорить не приходится. Хорошо, что вовремя заметили. Молодец, Козленок! К ордену тебя представить надо.

Когда отряд узнал, от какой беды их спас Козленок, ему такое чествование с качанием устроили, что он, как мячик, вверх летал. А когда, наконец, на землю стал, то первым делом под вагон полез.

— Ты что же это опять за адской машиной полез?

— Нет, живот болит.

Глава XVII

НОЧНАЯ СХВАТКА

Пришел поезд из Лисок. Пора было ожидавшему составу двигаться дальше.

Перед отправкой были осмотрены все вагоны. Ничего подозрительного нигде не было найдено. Прорезая ночную мглу, мерно постукивая, поезд двинулся дальше, и скоро Давыдовская скрылась из виду.

Вдоль линии тянулся густой кустарник. Не прошло и десяти минут, как со стороны кустарника раздалась по поезду частые выстрелы. Отряд моментально стал «под винтовку» и дружно ответил невидимому противнику.

Машинист прибавил ход. На крутом повороте вагоны сильно качнуло.

— Гришка упал, — крикнул Захаров и, почти не отдавая себе отчета, резко дернул за сигнальную веревку. Пробежав немного, поезд стал. Выстрелы и с той и с другой стороны усилились. Выдвинули пулемет, и свинцовый дождь понесся по кустам.

— Я сейчас, ребята, — крикнул Захаров и, схвативши карабин, нырнул под поезд.

Стрелявшие из кустов, вероятно, увидели выскочившего человека и, примолкнув было после пулеметной «закуски», снова открыли стрельбу, целясь под вагон.

— Гришка, ползи ко мне. Да не поднимай головы!

— Слышу!

Скоро Захаров увидел Гришку, ползущего на животе вдоль линии вагонов.

— Лезь под вагон.

— Да не спеши ты, товарищ Захаров. Сказал, лезу — значит, лезу.

— Ребята, а ну-ка, нажми еще разок из пулемета, как из-под вагона вылезать буду.

Пулемет бешено затыкал, кусты смолкли. Захаров схватил Гришку, вылез на четвереньках из-под вагона, быстро выпрямился и, бросив Гришку внутрь вагона, схватился за протянутые ему руки, впрыгнул сам. Со стороны кустов стукнуло еще несколько выстрелов. Захаров почувствовал, что его больно ударило по левой руке.

Поезд под аккомпанемент выстрелов двинулся дальше. Вокруг Захарова столпились ребята и, распоров ему рукав, увидели, что чуть пониже плеча мякоть руки прострелена насквозь.

Рану перевязал фельдшер, и Захарова уложили на нары, подстлав несколько шинелей. Козленок поместился около его ног и, виновато смотря, спросил:

— Товарищ Захаров, очень тебе больно? Я ведь не нарочно упал. Тряхнуло уж очень сильно, я и не удержался.

— Ложись-ка ты спать, Гриша, — ответил Захаров. — Утром ты мне все расскажешь.

Вот и Лиски. Станция сильно потрепана в период боев, шедших вокруг нее при Шкуро-Мамонтовском налете. Почти все пути забиты составами поездов. В помещении вокзала пройти почти невозможно: все занято пассажирами всех видов, красноармейцами.

Стоять пришлось недолго. Примерно через час поезд двинулся дальше и к утру уже был на полпути от Барановска.

Захаров поднялся совсем здоровым. Переменил перевязку, заливши рану йодом. Боли почти не было, и он мог свободно держаться на ногах.

После случая у станции Давыдовской весь поезд был превращен, что называется, в полную боевую готовность.

По распоряжению Захарова его отряд принял охрану поезда, на паровозном тендере был поставлен пулемет. У всех было несколько напряженное состояние.

Глава XVIII

ДЕД С МЕШКОМ

Вот и станция Загорное. Начальник предупредил, что поезд простоит не больше пяти минут, и просил едущих не уходить далеко.

— Товарищ, а товарищ, — услышал Захаров, сидящий, свесив ноги, у входа в вагон. Обернулся и увидел старика с каким-то мешком на спине. Старик согнулся под тяжестью и с трудом переводил дыхание.

— Ты что, дедушка? — спросил Захаров.

— Перевезите вы меня, голубчики. Я хоть на площадке подожду. Куда ни просился — не пускают. И ехать-то мне недалеко, всего два пролета.

Старик был до того жалок, что Захаров, немного подумав, позволил ему устроиться на площадке одного из трех

вагонов, следующих за паровозом. Кряхтя и кашляя, старик начал поднимать мешок, но сделать ничего не мог.

— Ребята, помогите деду мешок втащить, а то у меня рука не позволяет, — бросил Захаров в вагон.

Мешок был втащен, и забравшийся на площадку старик, крестясь и желая всякого добра помогавшему, уселся на не-го.

Свисток. Поезд тронулся. Полотно шло в гору. В вагонах шло обсуждение ночных событий. Случай с адской машиной и прошедшая перестрелка показывали достаточно ясно, что составом кто-то очень сильно интересуется, словно зная, кто и куда в нем едет.

Но все происшедшее ничуть не смущало ребят из отряда. Они привыкли к кипучей фронтовой жизни, привыкли к обстрелам и стычкам.

Да и погода была такая, что совсем не располагала к дурным мыслям. Было солнечно, и прохладный ветерок, приносящий с собой аромат осени, врывается в открытые двери и окна вагонов, освежая лица пассажиров.

Кругом расстилались казавшиеся бесконечными степи, на которых еще можно было увидеть осенние цветы.

Поезд пробегал через маленькие мостики, перекинутые через степные ручьи и речки. Временами мелькали белые селения, притаившиеся в зелени садов.

Все было так мирно, спокойно... И вдруг резкий толчок — и весь состав поезда понесся в обратную сторону, а паровоз, почтовый вагон и один из вагонов, в котором была часть отряда, продолжали двигаться вперед. Состав, идя под гору, развивал бешеную скорость. Вагоны вздрагивали и, как закусившая удила лошадь, готовы были на одном из поворотов сорваться с рельс.

Мешочники, обезумев от страха, бросали свои мешки и соскакивали сами.

— Что делать, товарищи? Соскакивать или ждать, когда поезд полетит под откос? Помощи ждать неоткуда, это вы понимаете сами, — спокойно сказал Захаров, обращаясь к отряду.

— Товарищ Захаров, дай я на крышу влезу и посмотрю, может, паровоз нас догонит, — сказал Козленок.

— Как же ты на таком ходу полезешь, дурачок! Сиди-ка здесь. На крышу, действительно, лезть надо, но полезет кто-нибудь другой. Товарищ Бучнев, ведь ты в цирке раньше акробатом служил — ну-ка, покажи свое искусство.

Бучнев, молодой, гибкий малый, не говоря ни слова, сбросил сапоги и обратился к товарищам:

— А ну, кто-нибудь, подсадите меня на крышу — ухватиться.

Схватившись за крышу, он резким броском закинул вверх ноги и исчез на крыше.

Скоро послышался его голос:

— Паровоз гонится за нами, на буферах сидят двое и готовятся зацепить нас, как только подойдут вплотную. Я спущусь на площадку, да, кстати, посмотрю, не умер ли наш дед от страха.

Состав пронесся через закругление, и тут все увидели не больше чем в нескольких саженях буквально летящий задним ходом паровоз.

— Держись, ребята, скоро зацепим, — можно было разобрать голоса сидевших на буферах.

Глава XIX

ЧТО НАШЛИ НА ТОРМОЗНОЙ ПЛОЩАДКЕ

— Ах ты, черт старый... — послышался с площадки голос Бучнева. Но в этот момент буфера паровоза стукнули о буфера вагонов и как бы прилипли к ним, заглушив конец фразы.

Согнувшись и совсем забыв о том, что каждую минуту можно полететь под колеса вагонов, сидевшие на буферах ухитрились накинуть прицепную цепь на крюки, и паровоз

осторожно стал давать контр-пар.

Ход поезда замедлился — этому немало помогло и то обстоятельство, что миновали уклон. Наконец, поезд стал недалеко от моста через Дон.

Словно мухи, с поезда запрыгали на землю пассажиры.

Кто плакал, кто смеялся, кто орал что-то несообразное, кто крыл, сам не зная кого, «в бога, веру, мать».

Сцепщиков, из которых один оказался Тихоновым, а другой матросом, едущим с побывки в Ростов, чуть не закатали до смерти. Отдуваясь, они еле-еле дышали.

— А Бучнев-то где? — спросил Захаров. — Не слетел ли он на повороте?

— Да здесь я. Некуда мне деться. Вы вот лучше сюда пойдите, — слышался его голос.

Несколько человек подошли к площадке и увидели Бучнева, который вытряхивал из стариковского мешка землю, кирпичи, какое-то тряпье и тому подобную дрянь. Тут же, на площадке, валялась седая борода, парик, старый дражный зипун.

— Что это за мусорный ящик такой?

— А вот прочтите письмо этого старого черта, так все узнаете.

«Если кто уцелеет, так знайте, что всюду за вами тянутся щупальца “Черного осьминога”, который, в конце концов, передушит вас поодиночке. Помните, что ни один шаг не пройдет без нашего ведома.

Помните, что мы не знаем слова “пощада”.

Помните, что мы тенью будем ходить за вами, обрушивать удары на ваши головы тогда, когда вы этого меньше всего ожидаете.

Помните, что вы обречены на гибель.

“Черный осьминог”».

— Что это за «осьминог» такой? — спросил кто-то.

— А это чудовище морское, которое щупальцами, — их у него восемь, — к своей жертве присасывается и кровь сосет.

— Ничего, товарищи. И на этого самого «Осьминога» крючок хороший найдем. Да такой, с которого не сорвешься, будь у тебя хоть сто ног, — заметил Захаров.

— Правильно, товарищ, — слышались возгласы. — Довольно «осьминоги» эти рабочей да крестьянской крови насосались! Конец и им придет! Пусть бахвалятся. Нас ведь этим не испугаешь. Били мы Мамонтова, Шкуро, Краснова, Каледина. Многих били. Побьем и Колесникова и всяким «Черным осьминогам» щупальца в один момент пообрубим.

— Пора в путь. И так много времени потеряли, нагонять придется, — слышался голос машиниста.

Пассажиры быстро разместились, и поезд тихо пополз вперед, как бы ощупывая каждый кусочек рельса.

Часам к девяти вечера вполне благополучно добрались до Барановска, где на самой станции отряд встретил уездный военный комиссар и уполномоченный Губчека товарищ Фальберг.

— Ну, как дела, товарищ? — обратился к нему Захаров.

— Неважно, — ответил тот. — Кругом какая-то чертовщина творится. А хуже всего то, что сегодня из Москвы шифровку получили с извещением, что в Барановск выехал уполномоченный ВЧК товарищ Аренский, которого, однако, до сих пор нет и нет. Словно сквозь землю провалился.

Глава XX

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ ПАВЛА ВОСТРЯКОВА

Как только Митрий и Федька приготовились спуститься в неожиданно открытый ими ход в полу барановичев-

ской башни, Павел Востряков, засучив повыше штаны и запрокинув голову, как ветер помчался в город.

Дорога, по которой мчался Павел, была ему знакома до малейшей извилины, каждый кустик, каждый поворот был ребятами изучен до малейших подробностей. Поэтому-то, несмотря на непролазную тьму, Павлу не приходилось нащупывать дорогу — мчался он, зная заранее, где надо повернуть, где подогнуться вовремя, чтобы не поцарапать ветками дерева лицо.

Хоть и был Павел еще молод, но он хорошо понимал, что ему предстоит выполнить важную задачу — лучшие друзья его подвергались большому риску, спустившись в подземелье. Он слышал также разговор этих двух таинственных людей. Кто они — Павел не мог бы сказать, но он понимал, что это враги Советской власти, а, следовательно, и его враги, что они замышляют отравить отряд чекистов, что они ненавидят тех людей в городе, которых Павел считал лучшими и, глядя на которых, Павел мечтал когда-нибудь сделаться таким же.

От быстрого бега ветер свистел мимо ушей и жег лицо. По ногам больно стегали невидимые в темноте прутья кустов.

Было еще у Павла сознание гордости от того, что вот они, ребята, сделали такое важное открытие, которое должно удивить секретаря Укома товарища Васютина. Павел представлял себе, как товарищ Васютин выслушает его и, добродушно похлопав по плечу, скажет: «Молодцы ребята, вот это я понимаю. Настоящие комсомольцы!»

Павел уже поднялся из Волчьего оврага и спустился в небольшую ложбину, от которой тянулось кладбище. Раньше, до этого случая, Павел никогда бы не решился ночью пройти мимо него: маячили в темноте кресты, было всегда на кладбище тихо, только ветер шелестел таинственно листьями росших на кладбище тополей. Пахло всегда с кладбища какой-то гнилью и сыростью, казалось, что вот-вот отделится от какого-либо памятника или креста белая тень мертвеца или привидения.

Теперь же, после этого случая, Павел решил, что привидений нет совсем, а если и можно увидеть кого-нибудь, то это непременно живой человек, затевающий какое-нибудь злое дело, как в этот раз.

Поэтому-то Павел даже несколько замедлил свой бег около кладбища — назло всем привидениям.

Дорога проходила близко к ограде, но тьма на этот раз была так сильна, что не видно было ни ограды, ни крестов — только тополя шумели, и несло сыростью.

В одном месте, где в ограде имелся пролом (раньше — самое опасное место), Павел даже остановился в пренебрежении ко всем опасностям, перевел дух и с удалью громко сплюнул.

— А ну, привидение, выходи, — сказал он громко в темноту.

Кладбищенская темнота молчала, только тополя шумели и сыростью несло. Павел нагнулся поправить спустившиеся штаны и думал уже пуститься в путь, как сбоку вдруг зашуршала осыпающаяся земля, затрещали сучья, и не успел Павел опомниться, как его придавило сверху какой-то живой тяжестью. Павел взвизгнул от неожиданности, равнлся изо всех сил, но тяжесть не отпускала его.

«Неужели привидения все-таки есть?» — мелькнуло у него в голове, и холодная дрожь пробежала по всем мускулам, сразу расслабив их.

— Я тебе покажу, стервец, как подсматривать, — проговорил в темноте злой, грубый голос, — ты у меня будешь помнить!..

Как только Павел услышал звуки обыкновенного человеческого голоса, страх сразу в нем прошел. Молодые, упругие мускулы напряглись, Павел начал биться, пытаясь высвободиться от неизвестных цепких рук. Но они держали его крепко. Павел цеплялся за чью-то рубашку, которая трещала, бил кулаком по мясистому телу, брыкался ногами, но ничего не помогало.

Неизвестный человек был силен и тяжел, как слон.

Вспомнив о спустившихся в подземелье товарищах, о секретаре Укома товарище Васютине, которого надо было

предупредить во что бы то ни стало, Павел еще сильнее забился, пробуя все способы отделаться от сильных рук.

Раз Павел почувствовал как его палец попал во что-то мягкое и мокрое — глаз. Павел нажал сильнее — человек откинул голову назад, вскрикнул и на мгновение ослабил руки. Но лишь только Павел хотел воспользоваться этим случаем, как руки человека вновь с силой захлестнули, сжали Павлушкину грудь так, что ему даже стало трудно дышать.

— Ах, черт, я же тебе покажу! — зарычал в темноте человек.

Павел вдруг почувствовал около подбородка мягкую, волосатую, теплую руку человека, подогнул голову и, захватив зубами напрягшийся мускул, с силой стиснул их.

Человек взвыл от боли, наклонился, высвободил свободную руку и, размахнувшись, со всей силой ударил Павла по голове. Павел потерял сознание и упал на землю.

Человек минуту постоял над Павлом, потер укус, выругался смачно и, перекинув безжизненное тело через плечо, скрылся в темноте кладбища.

В ЛОВУШКЕ

Глава XXI

СТАНОВИЩЕ БАНДИТОВ

Длинной полосой, верст на тридцать в ширину, протянулись казенные леса Загорской губернии. Обступив густой чащей с двух сторон железнодорожный путь, разбежались леса в разные стороны от железной дороги, веками заняв — глушью и прелью лесной — тысячи десятин.

Пока в Москве «Черный осьминог» обсуждал план предстоящего восстания, запрещая единичные, неорганизованные выступления, отряд поручика Чернавского залег в самом глухом уголке этих лесов, предаваясь безделью, дебошам и пьянству.

Отряд Чернавского представлял дикое и странное зрелище. Он насчитывал около 200 человек. Трудно сказать, где Чернавский набрал этих людей. Все человеческие отбросы, падаль человеческого общества нашли себе здесь приют и успокоение. Здесь были представители всех родов преступления, начиная от закоренелых убийц-рецидивистов и воров и кончая дезертирами.

Сам Чернавский редко показывался в этом отряде, непосредственно им командовал Берг, но даже на расстоянии Чернавский умело руководил этим сбродом.

После неудачи с нападением на поезд, в котором ехал Барановск отряд чекистов под командой товарища Захарова, после неудачи с отцепкой вагона, озлобленные бандиты вернулись в свое становище.

— Обещали всего, а сами вшами нас в лесу кормят, — ворчали некоторые из отряда.

— Что мы — мальчики, чтобы с нами играть?!

— Доколе ж мы тут скитаться будем?..

— Небось, едрена мать, сами-то...

Берг понимал, что отряду надо было чем-нибудь заткнуть глотку. Это ворчание могло быть опасным. Он распорядился отпустить на каждого достаточную дозу самогон-

ки — это отвлекало отряд и всегда имело свои хорошие результаты.

В отношении самогонки дело было поставлено в отряде великолепно, имелись свои специалисты, которые занимались только этим. Почти каждую ночь белый едкий дым застилал небо над лесом, где расположился отряд.

После выпитой самогонки лес сразу наполнился гамом и смехом. По кустам визжали бабы, от насилий и пьянства потерявшие образ человеческий, дергали надоедливо лесную тишину пьяные звуки разбитой гармоники, пьяные заковыристые ругательства висли тяжестью осклизлой на листьях леса. Особенный успех имел в этот день Егор Ляшка. Это он в образе старика на одной из остановок попросил разрешения у отряда чекистов проехать с ними.

— Ловко ты эту сволочь спустил с горы, Ляшка, — говорили ему.

— Небось, струхнули порядком...

— Будут знать наших...

— Ах, дьявол, Ляшка, туды-растуды, — ну и мастак, ей-богу...

— И де только твою башку делали?..

— Гостинцу им в мешке оставил... Го-го-го-го...

— Борода-то тоже там осталась... Ну и чертяка!

— Эх, Егорка, давай выпьем за твою бороду, что оставил на растерзание...

Отряд пьяных галдел на все лады, как в это время подошел к Бергу дежурный у телефона:

— Господин поручик, вас просят к телефону...

Чернавский находился в постоянной связи с отрядом по телефону. Телефонный провод незаметно проходил по лесу и потом, искусно замаскированный в дорогах, соединялся с главным штабом, имевшим уже связь с Москвой. Место этого штаба никому не было известно, за исключением Берга.

По телефону звонил Чернавский. Он спрашивал о результатах нападения на отряд Захарова.

— Нападение было неудачно, они все-таки проехали с небольшими неприятностями мимо...

Чернавский зло выругался.

— Вообще нам в последнее время не везет, — продолжал Чернавский, — какие-то сопляки открыли наш ход в башне, и мы лишены теперь одного из убежищ — одного из них я сцапал, и он находится у меня...

Эти сведения ошеломили Берга. Он никогда не думал, что ход в башне можно было бы когда-нибудь открыть.

— Какие меры нужно принять? — спросил он Чернавского.

— Старайтесь держать отряд в руках, усильте часовых, отправьте постоянную разведку версты на две от отряда... Эти мерзавцы, чекисты, будут теперь везде шнырять — надо быть начеку...

Глава XXII

В МЕШКЕ

Рано утром Аренский вместе с ребятами-комсомольцами Федькой и Митрием, освободившими его из проклятого подземелья, отправились к секретарю Укома товарищу Васютину.

Товарищ Васютин уже не спал. Он ходил сосредоточенно по комнате, заложив за спину руки. Это говорило за то, что Васютин чем-то обеспокоен. В последнее время, по доносам уполномоченного ГПУ Фальберга, в городе и окрестных селах творилась какая-то чертовщина. Чьи-то незримые руки будоражили крестьянские массы, подбивая на восстание. Фальберг сбился с ног, пытаясь напасть хоть на какой-нибудь след. Исчезновение Аренского, о выезде которого сообщила шифрованная телеграмма из Москвы, было непонятно. А то, что уже Москва знала о начинавшемся движении здесь, говорило за серьезность положения. Надо было принять какие-то решительные меры. Приехавший

вчера вечером отряд несколько облегчал эту задачу, но что могли сделать несколько десятков хорошо вооруженных чекистов, когда контрреволюционное движение принимало массовый характер?..

«Надо найти самую голову этого движения и отрубить ее, — думал Васютин, — а главари эти где-то здесь под боком...»

В это время на небольшом рабочем столике задребезжал телефон.

— Это ты, Васютин?

— Да, я.

— Говорит Фальберг. Можно будет к тебе сейчас прийти обсудить кое-какие вопросы? Ты не спишь?

— Я тебя жду, Фальберг. Я сам хотел увидаться с тобой.

За окном стояло раннее сырое утро. Улицы были пусты и сонны. Через несколько минут в дверь постучали. Фальберг жил недалеко. Васютин пошел открыть дверь.

— Заходи, Фальберг, заходи — надо же нам, наконец, покончить со всей этой ерундой, — проговорил Васютин, отодвигая засов двери.

Но не успел Васютин отступить на шаг от открывающейся двери, как она с силой распахнулась, и двое неизвестных с наганами в руках накиннулись на него.

— Ни с места! — прошептал высокий человек с черной бородой. — Кузьма, обыщи карманы, — приказал он другому.

Васютин почувствовал вдруг необычайный прилив энергии. Он инстинктивно почувствовал, что эти два человека и есть та головка, о которой он думал всего несколько минут назад. Васютин был очень сильным человеком, когда-то для него было пустым делом внести два пятипудовых мешка на четвертый этаж мельницы. Нужно было только задержать этих двух бандитов до прихода Фальберга, а вдвоем-то они уже справятся.

Кузьма подошел к Васютину и начал обшаривать его карманы. Васютин с быстротой молнии обхватил поперек Кузьму, прижав его голову подмышкой, и, как мячик, бросил его в человека с черной бородой, но Чернавский — так

как это был он, — предупредил его и, отскочив в сторону, зверем остервенелым накинулся на Васютина, отбросив наган в сторону — не в расчетах бандитов было поднимать стрельбу. Это понимал и Васютин.

Между ними завязалась рукопашная борьба. Васютин после первой же схватки почувствовал в Чернавском серьезного противника. Но и с ним Васютин справился бы, если бы не Кузьма, который, поднявшись, петлей веревки стянул ему ноги. Васютин хотел закричать, но Чернавский с силой, так что скулы затрещали, заткнул ему рот какой-то тряпкой.

Васютин ждал с минуты на минуту прихода Фальберга, но его не было. Да теперь и приходить-то ему не нужно было, так как с Фальбергом они так же легко справились бы, как и с ним.

Когда Васютин уже лежал, связанный кругом веревками, Чернавский, с резко изменившейся физиономией, так как черная накладная борода во время борьбы отскочила и валялась на полу, — захихикал осторожно и сказал:

— Ну-с, товарищ Васютин, сосочка-то как, вкусная, пососи ее, это вашему брату полезно... Скоро такую соску мы и вашему Ленину вставим в Москве...

Пока Чернавский так издевался над Васютиным, Кузьма рылся в его бумагах на столе.

Через несколько минут Чернавский с мешком на плечах, в котором лежал связанный Васютин, и Кузьма вышли из квартиры Васютина.

Васютин ворочался в мешке и бился ногами, пытаясь этим обратить внимание проходящих на улице. Кузьма несколько раз больно ударял Васютина.

— Перестаньте, товарищ Васютин, ерзать — все равно это не поможет...

Через несколько шагов они увидели идущих им навстречу Аренского с комсомольцами... Встреча была так неожиданна, что у Чернавского внутри похолодело, а на лбу выступили капельки пота.

Кузьма шел сзади и, поглаживая мешок рукой, приговаривал успокоительно:

— Чуш, чуш, чуш... Васька, Васька...

А когда они поравнялись с Аренским, он громко сказал:

— Ну, Павел Кузьмич, и поросся мы с тобой отхватили — пожалуй, пудов на пять...

При звуке этого голоса Аренский посмотрел вслед удалявшимся людям, несшим «свинью».

«Где я слышал этот голос? — думал он, подходя к квартире Васютина. — Или это мне показалось?...»

Глава XXIII

ЧЕРНАЯ БОРОДА

Аренский несколько раз постучал в дверь. Никто не отзывался.

— Да вы точно знаете, что Васютин здесь живет? — спросил у ребят Аренский.

— Еще бы не знать, где живет секретарь Укома! — задорно сказал Федька. — Конечно, здесь.

В это время из-за угла показался Фальберг.

— А вот, товарищ Аренский, Фальберг идет. Вы его тоже хотели видеть.

Фальберг подошел к ним.

— Товарищ Фальберг? — спросил Аренский, подавая ему руку. — Я Аренский, командирован ВЧК...

— Товарищ Аренский, — обрадовался Фальберг, крепко сжав руки Аренскому, — где это вы пропадали до сих пор? Мы уже думали, что вас где-нибудь прихлопнули...

— Да так оно и было — вот, ребята выручили.

При этих словах Федор и Митька широко заулыбались.

— Но обо всем этом мы, товарищ Фальберг, поговорим после, сейчас же зайдем к товарищу Васютину и поговорим о делах...

— Да я тоже к нему направлялся — это очень кстати... Вы уже постучали? — спросил товарищ Фальберг.

— Да, я стучал, но что-то долго не открывают. Может быть, он спит еще?..

— Да нет, я ему звонил по телефону — он уже встал и должен был ждать меня.

Фальберг нажал дверь, и она совершенно легко открылась.

Первым влетел в коридор Митька.

— Черная борода, — крикнул он, увидев на полу забытую Чернавским бороду, — это та самая, которую мы видели на человеке, подъехавшем в лодке...

Аренский быстро осмотрелся по сторонам. В воздухе еще носилась пыль, поднятая недавней борьбой. В стороне лежал опрокинутый стул и кусок веревки.

— Так и есть, они уже и здесь, мерзавцы, побывали, — Аренский быстро открыл дверь в комнату. На полу были разбросаны бумаги, стол был в беспорядке, комната была пуста.

Аренский вдруг больно хлопнул себя по лбу:

— Черт возьми, да ведь это же они — эти два человека с мешком забрали Васютина! И как я только не догадался!..

В это время Фальберг уже звонил по телефону:

— Это кто говорит? Товарищ Захаров, вышлите немедленно людей в окрестности города и в город. Пусть обыщут все уголки. Только что произошло нападение на квартиру секретаря Укома — они его, видимо, понесли в мешке. Нападавших было двое — они еще не могли далеко уйти. Поторопитесь, чтобы не опоздать...

— Мы с вами, товарищ Фальберг, отправимся по горячим следам, — сказал Аренский, — а вы, ребята, разыщите Павлушку — с ним, видимо, что-то случилось. Как только увидите что-нибудь подозрительное, сообщайте об этом или нам, или товарищу Захарову.

Люди из отряда Захарова, получив инструкции, рассыпались по городу и его окрестностям. Барановск был город небольшой, и осмотреть его было делом одного часа.

Аренский и Фальберг тоже метались по городу, но безрезультатно. Кузьма и Чернавский исчезли — как сквозь землю провалились. Не было ни малейших следов.

Аренский и Фальберг вышли из города по направлению к Волчьему оврагу. Когда они уже начали спускаться в него, внизу раздался глухой револьверный выстрел. Они бросились по направлению к нему. Через несколько минут они вдруг слышали слабые стоны.

Навалившись всем телом на куст, лежал тяжело раненый товарищ из отряда Захарова. Теплой розовой струей изо рта его бежала кровь. Товарищ был ранен смертельно и задыхался в агонии.

— Кто стрелял? — спросил его Аренский.

— Не знаю... вот... там... — с трудом, захлебываясь кровью, проговорил раненый, махнув в сторону рукой.

— Ах, сволочи, — заскрежетал бессильно зубами Аренский, — попадись только мне!..

Раненый товарищ доживал последние минуты. Аренский и Фальберг осторожно сняли его с куста и положили на землю. Раненый, несколько раз слабо простонав, вздрогнул и вытянулся, широко и мучительно открытые глаза его оставались безжизненно.

— Нам больше делать тут нечего... Как же они обнагле-ли, мерзавцы... — тихо и печально проговорил Аренский.

Они бросились дальше в указанном раненым направлении. Когда они огибали одну старую, уже подгнившую березу, из чащи кустарника совсем близко грохнул еще выстрел. Фальберг чуть вскрикнул и пошатнулся, сильно побледнев... Аренский несколько раз выстрелил в чащу.

— Вы ранены, — обратился к Фальбергу Аренский.

— Ничего — пустяки, это от неожиданности... Небольшая царапина в плечо...

Действительно, пуля, прострелив гимнастерку, чуть задела плечо. Фальберг быстро оправился.

К вечеру отряд Захарова был опять на месте, но не хватало восьми товарищей. После недолгих поисков были найдены пять убитых в разных местах за городом, а трое раненых вернулись сами.

Поиски были неудачны. Мало того, что преступники ускользнули, но они еще вдобавок убили нескольких так ценных теперь людей. Очевидно, в окрестностях города засело немало бандитов. Борьба обострялась — бандиты нагнали.

Относительно Павлуши предположения Аренского оправдались — Федька и Митрий обыскали весь город и не могли нигде его найти. Не было его и дома. Павлушка бесследно исчез. Ребята ходили растерянные и убитые, было тяжело лишиться своего лучшего товарища.

Глава XXIV

«ПОПРОСИТЕ К ТЕЛЕФОНУ БЕРГА»

Павел очнулся в какой-то темноте. Вначале он подумал, что стоит на кладбище, привязанный к какому-нибудь столбу, так как здесь, как и на кладбище, было сыро и пахло гнилью. Но здесь было совершенно тихо, даже и не слышно было шелеста тополей.

«Где же я?» — подумал он.

Руки его были крепко привязаны сзади к какому-то кольцу — он чувствовал холодное прикосновение металла к руке. Ноги его были свободны, и поэтому он ими пытался определить, где он находится. Ногами нащупал он какую-то сырую стену, пол был тоже сырой, каменный. Но тьма была так густа, что рассмотреть что-либо было трудно.

Больше всего мучило Павла то, что он не смог выполнить данного ему поручения. Ему рисовалась картина, как его два лучших друга остались запертыми в подземелье.

«Что с ними случилось? И смогут ли они оттуда выбраться? Главное же — никто об этом не знает в городе, никто...»

Эта мысль мучила больше всего. Павел вдруг вздрогнул: а отряд чекистов? Их же всех отравят!.. Павел дико рванулся и бессильно застонал. Веревка туго стягивала его руки, и кольцо было крепко.

Неожиданно, откуда-то сбоку, упала полоса яркого света и поползла ощупью по стене. Судя по выступавшим из стены глыбам камня, Павел понял, что он в какой-то пещере. Через некоторое время из-за изгиба скалы выступил человек с электрическим фонарем в руке. Пока слой света пробежал из одного угла пещеры в другой, Павел осматривался внимательно, изучая ее. Где он находится? Этой пещеры он никогда раньше не видел, хотя знал каждый уголок в окрестностях города.

Человек приблизился к Павлу, осветив его всего светом фонаря. Павел заметил, что на стенах пещеры висело несколько таких же фонарей. Павел увидел перед собой высокого человека с черной окладистой бородой — того самого, которого он с ребятами видел тогда около башни и который уехал потом на лодке. Это был Чернавский.

— Ну-с, молодой человек, как вы поживаете? — иронически спросил Чернавский.

Павел зло посмотрел на него и молчал.

— Не хотите разговаривать? Ну что ж, пока ваш разговор нам не нужен... Но придет время, когда я тебя, чертенка, заставлю заговорить, — уже грубо заговорил Чернавский.

Чернавский минуту постоял перед Павлом, о чем-то раздумывая, потом повернулся и скрылся за выступом скалы. Вслед за ним побежала и полоса света.

Через несколько минут Павел услышал дребезжащий слабый звонок. Павел насторожился и напруг все свое внимание. Услышал он следующее:

— Попросите к телефону Берга.

Через несколько минут молчания разговор возобновился.

Павел слышал, как Чернавский отдавал кому-то распоряжения:

— Нужно уничтожить отряд чекистов поодиночке. Половина отряда пусть засядет в окрестностях города, усилите караул. Положение очень серьезно. Не подавайте вида массовыми выступлениями, что мы имеем целый отряд. Несколько человек, снабженных необходимыми документами, отправьте в город — пусть следят за каждым шагом чекистов и доносят о происходящем немедленно.

Через несколько минут разговор закончился. Павел услышал тяжелый, медленный шорох. Свет погас, и стало тихо.

Руки Павла, сильно стянутые веревкой, ныли. От сильной усталости, от чрезвычайного нервного напряжения Павел прислонился к стене и забылся.

Сколько прошло времени после этого, он не помнил. Очнувшись он в такой же темноте. Только сильнее ныли руки. Хотя и неудобно было спать стоя, но все же сон несколько освежил его. Прибавилось сил, и голова заработала лучше. Павел искал все способы, которыми можно было бы освободиться.

«Ах, если бы я не был связан!..» — думал Павел. Кистями стянутых рук он ощущал железное кольцо. Оно было очень массивное и гладкое, и рассчитывать на то, чтобы оно могло поддаваться усилиям Павла, было нельзя. Вдруг Павел нащупал рядом с кольцом камень, выступавший острым концом. Ставши боком, как только можно было, Павел с радостью почувствовал, что веревка, которой были связаны его руки, как раз касалась острия камня. Навел, напрягая все усилия, начал перетирать веревку. От неудобного положения рука Павла прямо ломилась от боли. Веревка поддавалась плохо. Павел выбивался из сил, отдыхал минуту и опять принимался за работу.

Хоть и медленно, а Павел чувствовал, как расстояние между острием камня и его рукой уменьшалось. Веревка так сильно врезалась в его руку, что камень уже больно касался кожи его руки и вместе с веревкой разорвал ее до крови. Но Павел не обращал на это внимания. Его радовало, что через несколько минут руки его будут свободны, и с еще большим рвением он принимался за дело. Остáva-

лось сделать еще одно небольшое усилие, как вдруг Павел услышал знакомый уже ему шуршащий звук отодвигаемой тяжести и увидел вдруг вспыхнувшую полосу света. Павел принял прежнее положение, застыв на месте. Горечь неудачи упругим комком подкатывалась к горлу — столько усилий пропало даром...

В пещеру вошли два человека. Один из них, с черной бородой, снял какой-то мешок с плеча. Другой оказался человеком, которого видели ребята в волчьей шкуре. Павел следил, что они будут делать. Чернавский вытряхнул из мешка какую-то ношу. Присмотревшись внимательно, Павел увидел какого-то связанного веревками человека. Свет от фонаря упал на него, осветив связанного всего. Павел чуть не вскрикнул от неожиданности — связанный человек оказался секретарем Укома — товарищем Васютиным!..

Глава XXV

ПОЛОЗОВ СЕРДИТСЯ

— Это черт знает что, а не работа! — сердился Полозов, расхаживая взволнованно по одной из комнат, предоставленных в его распоряжение Свалийским посольством. — Нужно же было быть таким остолопом, каким оказался Чернавский!.. Они там гоняются за пустяками и этим самым могут сорвать всю работу... Возьмется там с какими-то мальчишками и совершенно ненужными нам людьми... Начинаяют чуть не открытые выступления против какой-то горсточки чекистов — не понимают, что следствием этого может явиться то, что большевики бросят туда целые полки, и тогда наше дело пропало... с ними тогда сам черт не справится...

Полозов сел к столу и вторично начал читать только что полученное им из Барановска донесение...

Черное, угреватое лицо, сидевшее тут, тревожно следило за полковником Полозовым:

— Вы, я думаю, преувеличиваете, господин полковник...

— «Преувеличиваете», «преувеличиваете», — передразнил его Полозов, — вы, господин Страхов, не знаете, с кем имеете дело. Это вам не бутылки шампанского, с которыми вы так хорошо можете справляться — большевики враг сильный, и их нахрапом не возьмешь, — с ними надо действовать исподтишка и хитростью...

Он замолчал, сосредоточенно раздумывая над письмом. Потом, видимо что-то решив, быстро встрепенулся:

— Господин Страхов, немедленно известите Вешнева и Зенчикова, чтобы они сейчас же прибыли сюда.

— Но помилуйте, господин полковник, где же их сейчас найти?.. Уже ночь...

— Вы слышали приказание. Больше мне с вами говорить не о чем. Чтобы через час они здесь были!

— Слушаю-с, — растерянно пробормотал Страхов, пытаясь к двери.

— Какие остолопы, какие остолопы, — простонал Полозов, откинувшись устало на спинку резного кресла после ухода Страхова. — С ними только заговоры устраивать... Тряпки, а не люди...

Полозов достал из стола книгу и, лениво перелистывая ее, принялся рассеянно читать. Временами он откладывал ее в сторону и принимался рассматривать лежавшую на столе перед ним схему и карту.

Корнет Вешнев, делопроизводитель в одном из Наркоматов, и подполковник Зенчиков — человек, которому в советской Москве не нашлось подходящего дела — явились через полтора часа.

Полозов официально предложил сесть. Вешнев и Зенчиков не удивились этой официальности, так как знали Полозова давно. Полозов всегда имел такой вид, когда случалось что-нибудь серьезное. Поэтому и сейчас они тревожно переглянулись между собой.

— Я вас пригласил, господа, для того, чтобы дать вам ответственнейшее поручение. От того, как вы его выполните, будет зависеть успех наших дальнейших дел. Поручение это требует отъезда в город Барановск. Вам, господин Вешнев, придется или добиться в этот город какой-нибудь командировки — лучше, конечно, ответственной, с широкими полномочиями, а если это не удастся, то взять отпуск по болезни. Лучше, конечно, первое.

Полозов минуту помолчал, потом, как будто вспомнив что-то, продолжал:

— В Барановске поручик Чернавский наворочал таких дел, что теперь, пожалуй, трудно будет расхлебать — это как раз и придется нам сделать. Прежде всего, вы должны сделать так, чтобы недели на две-три Барановск забыл совершенно о какой бы то ни было организации — все должно быть спокойно. Никаких единичных, а тем более массовых выступлений. Нужно обмануть этих большевиков, чтобы они ослабили свою бдительность. Поняли? Это основная ваша задача. Все последующие распоряжения вы будете получать через специального нарочного. Через три дня вы уже должны быть в пути.

ПРОФЕССОР ВОРОТЫНСКИЙ

Глава XXVI

ИХ БЫЛО ТРОЕ

С какой бы стороны ни подъехать к городу Загорску, прежде всего мы попадем в одну из слобод, которые как бы кольцом окружают самый город.

Широко раскинулись эти слободы — каждая городу равна. Мостовых нет, улицы спутаны в какой-то причудливый клубок.

Населены слободы через край. Слобожане занимаются, кто чем придется: садоводством, торговлей, кустарными промыслами. Много и таких, которые от чужого добра не отказываются, поворовывают и ножевой расправой не брезгуют.

Особенно много всякого темного народа в слободе Чужой, лежащей к югу от города Загорска.

Со стороны поля замыкают эту слободу два небольших леска — Круглый и Мокрый, кирпичные сараи и беговой ипподром. А между кирпичными сараями и Круглым леском расположена на бугре дача Рябина.

В одной из комнат этой дачи с окнами, заставленными деревянными ставнями, обитыми не то клеенкой, не то сукном, сидели двое мужчин и одна женщина. На столе стояла небольшая подслеповатая и мигающая лампа.

Сидевшие напряженно всматривались в лежащую перед ними на столе карту и время от времени перекидывались между собой отрывистыми фразами.

— Не везет. Все, что мы не задумываем последнее время — летит к черту.

— Как, кажется, хорошо была пристроена адская машина. Все было проверено, рассчитано, а в результате — ноль.

— Елена, почему провалился твой план с вызовом по телефону Александровского? Неужели же Бронислав, попадающий на тридцать шагов из браунинга в спичечную коробку, промахнулся по живой цели?

Молодая женщина, к которой был обращен вопрос, резко поднялась со стула и, отбросив его ногой, так что он отлетел в угол, порывисто бросила:

— Нет, Бронислав не промахнулся! Чекисту везет, как утопленнику — отделался простреленной ногой. Даже кость цела.

— Бронислав жив?

— Насколько мне удалось узнать от одного из наших, Бронислав тяжело ранен.

— Ведь говорил я, что нельзя ему самому идти на это рискованное дело. Разве мало у нас всякого восторженного эсеровского барахла, которое и следует пока на работу посылать?.. Главные силы следует беречь до решительного боя.

— Да, жаль Бронислава. В его лице мы потеряли великолепного организатора и одного из лучших боевиков нашей группы.

— То, что Бронислав ранен, конечно, не дает нам правды и сидеть без дела, — резко бросила Елена. — Пусть пока чекисты лечат его, — мы все время будем зорко наблюдать за ним и, как только он станет на ноги, думаю, что без большого труда мы устроим побег.

— Только помни, что на этот раз надо быть более чем осторожными и бить только наверняка. Ошибка может стоить жизни нам всем и погубить дело.

— А ты уже трусишь? Может быть, к бабушке в Париж захотел?

— Глупо, очень глупо. Ведь ты-то знаешь, что мне, род которого насчитывает, по крайней мере, шесть столетий, мне, владельцу имений в сорок тысяч десятин, отобранного мужицкой сволочью, мне, отец и два брата которого погибли вместе с Калединым в Ростове, — нет другого выхода, как смертельная борьба с большевизмом и его сторонниками. Любое дело, которое даст мне группа «8», я приму без оговорок, как принимал и раньше.

— Ну, не волнуйся. Все мы знаем тебя достаточно. Я пошутила.

— А скажи, Елена, откуда ты звонила к Александровскому? Не подслушал ли кто тебя?

— Из 1-го советского общежития. Телефон там под лестницей. Кругом никого нет. А если бы кто и услышал, вряд ли мог бы к чему придраться — брат и сестра по телефону разговаривают.

— Однако, довольно. Мы и так, как старые бабы, разболтались и как раз в тот момент, когда у нас так много срочной неотложной работы. За дело.

Склонились снова над картой.

— Видишь вот этот квадрат, который я очертил синим карандашом? В этом районе, вокруг города Барановска, у нас в данное время сосредоточены значительные силы. В ближайшее время мы готовим удар в тыл одному из продотрядов, работающему в деревне Заречное. Наши силы пойдут в наступление со стороны вон того леса и со стороны Волчьего оврага, так что красные попадутся в клещи и не уйдут от нас. Завтра в обед я выезжаю в Барановск, а ты, Елена, вместе с князем займешься организацией побега Бронислава. А пока — спать. Ведь мы почти две ночи не спали.

— Князь, у вас нет кокаина? Я уже почти сутки не нюхала. Сейчас у меня особо острое желание достать хотя бы один грамм.

— Есть. Когда я последний раз был в Москве, то зашел в Свалийское посольство, а там этого добра хоть пудами бери.

Все разошлись. И, одурманенные кокаином, они видели себя победителями над «мужичьем», снова живущими в родовых дворцах и имениях.

Глава XXVII

ПРОФЕССОР ВОРОТЫНСКИЙ

Недалеко от Печерска раскинулась красивая дачная местность Красноводье.

В одной из самых крайних дач, стоящей в саду, спускавшемся к самому Днепру, жило семейство Воротынских, отец и сын. Отец — старый профессор химии и физики, отстраненный за вольнодумство от университетской работы, занимался какими-то опытами, причем о результате своих работ он не говорил никому, даже сыну.

Сразу же после Октябрьского переворота старый профессор стал на сторону советской власти, за что заслужил ненависть определенных слоев так называемой «интеллигенции», которая окрестила его «вандалом», «перебежчиком» и еще целым рядом далеко не лестных прозвищ, которые, к слову сказать, очень мало действовали на старика.

Его сын Сергей, 22-летний юноша, был начальником Печерского гарнизона. Еще в 1916 году молодой Воротынский, будучи прапорщиком одного из полков XII армии, оперировавшей на Северном фронте, примкнул к военной большевистской организации. Позднее, во времена Керенского, он был посажен в Ливенскую крепость за отказ идти в наступление и большевистскую агитацию, причем ему был уже предрешен расстрел. Однако полк, в котором служил Воротынский, освободил его до суда.

Вернувшись в Киев после двух контузий, Сергей месяца два провалялся и, отдохнув, с головой ушел в партийную работу, занявшись, кроме того, по поручению Губревкома, организацией воинских частей для защиты города от напавших на него со всех сторон банд.

В один из сентябрьских вечеров отец и сын, сидя у стола в маленькой комнате, выходящей окнами в сад, о чем-то дружески спорили.

— Отец, пойми же, наконец, что нельзя так напряженно работать. Посмотри на себя, ведь ты превратился в нечто невесомое — почти ничего не ешь, а работаешь ночами, почти отказываясь от сна.

— Нет, Сережа, ты не прав. Я работаю столько, сколько нужно и сколько позволяют мои слабые силы. Всю свою жизнь я посвятил изучению химии и физики. И вот теперь, когда мне пошел седьмой десяток, я с гордостью могу сказать, что работал не даром. Ведь ты знаешь, Сережа, что я никогда и никому не говорил о своих работах. Я не хотел отдавать их Царю, буржуазии, ибо знал, что они употребят мои достижения только во зло. Теперь же, когда восставший народ отстаивает свои завоевания, отстаивает свое законное право, строит рабоче-крестьянское государство, я отдаю этому народу, частицей которого себя чувствую, все мои знания. У меня нет тайн от моего народа, нет тайн от рвущегося к свободе человечества.

— Но почему же, отец, ты даже до сих пор не рассказал о своих достижениях?

— Я не хотел возбуждать ложных надежд. Я хотел на ряде опытов проверить свои работы. Теперь эти опыты проделаны, и я смело могу говорить. Ты, наверное, слышал о «голубых лучах» или, иначе, «лучах ужаса», открытых польским инженером Дюссе. Об этих лучах писалось очень много, но в самой туманной форме. Чувствовалось, что сам изобретатель чего-то не доделал, что-то для него было еще неясным. Мне лично казалось и кажется, что дело было раздуто самим же Дюссе в целях спекуляции. Если и можно быть благодарным Дюссе, то только за то, что он дал толчок для работ в области изучения этого вопроса целому ряду лиц, в том числе и мне.

И вот я, выгнанный из Киевского университета, старый профессор химии Воротынский, открыл самым настоящим образом существование этих «голубых лучей» и их основные свойства. Ты, конечно, заинтересуешься сказанным и

захочешь объяснения. Слушай же.

С этими словами старый профессор подошел к небольшому несгораемому шкафу, стоящему в углу около книжного стола, открыл его и вынул оттуда небольшой металлический ящичек и толстый пергаментный пакет с какими-то бумагами. Вскрыв пакет, старик вынул несколько чертежей и прикрепил их кнопками к столу.

Глава XXVIII

«ПРИВЕТ ОТ ДЮССЕ»

— Сережа, в самом начале моих объяснений я должен тебя предупредить, что вот эти чертежи, — он показал на стол, — только вступительные, начальная часть моего изобретения. Я спрятал чертежи — мозг моего прибора — в разных местах. Чего я боялся? Помнишь, немного более года тому назад в варшавской газете «Работниче слово» была помещена заметка, сообщающая о том, «что старый профессор Воротынский, перешедший к коммунистам и работающий комиссаром ЧК, сделал открытие, имеющее много общего с работами нашего ученого Дюссе».

Как они могли напасть на след — понять не могу. У меня остается только одно предположение — прошлым летом я делал доклад в военно-научном кружке и там, слегка касаясь новых открытий в области физики, химии и механики и, в частности, работ Дюссе, я внес, правда, очень бегло, некоторые замечания к этим работам.

Так вот, эта заметка и заставила меня принять ряд мер предосторожности, ибо я боялся, что кое-кто захочет оттуда, из-за польской границы, теми или иными способами познакомиться поподробней с моим открытием.

Сережа, если со мной что-либо случится, то знай, — Воротынский понизил голос до еле слышного шепота, — что

остальные чертежи и части аппарата спрятаны в трех местах: в каменном тайнике, устроенном под пятой по счету яблоней в нашем саду, в ножке моей кровати, которая отвинчивается при нажатии маленькой металлической головки на внутренней стороне, а самые главные и решающие данные к моему открытию спрятаны... — он взял лист бумаги и написал несколько слов. — Прочтя эти слова, ты, вероятно, улыбнешься, Сережа, но...

...Легкий звон оконного стекла нарушил напряженное внимание Сергея. Он быстро обернулся — в стекле была маленькая дырочка, как бы пробитая шилом.

— Что это, отец, — обернулся он к столу.

Но старый профессор уже ничего не мог больше сказать — кровь из крошечного отверстия за ухом тонкой струей сбегала на стол, оставляя ярко-красные следы на пергаментной бумаге.

Сергей бросился к отцу, поднял его голову и увидел, что пуля или то, чем был убит его отец, пробила голову навывлет. Подняв тело на руки, он осторожно положил его на кровать и, став на колени, он стал осторожно вытирать кровь с лица, нагнулся и нежно поцеловал уже начинающий холодеть лоб.

— Прощай, мой родной, помни, что твой Сергей выполнит твой завет.

Снова звон разбитого оконного стекла и со стены, меньше чем на вершок над головой Сергея, посыпалась штукатурка.

Почти не думая, выскочил в садик и в предутренних сумерках увидел далеко перед собой тень, убегающую в сторону вокзала. Он бросился следом, но, пробежав немного, вернулся назад, подумав о том, что у стрелявшего могут быть сообщники.

Вот и дом. Вбежав, он бросился к отцу; тот, уже похолодевший, с широко открытыми глазами лежал на кровати. Обернувшись к столу, он сразу заметил, что в комнате были грабители — конверт с чертежами и металлический ящичек исчезли, окно было раскрыто.

Сергей вылез в окно и заметил, что около сарайчика, в углу сада, что-то копошится. Выхватив наган, Сергей послал три выстрела подряд по направлению подозрительного предмета. От стены сарайчика отделился человек и, прячась за деревьями, побежал по направлению к Днепру. Сергей, забыв все, бежал за ним и, понимая, что расстояние слишком далеко, берег пули.

Вот и берег. Слева из-за кустов послышался характерный стук мотора. Бежавший бросился в ту сторону, вскочил в стоявшую наготове моторную лодку, и та, резкими бросками вспенивая воду, вынеслась на середину Днепра.

— Привет от Дюссе, — донеслось со стороны лодки до Сергея.

— Увидимся! И скорее чем ты думаешь, панская собака! — крикнул в ответ Сергей и решительно зашагал домой.

Из дома он позвонил в ЧК, сообщив о нападении польских шпионов и смерти отца. Прибывший на место оперативный отряд нашел примятую траву под окном, обломанные ветви дерева, следы от стоявшей у берега лодки и мягкую с большими полями шляпу, которую потерял один из преступников при поспешном бегстве.

Сергей рассказал всю историю, начиная с «голубых лучей» и кончая убийством отца и погоней за убийцами.

После осмотра часть отряда вернулась в Киев, увозя на автомобиле труп старого профессора, прикрытый красным флагом, а несколько человек остались на квартире Воротынского.

Сергей, успокоившись немного, занялся осмотром комнаты. Он подошел к несгораемому шкафу, который все еще был открыт, и заглянул внутрь — все полки были пусты. Закрыв шкаф, он подошел к столу и, поправляя спустившуюся с одного бока скатерть, заметил около стула небольшой кусочек бумаги. Подняв его, он узнал почерк отца, который всего за несколько секунд до смерти набросал на этом клочке несколько строк, которые были как бы ключом к тайне его изобретения. Сергей старательно разглядел бумажку и прочел:

«Вправо шестьдесят. Горбатый камень. Прямо 3 х 4. Удочка № 3. Половина груди. Крючок. Железная рыба. Держи крепче».

Глава XXIX

НЕСКОЛЬКО ЧЕРНЫХ ВОЛОС

— Этому, в конце концов, надо положить конец! Всю продкампанию по Барановскому уезду срывает этот бандит. Он чуть ли не чувствует себя полным хозяином в наиболее хлебном районе, в то время как у нас Красная армия дорожит каждым фунтом зерна.

— Во-первых, не волнуйся, а во-вторых, не позже как завтра утром мы выезжаем в Заречное, произведем наменную перегруппировку сил и ударим колесниковцев прямо в лоб. Я уже и отдал приказ военно-следственной части быть готовой к отъезду. Ведь ты, конечно, присоединишься к нам, — сказал Александровский, обращаясь к губвоенному Находцеву, взволнованно шагавшему по кабинету.

— Что за вопрос?! Лететь готов с вами, а не только ехать.

— А раз так, перестань волноваться и иди приготавлийся к отъезду. Только, пожалуйста, не говори у себя в Губвоенкомате, куда и с кем едешь, а то ведь у тебя там «спецы» на все руки сидят. Со своей же стороны я предупредил Губвоенком шифровкой о причинах выезда и возражений не встретил.

— Володя, позвони-ка ты дежурному, а я ему передам записку, чтобы он отнес ее в Губвоенкомат. В записке я сообщу, что выезжаю по экстренному вызову в Москву.

— Ладно, — ответил Александровский и, выйдя в дверь, позвал: — Товарищ дежурный, что же это ты, дорогой, на дежурстве заснул? Ведь за это я тебя завтра и под арест от-

дам. Да что ты пьян, что ли, или корова язык у тебя отжевала?

Но дежурный продолжал упорно молчать.

— Находцев, иди скорей сюда, — вдруг взволнованно крикнул Александровский.

Тот выскочил, не понимая, в чем дело, и увидел, что на полу лежит человек в кожанке, а над ним склонился Александровский.

Находцев подошел ближе и тут только заметил синее, распухшее и искаженное гримасой ужаса лицо лежащего, который, по всем признакам, был задушен. Лицо его было искажено непередаваемой гримасой ужасно.

— Володя, смотри, что у него на шее. Ведь это не следы человеческих рук, это явственные следы лапы какого-то хищного зверя с отточенными когтями.

— Ничего не понимаю, — пробормотал в ответ Александровский. — Ведь не водятся же в Загорске дикие звери, лапы которых покрыты черными волосами. Смотри, видишь, на шее пристало несколько волосков?

Быстро сбежал вниз. Наружный часовой, спокойно опершись на винтовку, стоял у двери.

— Выходил кто-нибудь за последний час?

— Никого не было, товарищ начальник.

— Ты это наверное помнишь?

— Ну, конечно же помню, что ни единая живая душа за этот период не выходила из здания. А разве что случилось?

— Восков задушен самым непонятным образом, — ответил Александровский, побежав к себе в кабинет.

Сейчас же был вызван следователь, секретарь, ряд ответственных сотрудников, которые еще не кончили работу, но ничего нового не удалось узнать. Никто не слышал ни криков, ни шума борьбы.

— Скажи, Находцев, что ты заметил, когда входил ко мне? Не было ли возле здания кого-нибудь или чего-нибудь подозрительного?

— Нет, улица была совершенно пуста.

— Ну, а когда ты поднялся наверх, что ты увидел? Как вел себя часовой, что он делал, что говорил? Не был ли он

взволнован, смущен? Не обращался ли он к тебе с какими-либо вопросами?

— Часовой был весел, я с ним немного поговорил, спросил о твоём здоровье. Впрочем, о том, что часовой чувствовал себя хорошо, свидетельствует тот факт, что он, ты это, наверное, слышал и сам, потихоньку про себя напевал.

— Ну, так в чём же дело? Ведь ты же понимаешь, наконец, что должен быть выход из этого чертова круга! Ведь не дьявол же гуляет в помещении ГЧК! Ведь это, непонятное на первый взгляд, убийство должно иметь самую реальную разгадку!

— Не спеши, всё будет расследовано. Пойдем и осмотрим дальние комнаты верхнего этажа, в которых работают твои следователи.

Александровский и Находцев, захватив по дороге Кудрича, прошли почти весь следственный коридор — всюду было вполне спокойно. Оставался кабинет начальника секретно-операционной части.

— Зайдем-ка к нему, — сказал Находцев, — он парень бывалый — может быть, что-нибудь посоветует.

Когда они вошли в комнату, то заметили, что Митин, склонившись низко над столом и положив голову на руки, как бы дремал.

— Товарищ Митин, — окликнул Александровский.
Молчание.

Обошел кругом и потряс спящего за плечи. Голова Митина неловко качнулась, откинувшись назад, туловище начало сползать со стула, и подошедшие увидели, что и он задушен теми же звериными лапами. Та же гримаса ужаса на лице.

На столе всё было в порядке. Окна были заперты.

И снова несколько черных волосков на шее убитого.

Глава XXX

В СТАНЕ КОЛЕСНИКОВА

В семь часов утра на другой день Александровский, Находцев, три сотрудника, секретари отдела и два военных следователя сидели уже в вагоне, который поскрипывал и, вздрагивая, продвигался черепашьям шагом в сторону Заречного, куда и прибыл через сутки.

Только что они вылезли из вагона, как к ним подошел молодой парень в кожанке с кобурой револьвера на боку.

— Товарищ Александровский?

— А вы кто?

— Я начальник разведки отряда, стоящего в Заречном. Мне было приказано товарищем Захаровым выехать вам навстречу. Вот мой мандат.

— Сколько у вас людей?

— Двенадцать человек.

— Где они?

— Здесь, на станции.

— Ну, что же, если ваши люди отдохнули, можно отправляться.

Через полчаса отряд в девятнадцать человек двинулся со станции. Все были верхом. Часам к двум были в небольшой деревне Коневке, где было решено переночевать, так как до Заречного осталось еще верст сорок, а лошади сильно приутомились, и засветло отряд не сумел бы доехать.

Ночью же ехать по бандитскому району было нецелесообразно.

* * *

— Смотри-ка, кум, опять бумага на плетне висит. Сорвать, что ли?

— Не тронь, а то те Колесников так снимет, что после головы своей не найдешь. Помнишь, как он третьего дня бабку Агафоновну нагайкой полосовал за то, что она такую же бумагу на сигарки деду своему сорвала. И до сих пор в синяках ходит.

— Да мне что, пусть висит. Пойдем, да лучше почитаем, чего он там приказывает.

ПРИКАЗ

По повстанской дивизии 28 ноября 1920 г.

№8.

§ 1.

Приказываю всем командирам полков 1, 2, 3, 4 и 5 ежедневно к 6 часов утра доставлять сведения в главный Штаб дивизии с ваших участков и полную характеристику о противнике.

§ 2.

Кроме сего, вменяю в обязанность командиров полков, тщательная бдительность за противником и пущать тесную агитацию, за что мы бьемся и против кого ведем войну и ежедневно высылать в штаб конную связь.

Командующий всеми вооруженными силами
И. Колесников

Начальник Главного штаба (подпись)

С подлинным верно адъютант (подпись)

— А где сейчас сам Иван Колесников?

— Где ему быть! Со штабом у Игнатенко ночует. Вчера перепились все и давай с нагайками за девками гоняться. Моя еле ушла.

— Знаешь что, кум, ежели поразобраться, то Колесников-то больше за бар стоит и крестьян разоряет. Подумай сам, объявил мобилизацию лошадей, повозок, берет хлеб, живность, с бабами и девками охальничает, стариков за бороды рвет, ежели ему кто в глаза правду скажет. Только бумаги пишет про Бога, да про то, что коммунисты народ грабят. На себя бы, черт толстый, посмотрел. Коммунисты ежели сейчас хлеб для войны и берут, так они зато всю землю от бар отняли и народу ее отдали, а не себе оставили.

— А что он о Боге-то?

— Да вот, по хатам призвание разносили, по полпуду муки за него требовали.

— Взял?

— А ты как думаешь? Попробуй-ка, откажись. А разве у тебя-то не были?

— Нет еще.

— Небось, и к тебе придут, не обидят.

Получивший «призвание» вынул его из кисета с табаком, разгладил и стал читать.

В «призвании» было наплетено столько «божественного», что слушающий не выдержал и бросил:

— Эка он расписался.

— Да это не он. Это Федька Стригун. Чай, помнишь сына зареченского попа, что в городе обучался. Он теперь у него за адъютанта и всякую агитацию посреди народа пускает.

— Шш... Смотри, «освободители» наши из хат вылазить начали. Ну их куды подальше! А то еще опять к чему-нибудь привяжутся.

— Будь здоров, кум.

ПРЫЖОК СМЕРТИ

Глава XXXI

«ОСВОБОДИТЕЛИ»

Из хат сначала одиночками, а затем все чаще и чаще начинают, словно тараканы из щелей, вылезать «освободители». Матерная ругань хлестко несется над ласковыми полями, кажется, что она грязнит чудесное осеннее утро.

Проснулся и «толстый черт» — сам Колесников, или «начальник главных повстанческих сил», как он сам себя окрестил. С вечера было так выпито, что Колесников и до сих пор прийти в себя не мог, и его чуть ли не за ноги стащили с кровати. Выпучив глаза, он, ничего не понимая, смотрел на окружающих и только сопел.

Подошел Игнатенко с каким-то молодым парнем.

— Дозорный к тебе приехал. Говорит, что в Барановске красные крепкий кулак собирают и к чему-то готовятся.

— Ладно, разберу, — прохрипел Колесников. — Собери всех командиров, доклад поручика Чернавского прочитаем и боевой план разработаем. Вот посмотришь, как я красных проучу.

Игнатенко вышел и послал дежурного собирать командиров.

Военная организация Колесникова была чрезвычайно спутана. Правда, на бумаге она носила название «повстанческой дивизии», которая разделялась на четыре полка с соответствующим разделением на батальоны и роты. Числилась в дивизии артиллерия и пулеметы. Касаясь состава этих полков, можно было отметить, что худшего сброда трудно было найти даже у различных украинских «батек». У большинства было весьма солидное уголовное прошлое. Понятие о дисциплине у этого сброда было весьма относительное. Правда, когда предстояла возможность хорошо пограбить, они воодушевлялись «любовью к Родине». Больше же частью они были храбры только из-за угла, да еще

в том случае, когда на одного красноармейца приходилось не менее десяти «повстанцев».

Постепенно «начальники и командиры» собрались в сад при доме Игнатенко. Пришел и зареченский поп Василий.

Явился Колесников и началось заседание. Заслушали сообщение Чернавского, который писал о последних операциях в районе Барановска, о взятии в плен Аренского и Васютинна, о приезде отряда Захарова. Временные неудачи красных толковались, как окончательное поражение. Это обстоятельство так воодушевило белогвардейцев, что они постановили дать решительный бой и захватить город Барановск.

Начали писать приказ.

«Во имя Родины нашей, я, начальник главных повстанческих сил Колесников, приказываю:

1. Командиру 1-го пехотного повстанческого полка взять все свои вооруженные силы, оставив на месте одну комендантскую роту при одном пулемете, двинуться по направлению ст. Кондратовка через сл. Черновку в 11 час ночи.

2. Командиру 2-го кавалерийского повстанческого полка двинуться совместно с 1-м полком через сл. Черновку, взять направление на Десятский разъезд и левее его, порвав железную дорогу, направиться по направлению слов. Россово и связаться с Кондратовской.

3. Командиру 4-го повстанческого пехотного полка двинуться в 12 часов ночи по направлению ст. Николаевки, заняв сл. Чекуловку, где остановиться со штабом и держать фронт со стороны станции Голдомировки.

4. Командиру 3-го повстанческого пехотного полка остаться на месте при одном пулемете и держать фронт со стороны Пospelовки и города Владимирска; 2-й пулемет “Максима” с лошадьми и номерами отдать в распоряжение командира 4-го полка.

Разбив противника, забрав трофеи и пленных, направиться в сл. Новую Горелое, где и ждать особого распоряжения, выслав разведку в сторону Заречного, Птичного и Коневки.

Начальник дивизии Колесников.

Начальник глав, штаба Ремезов.

С подлин. верно: адъютант Закутин».

Написав приказ, на что было потрачено немало времени, решили выпить. Появился самогон, и пошло дело.

Крестьяне все по домам от «спасателей Отечества» позабились и думали только об одном: чтобы на глаза начальству не попадаться.

В самый разгар выпивки со станции, словно очумелый, примчался рыжий мужик по прозвищу Кулик, приходившийся двоюродным братом Игнатенко, и вызвал Колесникова. О чем они шептались, никто не узнал, но сейчас же после разговора Колесников, собрав командиров четырех полков, приказал им отобрать по пятнадцать человек наиболее надежных повстанцев и прислать к штабу дивизии.

Когда отряд собрался, Колесников присоединился к нему и, отдав какие-то приказания Игнатенко, двинулся с отрядом в сторону видневшегося на горизонте леса, верстах в трех от которого было расположено село Коневка.

Было уже темно, и всадников трудно было различить. Слышалось только цоканье копыт удаляющихся лошадей.

Глава XXXII

СМЕРТЬ НА ПОСТУ

Приехав в Коневку, отряд Александровского расположился в одной из крайних хат, причем люди из разведки

решили ночевать с конями на дворе под навесом, где было свалено сено. Устав с дороги, все быстро улеглись, и только Находцев, сидя у стола, изучал карту уезда. Часов около двенадцати он услышал какой-то глухой шум и говор на улице. Взяв наган он выглянул в окно и моментально отскочил, крикнув:

— Товарищи, нас окружили бандиты!

Все семь человек вскочили, словно подброшенные пружиной, и схватились за оружие. Находцев накиннул крик на дверь, хотя и понимал, что сильного напора дверь все же не выдержит. Только у трех были винтовки. У остальных наганы.

Залп с улицы хлестнул по окнам. Находцев и один из следователей, не успевшие отойти от окна, упали на пол, буквально изрешеченные пулями. Александровский бросился к ним — помочь было нельзя: и тот и другой были убиты наповал. Оставшиеся в живых легли на пол и стали отстреливаться.

Послышались удары в дверь. Трещит все сильнее... Рухнула... Бандиты, напирая один на другого, ломятся в комнату. Залп по бандитам. Второй, третий. Передние падают, но остальные врываются и шашками рубят отчаянно защищающуюся горсточку людей.

Александровский видит, что один за другим падают его товарищи. Он отступает в угол и, прижавшись, отстреливается из нагана.

— Брать живьем, — слышится голос Колесникова.

— Врешь, бандит, коммунисты не сдаются!

Холодное дуло револьвера скользнуло в рот. Нажал курок. Глухой выстрел — и Александровский тихо сползает на пол.

Бандитам достался только его труп.

— Сволочи, б..., сучье мясо! Живыми в колодец покидаю! Десять человек одного не могли взять! — И долго еще неслась бешеная ругань.

— Позвать ко мне Короткова.

Явился тот самый парень в кожаной тужурке, который с отрядом в двенадцать человек явился от имени Захарова и Фальберга встречать Александровского.

— Рассказывай, — бросил ему Колесников.

— По вашему приказанию я явился на станцию. Встретил Александровского и Находцева и представился им, как посланный от красных из Барановска. Мне поверили. К вечеру мы были в Коневке, и я поместил отряд у одного из наших. Чекисты ушли ночевать в избу, а я, под видом охраны лошадей, расположился на дворе под навесом. Выходную дверь подпер колом, расставил ребят вокруг избы и стал ждать вас. Остальное вы знаете.

— Молодец, Коротков, ты не то, что эта трусливая сволочь. Уж я отыграюсь над ними — дай только в Заречное вернуться.

— Колесников, где Колесников? — эти крики испуга и растерянности смешались с частой стрельбой на улице.

В комнату вбежал один из бандитов и крикнул:

— Чекисты с пулеметами!

Из переулков выносились на площадь конные группы и с шашками наголо бросались на бандитов, рубя их и охватывая кольцом.

Колесников, удачно отмахнувшись шашкой от одного конника, свернул в пустой переулок и, перебравшись через речонку, поскакал в сторону Заречного. Однако, спустя немного, он заметил, что из Заречного навстречу ему бегут в беспорядке отдельные части его «полков». От них он узнал, что отряд Захарова, соединившись с чоновцами и составив компактную группу человек в триста, произвел энергичный конный натиск в сторону Заречного и, застав врасплох бандитов, расколотил их самым основательным образом, захватив два орудия.

Видя, что в Заречном делать нечего, Колесников повернул к Барановским лесам.

Не доезжая верст пяти до леса, он наткнулся на небольшой отряд красных, который, узнав Колесникова, понесся за ним, стремясь взять его в круг.

Никогда еще не трусил так «вождь повстанческой армии». Он чувствовал, что вот-вот его снесет с седла красная пуля. Все его жирное тело подергивалось мелкой дрожью. Выхватив кинжал, он колот им взмыленные бока запыхавшейся лошади.

Начался кустарник. Вот и Волчий овраг. На всем скаку лошадь, споткнувшись, упала. Колесников покатился в кусты, вскочил и, еле живой от страха, бросился по тропинке к озеру. Скоро показался отряд, преследовавший Колесникова. Нашли издохшую лошадь, спешились и бросились на поиски. Дошли до озера, заглянули в башню, облазили версты на три все кусты кругом — Колесников словно сквозь землю провалился, не оставив никаких следов.

Глава XXXIII

ПРЫЖОК СМЕРТИ

Когда в Загорске узнали, с одной стороны, об убийстве Александровского и Находцева, о похищении Васютина, а с другой — о разгроме Колесникова под Заречным, — туда был вызван телеграммой для подробной информации уполномоченный Губчека Фальберг.

Поезд отходил часов в восемь вечера. Сборы были недолгие — портфель с бумагами, два нагана под кожанкой, кусок хлеба с салом в кармане — и все.

Осмотрев в последний раз комнату — не забыл ли чего — Фальберг подошел к окну и по выработавшейся привычке окинул улицу взглядом.

Через дорогу, немного вправо, тянулся забор сада. Над забором широко раскинули свои ветви старые тополя. На одном из них, немного выше забора, сидела, согнувшись, какая-то фигура — это Фальберг отлично заметил.

«Следят, — понял он. — Неужели узнали, что сегодня еду? Надо замечать следы. Сиди, сиди, голубчик, там до зари, авось что-нибудь и высидишь, а мне некогда».

С этими словами Фальберг зажег электрическую лампочку, лег на пол и выполз в кухню, выходящую во двор. Тихо открыл окно и стал всматриваться в темноту. Казалось, все было спокойно.

Вылез на двор и с наганом в руках стал ползком передвигаться вдоль огородов.

Выбравшись на улицу, он забежал в Ревком, который был возле станции, и попросил послать двух-трех человек, чтобы захватить шпиона.

— Вы его совсем легко можете взять обходным движением: двое пусть зайдут в сад, а третий пойдет вдоль забора — прыгай тогда, куда хочешь...

Поезд уже стоял на станции, когда туда явился Фальберг. Он быстро вошел в вагон.

Только что он скрылся в дверях, как два крестьянина переглянулись и отодвинулись в темноту.

— Фальберг едет в Загорск, — прошептал один. — Собери наших человек десять, и разместитесь рядом в вагонах. Я сяду в один вагон с Фальбергом. Помни, что он не должен ни в коем случае живым доехать до Загорска. Особенно надо беречь его портфель: там мы, несомненно, найдем много интересных вещей. Только брат Фальберга надо обязательно до Лисок. А теперь расходись.

Устроившись в вагоне, Фальберг огляделся кругом — ничего подозрительного не было. Крестьянки, крестьяне, красноармейцы набились, словно сельди в бочке. Дело было к ночи, и каждый стремился поудобней устроиться. Устроился и Фальберг на уголке скамейки около выходной двери, положив под себя портфель. Напротив сидел какой-то крестьянин и, положив голову на руку, дремал, покачиваясь в такт вагона.

В вагоне было невыносимо душно, не помогали и разбитые окна.

Как ни длинна показалась ночь, но и ей пришел конец. Мутный осенний рассвет, словно молоком, разлился по окрестным полям.

В вагоне большинство пассажиров еще спали. Фальберг решил пойти в уборную — умыться, причем, уходя, он захватил с собой и портфель. Только что он намылил лицо, как услышал в дверь резкий стук.

— Занято, — бросил он, не оборачиваясь.

Стук не прекращался. Чувствовалось, что на дверь налегли несколько человек. Фальберг понял, что за ним началась охота. Мыло ело глаза нестерпимо. Кое-как побрызгав лицо водой, он быстро снял ремень, засунул портфель за пояс брюк, снова стянул пояс и выглянул в разбитое окно вагона.

Дверь трещала.

Стал на подоконник, ухватившись за верхний край, и стал осторожно выпрямляться, вытянув руки. Вот и крыша под руками. Ухватившись за крюк для сигнальной веревки, Фальберг забросил ноги на крышу и перевалился с трудом сам.

Вагоны качало, крыша была скользкая от утреннего тумана, ветер бил в лицо. Почти на четвереньках Фальберг начал продвигаться вперед. Сапоги скользили, и поэтому он их сбросил и босыми ногами он уже более уверенно мог идти по крыше вагона.

Оглянувшись, увидел своих преследователей, из которых один уже стоял на крыше, а другой еще только поднимался. Стараясь получше прицелиться, Фальберг выстрелил по стоящему, но качка вагона сделала выстрел безрезультатным. Вот влез и второй. Медлить было нельзя, и Фальберг, смерив расстояние между вагонами, прыгнул на крышу следующего и, несколько освоившись с качкой, почти бегом стал продвигаться вперед. Вслед ему грянули, почти сливаясь, два выстрела. Оба мимо.

Вот и последний вагон. Больше бежать некуда. Преследователи все ближе. Фальберг лег и стал старательно целиться.

Что это? Какие-то тени замелькали над его головой. Мост через Дон.

«А если?.. Ведь это было бы спасением», — мелькнуло в голове Фальберга.

Некогда думать. Он быстро вскочил и, подпрыгнув, схватился за железную перекладину. Порывом ветра чуть не сорвало. Словно белка, цепко хватаясь, лезет все выше, на гребень моста. Пули стремятся догнать его, щелкая по решетчатым переплетам. Мимо, все мимо...

Наконец-то наверху. Оглянулся — словно серый червяк, подбирался к нему один из его преследователей, держа наган в зубах. Отступать было некуда. Борьба на смерть.

Нет, есть еще выход, который обещает на девяносто процентов смерть и только на десять жизнь.

Сорвал кожаную куртку и, бросив ее в сторону врага, задорно, по-мальчишески крикнул:

— Лови!

Вытянув вперед руки, он оттолкнулся от перекладины и полетел головой вниз в мутные волны Дона.

Глава XXXIV

ПАВЕЛ ВОСТРЯКОВ ДЕЙСТВУЕТ

— Знакома вам, молодой человек, эта морда? — обратился к Павлуше Чернавский. — Неужели она и в таком виде для вас неузнаваема? А вот подождите, мы ее так скоро распишем, что вы и совсем ее не узнаете. Хо-хо-хо... — насмехался Чернавский, указывая на связанного Васютина. — Мы бы и сейчас этим занялись, да некогда, много уж очень вашей сволочи развелось — никак не передушишь...

Слушая это, Павлушка стоял ни жив, ни мертв. Он почти не слышал, что ему говорил Чернавский. Мысль была занята одним: обнаружат или не обнаружат перетертую им

веревку. От этой мысли Павлушка присмирел против обыкновения, ничего не ответил на эти насмешки.

В это время, пока Чернавский наслаждался произведенным эффектом, Кузьма распутывал веревку, которой был связан Васютин.

Так же, как и Павлушку, они его привязали к такому же кольцу, находившемуся от Павлушки саженьях в двух. Только помимо рук ему связали также и ноги.

После этого Чернавский и Кузьма опять куда-то ушли, и в пещере по-прежнему стало совершенно темно.

— Товарищ Васютин, — позвал шепотом в темноте Павлушка.

— Кто тут?

— Это я, товарищ Васютин, — Павлушка Востряков. У нас с вами еще не все потеряно — я тут перетер веревку, а с свободными руками многое можно сделать...

Услышав это, Васютин, упавший было духом, вскрикнул от радости. Сразу явилась сообразительность и бодрость духа.

— Я сейчас к вам подойду, товарищ Васютин, — продолжал из темноты Павлушка, усиленно пыхтя над оставшейся неперетертой еще частью веревки.

После минуты работы Павлушка почувствовал, как веревка, туго обхватывающая его руки, упала, и руки облегченно и сладко заныли. Он был свободен.

В пещере было совершенно темно, поэтому Павлушка, осторожно передвигая затекшими от долгого стояния ногами, стал перебираться, нащупывая руками стену, к Васютину.

Подойдя к нему, Павлушка нащупал узел, которым были завязаны руки Васютина, и принялся было его развязывать.

— Подожди развязывать, — остановил Павлушку Васютин. — Это мы всегда сумеем сделать в последний момент. Прежде скажи, где мы находимся.

— Не знаю, товарищ Васютин, куда они нас запрятали...

— Развязать руки — это пустое, но как выйти отсюда? Когда меня выбросили из мешка, я присматривался, но ничего не мог заметить.

— Я тоже ничего не видел...

— А они могут вернуться в любую минуту и, если застанут меня развязанным, то нам тогда несдобровать...

— Что же делать?

— Пошарь-ка в темноте — может, на что-нибудь наткнешься... Стоп... — вдруг вскрикнул Васютин. — Тут вот, недалеко от меня, на выступе, я, когда они тут были, заметил фонарь — пошарь-ка там, если они его не захватили.

Павлушка продвинулся по стене дальше и, действительно, наткнулся на выступ. Обшарил его кругом. Скоро нащупал руками коробку фонаря. С большим трудом, так как не умел этого делать, открыл его. Яркая полоса света пронизала густую тень пещеры.

— Ну, теперь мы живем! — радостно воскликнул Васютин. — Осмотри-ка, Павел, кругом пещеру, да получше, авось, что-нибудь найдешь. Да смотри, осторожнее.

Павел внимательно обошел всю пещеру кругом — стены были везде одинаковы — корявы и сыры, нигде не было видно и признака выхода. За одним из выступов Павел увидел телефон, около телефона стоял стол и два стула. Тут же рядом стояла деревянная дощатая кровать. Павел осмотрел ее кругом, поднял подушку и вдруг ахнул.

— Что такое? — тревожно отозвался из темноты Васютин.

— Товарищ Васютин, два нагана нашел! — радостно, захлебываясь, проговорил Павлушка.

Под подушкой действительно лежали два полнозарядных револьвера.

— Теперь-то мы не пропадем, товарищ Васютин, — и, захватив оба револьвера, Павлушка, играя лучом электрического фонаря по мрачным стенам пещеры, направился к тому месту, где стоял привязанный Васютин.

Через минуту Васютин, потирая затекшие руки, был освобожден. Он был доволен. Два револьвера сделают свое, когда будет нужно. Ведь имеется же отсюда какой-нибудь

ход. Надо только умело подсидеть мазуриков, когда они будут входить, и дело будет в шляпе.

— Молодец, Павел. Хороший из тебя комсомолец выйдет, — улыбаясь, сказал Васютин.

При свете фонаря он внимательно осмотрел револьверы — все было в порядке.

— Стрелять можешь? — обратился к Павлушке Васютин.

— Нет, ни разу не стрелял.

— Ну вот, брат, теперь научишься — и не в галок или там чучел каких-нибудь, а в самых настоящих врагов советской власти. По этому зверю учиться стрелять — одно удовольствие...

Васютин показал, как надо владеть револьвером. Павлушка быстро понял.

— Только смотри, не бей до смерти — они нам живыми понадобятся, крой лучше в живот, самое мягкое место, если боишься промахнуться, а лучше — в ногу... А теперь пойдём посмотрим, что это за чертово логовище.

Так же, как и Павлушка, Васютин внимательно осмотрел все стены, но выхода не нашел. Он давил и дергал на все выступы, ковырял пальцами малейшие щели, думая таким путем открыть потайной ход, но все безрезультатно. Внимание его задержалось на телефоне.

— С кем это они разговаривают?

— Я слышал, товарищ Васютин, как тут один разговаривал с каким-то Бергом.

Павлушка подробно передал слышанный разговор.

— А это нам тоже на руку. Мы тут такое коленце выкинем, что чертям тошно станет!

Васютин был в восторге от всего этого. Если бы не этот несчастный случай с ним, вряд ли когда-нибудь удалось бы открыть это надежное бандитское убежище.

Пока Васютин внимательно перетряхивал кровать, думая найти еще что-нибудь полезное в их положении, Павлушка заметил в одном из темных углов какой-то серебристый свет. Он храбро направился к нему. Светился он так же, как тогда, когда он был с ребятами в башне на берегу

озера — светилося лицо человека, подъехавшего в лодке.

Не спуская глаз с этого светлого пятна, Павлуша уверенно приближался к нему, как вдруг поскользнулся и, дико вскрикнув, полетел вниз в какую-то яму.

Васютин слышал этот крик Павлушки и, сжимая наган, освещая путь фонарем, бросился в ту сторону. Потом он услышал всплеск воды и отдаленное барахтанье.

Фонарь осветил большую яму, в глубине которой тускло поблескивала вода. В этой воде бился Павлуша, безуспешно пытаясь выбраться.

— Держись, Павлуша, держись, — бодряще крикнул ему Васютин и бросился к тому месту, где лежали веревки, которыми он недавно был связан.

Глава XXXV

МЕЧТЫ, МЕЧТЫ...

Вешнев и Зенчиков выехали из Москвы в четверг утром. В утренних золотых сумерках осеннего утра мелькали пригородные московские постройки, тускло поблескивали многочисленные маковки церквей. Неумытая Москва притягивала к себе неотступно — не хотелось ее покидать.

Поезд тархтел, затыкаясь на частых пригородных стрелках. Вот уже замелькали первые дачи, потянулись в золоте осеннем леса. Было грустно.

Приткнувшись у окна вагона, Вешнев проклинал все на свете.

«Черт меня дернул, — размышлял он, — впутаться в эту проклятую организацию! Спал бы я сейчас, ни о чем не думая, день рабочий прошел бы быстро, а там вечером оперетта, "Зизи" — тайный кабачок на Басманной...»

Нить его мыслей прерывали знакомые подмосковные места, через которые мчался поезд.

Знакомые картины вызвали старые, еще не зажившие воспоминания, бывшая разгульная жизнь забубенного корнета, никогда не имевшего нужды в деньгах.

«Нет, это хорошо, что я поехал. Я им припомню старое! Будут они помнить корнета Вешнева!»

Замелькали легкие мысли предстоящих удач. Корнет Вешнев стоит во главе широко разросшегося повстанческого движения. С многочисленным войском он идет на Москву, беря один город за другим. Вот уж он под Москвой — и она, белокаменная, приветствует его колокольным звоном. Большевики пали. Вешнев въезжает с многочисленной блестящей свитой в Кремль. Толпы народа приветствуют его. Оркестры гремят туш. Вешнев беспрестанно, ловко гарцуя на английском кровном рысаке, козыряет народу рукой, туго стянутой белой лайковой перчаткой. Гремит несмолкаемое «ура»...

— Ваши документы, товарищи...

От этого голоса Вешнев вздрагивает и бледнеет, как будто этот веселый в строгом шлеме с красной яркой звездой поймал его с поличным.

Вешнев долго шарит по карманам, отыскивая мандат. Мечта недавняя разлетелась в прах.

Вешнев осмотрелся кругом. На верхней полке дремал, устало свесив бывшие подполковничьи усы, Зенчиков.

«Тоже — старая калоша — туда же, восстания делать», — зло подумал, смотря на него, Вешнев.

ТАЙНА ПЕЩЕРЫ

Глава XXXVI

«СВОЯ СВОИХ НЕ ПОЗНАША...»

Поезд стоял в Загорске два часа. На вокзале толпился народ, сустились пассажиры с чайниками, вещевыми мешками, корзинами. Тревожно свистели паровозы, еще более усиливая суету и галдеж.

Заславский после вчерашнего совещания — на даче Рябина близ Загорска — отправлялся в Барановск. Он прекрасно понимал, что наружность в таких конспиративных поездках играет большую роль, поэтому-то он оделся так, чтобы меньше навлечь на себя подозрений. Красноармейский шлем и наган сбоку довершал его военную одежду.

Револьвер у этих красных собак сам говорит за себя.

И действительно, вид у Заславского был боевой — красноармейский, если бы из-под шлема не выглядывало породистое лицо пресыщенного дворянина и если бы не выдавали его чересчур дворянские манеры.

Усевшись в поезде, Заславский осторожно осмотрелся по сторонам: не следит ли кто. В вагоне народу было битком — каждый был занят своим делом — тревогами предстоящей дороги. Заславский успокоился.

«Удастся ли Елене и князю освободить Бронислава? — размышлял под стук колес Заславский. — Жаль, если парень пропадет, таких людей теперь мало...»

Напротив Заславского сидел Вешнев. С того времени, как Заславский сел в их купе в Загорске и Вешнев увидел его лицо, неотступная мысль преследовала его.

«Где я видел его лицо?» — размышлял Вешнев. Перебирая напряженно всех своих знакомых, приобретаемых им в последнее время, и всех своих старых знакомых, Вешнев никак не мог припомнить. Наконец глаза его радостно заблестели.

«Неужели Заславский?» — думал он.

«Какой это морде я так понравился?» — беспокожно в свою очередь думал Заславский, заметив пристальные и частые взгляды Вешнева. Несколько минут он внимательно и незаметно наблюдал за ним и беспокойство его с каждым разом все усиливалось. «Черт! Неужели следят?» — похолодело у Заславского в груди.

«Нет, это не Заславский, — рассуждал про себя Вешнев. — Чтобы этот гордый дворянин надел такую пакостную форму!.. Не-ет, от него такого не дождешься...»

Пристально всматриваясь в лицо Заславского, Вешнев вдруг заметил, как осторожно и бегло через опущенные веки глаза Заславского ощупывали его с ног до головы. Вдруг от одной мысли мелкий холодный пот выступил на лбу Вешнева. «Следят!» И как только он не догадался раньше? Сердце отчаянно застучало, мысль лихорадочно заработала, ища выходы.

«Бежать! Немедленно бежать!»

В это время поезд, замедлив ход, подходил к станции Лиски, но за окнами уже стояли густые сумерки, из-за станционных построек выглядывал широкий серп луны.

«Бежать!»

Заславский с деланно равнодушным лицом поднялся и, спотыкаясь в проходе через протянутые пассажирами ноги, направился к выходу.

«Пойдет или не пойдет следом?» — думал он.

Когда Заславский скрылся в сумерках вагона, Вешнев толкнул в бок Зенчикова и шепнул тихо на ухо:

— Бежим! Мы, брат, вляпались... Скорей, пока не поздно!

Вешнев решил воспользоваться отсутствием Заславского, которого он принял за чекиста, и бежать, соскочив на замедленном ходу поезда.

Вон и площадка. Скрипнула наружная дверь. В лицо хлестнул осенний ветер. Звенели по рельсам громко колеса.

— Прыгайте сейчас за мной, — сказал Вешнев Зенчикову и скрылся за дверью, метнувшись лунной тенью. Задышавшись от волнения, за ним последовал Зенчиков. Обе тени скрылись в стоящих у станции штабелях дров.

— Петяш, а ведь тут дело-то неладно, — заметил один из агентов дорожной ЧК другому, проходя мимо замедлившего ход поезда, — с чего это они прыгают на ходу? Айда за ними!

И, осторожно, привычно прячась в лунных тенях, оба агента скрылись в дровах.

Вешнев и Зенчиков, пригнувшись, мчались по переходам, образованным штабелями дров. Сознание того, что им удалось ускользнуть от рук чекиста, наливало их сознание гордостью.

«Наклеили нос, как нельзя лучше, — думал каждый из них, — пусть-ка теперь ищет ветра в поле...»

Но радоваться им пришлось недолго. Завернув за один из углов, Вешнев вдруг столкнулся с стремительно бежавшей фигурой. По общему облику, по красноармейскому шлему Вешнев узнал своего преследователя.

Завязалась отчаянная свалка. Цепляя друг друга за горло, разрывая одежду, барахтались обе фигуры в осенней пыли, а рядом танцевала смешная тень с подполковничьи-ми усами Зенчикова.

В это время из-за угла выросли громадные под луной тени двух агентов дорожной ЧК.

— Руки вверх! Что за драка?!

— Он кинулся грабить меня...

— Этот бандит напал на меня, — сразу вместе выкрикнули и Вешнев, и Заславский.

— А ну, марш за нами, там разберем, кто на кого напал!

Тщательный обыск, произведенный у Заславского и Вешнева, обнаружил ряд ценных документов. Все трое были арестованы. В помещении дорожной ЧК старые приятели, вместе служившие раньше в одном полку, вместе кутившие ночами в офицерских собраниях, чеканившие мазурки на паркете великосветских балов, наконец, узнали друг друга.

Через час после этого в Загорск в Губчека легли шифрованные телеграммы.

Глава XXXVII

«ЛУЧИ УЖАСА»

Сергей Воротынский после смерти старика-отца получил двухмесячный отпуск и поселился на даче, где был убит его отец. Он усиленно занялся научными работами, разбирал бумаги отца, пытаясь постичь сущность «голубых лучей», изобретенных профессором. Но это ему плохо удавалось: недостаток специального образования затруднял ему работу по исследованию сложнейших химических формул, оставшихся в бумагах профессора. Они упорно хранили тайну великого ученого, как ни бился с ними Сергей.

Особенно тормозило работу отсутствие первой части работы профессора, украденной преступниками. Восстановить ее было не по силам Сергею. Вызвать же какого-нибудь профессора из Москвы Сергей не решался: он знал, какую колоссальную силу имеют эти лучи. Если бы тайна их попала в руки советских врагов, то можно наверное сказать, что борьба Советской России в многочисленными врагами, которая до сих пор протекала так успешно, была бы невысказана. Черная реакция, получив в свои руки эти лучи, надолго, если не навсегда, оставила бы в рабстве многочисленные массы трудящихся мира, доведя их до вырождения.

Мало того, следствием этих лучей, которыми бы жадная буржуазия пользовалась для выполнения своих необузданных желаний — было бы опустошение мира и гибель всего человечества. Только пролетариат мог бы использовать в своем организованном мировом коллективе эти лучи для творческой, непрестанной энергии. В руках же борющегося пролетариата «голубые лучи» стали бы непобедимым оружием, с помощью которого он пришел бы к победе.

Сергей целые дни и ночи проводил за опытами и толстыми книгами профессора. С молодым упорством и настойчивостью он метался от одной попытки к другой. Но

результаты были мизерны, работы продвигались медленным, черепашьям шагом.

В один из таких осенних вечеров, когда одетые в осеннее золото широкие берега Днепра переливались под заходящим солнцем разнообразными чудными красками, Сергей после непрерывной трехдневной работы, усталый от постоянных неудач, решил прогуляться по берегу Днепра.

Свои выкладки и все бумаги профессора Сергей, следуя его же осторожности, запрятал в новое место, искусно замаскированное так, что ни один самый остроумный и сообразительный Шерлок Холмс не мог бы их найти. Сергей боялся, что люди, похитившие часть работы отца, могли захватить в бумагах и некоторые указания о местонахождении других частей, поэтому он благоразумно перепрятал бумаги из двух мест, указанных отцом перед смертью, в это новое место. Но сколько он ни бился над загадочными указаниями в предсмертной записке отца о третьей части важных документов, сколько он ни старался разгадать загадочность внешне нелепых фраз, — это ему не удавалось. Старый профессор унес тайну с собой.

Прохладный днепровский ветер освежил усталую голову Сергея. Далеко на горе застыл в блестящем величии осени чудный родной город. Оттуда беззаботная радостная жизнь стучалась в сознание Сергея, напоминая о молодых, еще не растраченных силах. Теперь бы только жить... Но Сергей чувствовал, что сейчас он не имел права на это. На советских окраинах еще гибли сотни трудящихся, отвоевывавая свое право на свободное существование, на свободный труд. Он, Сергей, должен был помочь им во что бы то ни стало!

Когда вечерние сумерки окутали приднепровские заросли, когда с реки потянуло влажным холодком и вдали заглушено по-вечернему пульсировал город, Сергей решил возвратиться домой.

Небольшая прогулка вновь разбудила в нем энергию и зажгла неутомимый огонь работы.

Просматривая выкладки отца, Сергей с каждым разом все больше и больше убеждался, что в изобретении его фигурировал какой-то новый, открытый, видимо, отцом же, неизвестный доселе элемент: следы его он находил в многочисленных формулах бумаг отца. И сейчас, идя к дому, он проверял себя и решил, что путь, по которому он ведет исследование — был правилен. Мало того, он убеждался, что работы его в отыскании этого элемента находятся накануне разрешения. Недавней усталости от неудач уже не было. Одушевленный этим, Сергей быстро шел по узким, заросшим бурьяном тропинкам.

Около дома ему вдруг показалось, что за углом мелькнула какая-то тень. Сжав в кармане браунинг и чутко насторожившись, Сергей обошел кругом дома, но ничего не заметил.

«Наверно, какая-нибудь бродячая собака — много их тут теперь развелось», — подумал Сергей.

Но когда Сергей тронул ручку двери, сзади его вдруг раздался осторожный шорох, и не успел Сергей обернуться, как на него был накинута кусок какой-то плотной материи, и несколько дюжих рук стиснули его, как тисками.

Борьба была безуспешна.

Глава XXXVIII

ТАЙНА ПЕЩЕРЫ

Когда Васютин вернулся с веревками, внизу, в яме, было уже тихо. Только по верху воды билась небольшая рябь. Комок обиды и горечи подкатился к горлу Васютина. Он хотел сам прыгнуть в эту яму, но вовремя сообразил, что это было бы безумием — выбраться отсюда без чьей-либо помощи было невозможно — края ямы были совершенно гладки, так, что не за что было зацепиться. Васютин спус-

тил веревку и беспомощно болтал ею в воде, думая, что если Павел на дне, то он мог бы ее заметить. Но холодный блеск воды был мертв и глух.

«Черт возьми, и как только я недосмотрел!» — рвал на себе волосы Васютин.

Шансы на успех уменьшались. Кругом была глухая пещерная темнота, и в ней он, Васютин, один. Долго Васютин, упавший духом, сидел на выступе скалы, пока не заметил, что полоска света его фонаря стала вдруг тускнеть...

Заряд в фонаре истощился — его надо было сберечь. Поэтому Васютин потушил его. Еще неизвестно, что ждало его впереди. Выбрав наиболее удобную позицию, Васютин, держа в одной руке фонарь, а в другой револьвер, приготовился ждать. Глубокая усталость одолевала его. Он задремал.

* * *

Павлушка долго барахтался в яме, пытаясь за что-нибудь зацепиться. Он чувствовал, как какая-то непреодолимая сила тянула его вниз. Он слышал ободряющий крик Васютина и напрягал все усилия, чтобы удержаться на поверхности, и хоть был Павлушка искусным пловцом, но его силы с каждой секундой ослабевали. Собрав последние усилия, вынырнул из воды, глотнул полной грудью воздуха и, как камень, упал вниз. Он почувствовал, как какая-то сила подхватила его, закрутила в водовороте и понесла с колоссальной скоростью. Давление воды было так сильно, что у него звенело в ушах и теснило в груди. Он уже задышался от недостатка воздуха. Несколько раз он пытался вынырнуть, но голова его упиралась во что-то твердое.

Поток был плотно заключен в земле. В глазах у Павлуши потемнело. Сердце билось учащенно и прерывисто, силы иссякли. Павел сделал последнюю попытку, судорожно метнувшись вверх. Смерть была неизбежна. Павел судорожно открыл рот и вдруг почувствовал, как легкие его на-

полнились оживляющим сырым воздухом. Павел сразу пришел в себя, новые силы пришли к нему. Поток глухо шумел в темноте, парализуя с силой движения Павлуши. Он метнулся в сторону и вдруг почувствовал корявый берег потока, ухватился за выступы и повис на них. Немного отдышавшись и собрав последние силы, Павлушка быстро начал карабкаться и, когда почувствовал под ногами ровную почву — облегченно вздохнул.

Куда он попал?

Павел всматривался в густую сырую темноту и не мог понять. Внизу по-прежнему шумел водоворот и глухо замирал где-то в подземелье. Павел понял, что это еще не было его спасенье. Могильная жуть скрывалась в этом подземном гроте. Смерть все равно неотступно висела над ним. Бессильно прислонившись к сырой стене, Павлуша заплакал. Он заживо похоронен в этом гроте, он больше никогда не увидит солнца, товарищей, приволья зеленых полей... Глухие рыдания были особенно жутки в этом подземелье. Вдруг Павел услышал характерное и так знакомое ему шуршание скользящего тела, и затем легкое шипенье. Павел растерянно вскочил и в ужасе прижался к стене.

«Гадюки!» — молнией мелькнуло в его голове. Смерть ждала его раньше, чем он ожидал. Куда можно было бежать от этих змей! Кровь застыла в жилах Павлуши, парализовав все его движения. Павлуша уже чувствовал, как это шуршанье приближалось — ему казалось, что в темноте он уже различает упруго изгибающиеся змеиные тела. Несколько секунд, и холодные скользкие кольца обовьют его ноги тугим кольцом, чтобы пустить в кровь смертельный яд.

Павлушка инстинктивно бросился в сторону. Он услышал, как внизу под ним бился водоворот.

Все равно уже лучше погибнуть в воде, чем от укуса змей.

Холод потока вновь охватил его и стремительно понес, яростно разбиваясь об уступы. Мгновение Павел еще чувствовал над собой воздух и дышал им последний раз... Потом впереди он услышал бешеный рев теснящихся вод. Несколько секунд — и стиснутые со всех сторон воды потока

сдавили бессильное что-либо сделать тело Павлушки, скрывшись в земных недрах...

Глава XXXIX

ТОЛЬКО ГОРА С ГОРОЙ НЕ СХОДЯТСЯ

Перекувырнувшись несколько раз в воздухе, тело Фальберга погрузилось в донские волны. Казалось, что гибель была неизбежна. Волны, скрывшие под собой Фальберга, уже спокойно и уверенно катились, как будто ничего не случилось. Вдали, уже далеко, грохотали вагоны поезда. Жизнь кругом принимала уже свой обычный вид.

— Туда ему и дорога, — пробормотал человек, преследовавший Фальберга и стоявший на мосту, — жаль только, что портфель с бумагами пропал...

Человек спустился на рельсы и медленно, не оглядываясь больше, поплелся. Он был уверен, что Фальбергу уже не выбраться из Дона.

Но это было не так. Сильная натура Фальберга, бывавшая в больших переделках, перенесла и это испытание. Через минуту после падения Фальберг вынырнул, судорожно глотая воздух. Он был спасен.

Вода была холодна, и пропитавшаяся ею одежда стала тяжелой и тянула вниз. Портфель, засунутый за пояс, сильно мешал плыть.

Фальберг направлялся к ближайшему берегу. Вот уже близко, несколько сильных взмахов, и он на твердой земле.

Но тут вдруг недалеко от Фальберга из воды вынырнуло какое-то маленькое барахтающееся, ослабевшее тело. Силы Фальберга истощились, и он испытывал внутреннюю борьбу.

«Помочь или бросить?»

Наконец Фальберг бросился к нему. Он видел, как упорно боролся человек, несколько раз погружаясь в воду. Приблизившись, Фальберг заметил мальчика, судорожно боровшегося с волнами, он уже задышался, несколько раз хлебнув воды. Ухватив его левой рукой за воротник рубашки, Фальберг тяжело поплыл к берегу.

Через несколько минут Фальберг ухватился за прибрежные кусты, выбрался на землю и, обессиленный, упал. Рядом без сознания растянулось тело вытащенного им мальчика.

Уже солнце скупой осенней лаской начало согревать землю, когда Павлушка пришел в сознание. Над ним озабоченно склонился Фальберг. Долго он бился над телом мальчика, пока тот не вздохнул и не открыл глаза. Сколько драгоценного времени потратил он на это, но было жаль этого неизвестного мальчика, неизвестно каким путем попавшего в Дон.

— Наконец-то, — облегченно вздохнул Фальберг, когда Павлушка открыл глаза, — здорово же тебя, малец, закачало...

— Где я? — слабо проговорил Павлушка, оглядываясь кругом с недоумением. Но глаза его радостно заблестели, когда он увидел солнце и родную теплую землю.

— Я и сам не знаю, где, брат, мы с тобой обретаемся. Одно знаю, что не на дне Дона, а это самое главное.

— Товарищ Фальберг, — слабо и радостно воскликнул Павлушка, всмотревшись в лицо Фальберга и пытаясь приподняться.

— Что за черт! Вот не ожидал встретить приятеля... И откуда, малыш, ты меня знаешь, я что-то тебя не помню?

— Да я же Востряков Павлушка из Барановска, — захлебываясь от радости, проговорил Павел. — Меня-то вы не знаете, да я вас хорошо знаю...

— Вот это здорово! Нежданно-негаданно, оказывается, приятеля спас от смерти. Вот так ловко, — засмеялся Фальберг. — Ну, дружище, рассказывай, как же это ты в Дон уго-

дил.

Павлушка рассказал по порядку обо всем происшедшем с ним, начиная с открытого вместе с ребятами подземного хода в Барановской башне. Но после случая с гадюками в подземном гроте он, как ни пытался, ничего не мог припомнить.

— Вот дальше-то я и не помню, что случилось, знаю, что я опять попал в поток, а вот как в Дону очутился — не могу понять...

Фальберг сообразил, в чем дело.

— Этот поток, брат, как раз выходит, видимо, на дно Дона. Можно только удивляться, как ты вынес все это. Но где же эта пещера, где остался товарищ Васютин?

— Не знаю... Мы с Васютиным обшарили ее всю и не могли найти входа...

— Но ведь не может быть, чтобы единственным выходом из этой пещеры был тот, который унес тебя... Я думаю, у них есть более удобный ход.

— Наверно, так...

— А как быстро течет вода в этом потоке?

— Страшно быстро! Мне и сейчас делается страшно, как только я вспомню его. Я знаю, вы думаете, что может быть, можно по этому потоку добраться до пещеры и освободить Васютина... Нет, это невозможно, товарищ Фальберг.

— Но где же может быть эта пещера, где? Если бы только знать...

Фальберг понимал, что так дело оставить нельзя. Надо было что-нибудь предпринять. Что сейчас делается с Васютиным? Удается ли ему отбиться от бандитов? А если удастся, то сумеет ли он выбраться оттуда? Или, может быть, будет похоронен навсегда в этом бандитском логове, если не удастся найти, где оно?

— Ну, Павлушка, ждать, брат, нечего. Надо идти на выручку Васютину.

— Верно, товарищ Фальберг, надо. Может быть, удастся. Я соберу всех ребят, мы облазим все в окрестностях Барановска, авось, нападем на что-нибудь...

Через полчаса они, уже достаточно отдохнувшие и обсохшие на солнце, двинулись в путь.

— Товарищ Фальберг, а вы не знаете, что сделалось с ребятами, что лазили в подземелье в башне? — спросил по дороге Павлушка.

— Так это ты с ними вместе открыл ход? О, они, брат, важное дело сделали!

Шагая важно рядом с Фальбергом, Павлуша гордо улыбнулся, считая вполне основательно и себя участником этой работы.

— Они, брат, носы повесили после твоего исчезновения. Искали тебя долго. Хорошие ребята!

Павел с удовольствием представлял себе, как удивятся они, увидев его невредимым, и как будут завидовать его необычайным приключениям...

Глава XL

ВСЕ ГОТОВО

Завойский, тот самый, что стрелял в товарища Александровского, был помещен в госпиталь ГЧК, находящийся на углу Долгих Рядов и Воскресенской улицы. Комната, где он лежал, находилась во втором этаже, окнами во двор. У двери дежурили двое часовых, на дворе под окнами — один.

Вечер. Доктор Базилевский только что осмотрел Завойского, переменял перевязки. Раненый был очень слаб и с трудом поворачивался на постели. Пульс был неровный, высокая температура. Внешний вид раны, до этого бывший довольно благоприятным, сегодня почему-то резко изменился к худшему.

— Боюсь, не заражение ли у него крови, — покачал головой Базилевский. — Одного только не понимаю, почему внезапно наступило такое резкое ухудшение?

Дав некоторые указания фельдшеру и сиделкам, Базилевский ушел, предупредив, чтобы его вызвали, если раненому будет хуже.

Еще не закрылась дверь за доктором, как раненый полуоткрыл глаза, и по его губам пробежала злобная усмешка. Во всей его позе уже не чувствовалось слабости. Это был хищник, готовящийся к нападению.

Но вот фельдшер, проводивший Базилевского, вошел в комнату, и снова на кровати лежит почти безжизненное тело Завойского.

Вечер тихо уходит, уступая свое место ночи, которая вползает незаметно и неслышно во все уголки и щели.

Сиделка, склонивши голову на руки, дремлет у окна, фельдшер развернул газету на столе и при мигающей копилке читает последние фронтовые новости.

Раненый тяжело дышит, мечется и что-то бормочет во сне. Вот резким движением он садится на кровати, встает и пробует идти. Сиделка и фельдшер бросаются к нему и схватывают его под руки. Он вырывается, падает на пол, увлекая за собой державших его.

Фельдшер и сиделка поглощены возней и не слышат легкого сверлящего звука, идущего откуда-то со стороны окна. Чья-то рука в черной резиновой перчатке осторожно надавливает на стекло и вынимает его. Вот поднята и задвижка.

В комнату мягкими прыжками вскакивают два человека в масках и, сжимая что-то в руках, бросаются к барахтающейся на полу около кровати группе.

Ни фельдшер, ни сиделка не успели опомниться, как к их лицам были прижаты губки, пропитанные хлороформом.

Короткую борьбу сменяет тишина.

Люди в масках, привязав платками губки, встают, а за ними встает и Завойский, до сего времени игравший роль умирающего.

Слабости как не бывало. Он отдает шепотом какие-то приказания, которые почтительно выслушивают его освободители.

— Как обстоят дело с внешним караулом? Снят ли или еще нет?

— Все сделано. Иначе мы не могли бы проникнуть к вам.

— Каким способом ликвидирован караул?

— Вот этим, — ответил один из замаскированных, показывая на какую-то коробку, висящую у него на спине. От коробки отходила длинная резиновая трубка с зажимом.

— Что это?

— Неужели не помните? Это баллон с тем самым усыпляющим газом, которым немцы не один раз угощали нас на фронте. Средство верное, действует без ошибки и следов не оставляет.

— А как же вам удалось пустить газ на чекистов?

— Это было трудновато, но все же мы справились. Пришлось путешествовать по крышам. Хорошо еще, что темь непролазная, да ветер сильный. Взобравшись на крышу, мы и угостили ваших караульчиков усиленной порцией. Скоро не проснутся.

— Однако, довольно. Поговорить мы успеем всегда. Надо выбраться отсюда, и как можно скорее.

Завойский осторожно выглянул в окно. Сонные улицы были тихи и спокойны. Часовой у наружных ворот спал, сидя на ступеньках крыльца.

Все предвещало удачу.

ЗВЕРЬ ВЫШЕЛ НА РАБОТУ

Глава ХLI

НЕ УДАЛОСЬ...

— Товарищ Когортов, можно к вам на минутку?

— А, это вы, доктор. Хотя я и очень занят, но минутку урвать могу. Заходите и говорите, в чем дело.

— Я по поводу того раненого белогвардейца, который называет себя Завойским. В его состоянии заметно резкое ухудшение, и если так пойдет дальше, то он долго не протянет.

— Как так! Да ведь вы же мне докладывали сегодня, что он безусловно поправляется. Почему же теперь все так сразу изменилось?

— Товарищ Когортов, я уже старый врач, видел много ранений, будучи участником японской и германской кампаний. И все же я не стыжусь сказать, что для меня совершенно непонятны происшедшие изменения в здоровье раненого. Может быть, вы сами зайдете посмотреть на него?

— Непременно зайду, вот только просмотрю еще несколько срочных докладов.

Закончить дела Когортову удалось только в первом часу ночи. Голова раскалывалась от напряженной работы. Хотелось побыть хоть немного на свежем воздухе.

«Да, чуть не забыл: надо зайти еще в госпиталь, посмотреть, что это приключилось с раненым белогвардейцем».

Вышел на двор и столкнулся с тремя ребятами из батальона, которые шли сменять караул у лазарета.

Пошел вместе с ними. Вот уже и госпиталь.

— Стой, — шепотом остановил Когортов идущих. — Кто это лежит у крыльца? Не помню ни одного случая, чтобы кто-либо из наших ребят когда-либо заснул на посту. Что-то неладно. Приготовьте винтовки и стойте здесь, в тени, и тихо, а я один пойду вперед.

— А у вас есть револьвер? — спросил один из караула.

— Целых два, — ответил Когортов и, прижимаясь к стене, стал осторожно продвигаться к крыльцу.

Вот уже не больше десяти шагов отделяют его от лежащего человека.

Легкие, заглушенные чем-то мягким шаги во дворе. Наган слился с рукой. Глаза зорко смотрят вперед.

Какая-то черная фигура спокойно вышла из ворот, за ней другая, третья. Склонились над лежащим.

Тихо, стараясь не производить шума, Когортов вытянул руку с наганом, прицелился старательно и выпустил один за другим три выстрела. Двое упали, третий обернулся, отстреливаясь, побежал в сторону Большой Московской.

Выстрел из винтовки — и бежавший с размаху врезался головой в землю.

На выстрелы выскочили несколько дежурных сотрудников Губчека. Принесли фонарь, пришел доктор, осмотрел упавших — все были убиты наповал.

— Э, да это наш умирающий, — сказал Когортов, наклоняясь над одним из лежащих. — Надоело ему у нас лежать. Ну, да теперь не встанет и не будет из-за угла подстреливать наших товарищей. Доктор, а ведь немного — и этот бандит ушел бы от нас. Вот вам и умирающий...

— И все же, если бы и вы видели его сегодня вечером, вы также бы согласились с моим заключением, — ответил Базилевский. — Но все же я готов признать свою ошибку и сознаться, что этот человек был отличным актером и сумел обмануть медицину.

— Товарищ Когортов, надо бы наших ребят посмотреть. По всей видимости, они не убиты, а только одурманены каким-то средством.

— Ах ты, черт! Из-за возни с этими белогвардейцами я совсем забыл о них! Сейчас же перенести их в госпиталь!

Только часам к восьми утра все пострадавшие, в том числе сиделка и фельдшер, были приведены в чувство и могли рассказать как все это случилось.

— Я вижу одно, — сказал Когортов, — что где-то здесь, в Загорске или же в его окрестностях, свила гнездо боевая белогвардейская организация, располагающая достаточны-

ми средствами и силами. И наша самая насущнейшая задача — как можно скорее и беспощадней свернуть голову этим бандитам. Следует быть особо бдительными. Помните только, что за короткий промежуток времени ряд активных и испытанных коммунистов погибли на своих постах от руки этой банды. Так дальше продолжаться не может. Мы должны с корнем вырвать всю эту нечисть, выжечь ее каленым железом.

Рабочие и крестьяне вверили нам охрану завоеваний революции, и мы должны, во что бы то ни стало, с честью выполнить эту задачу! Ну, а теперь за работу. День предстоит горячий. Надо сегодня же найти следы того или тех, кто из-за угла задушили тут же, в помещении Губчека, двух наших товарищей.

Глава XLII

ЧЕЛОВЕК С ДЕРЕВЯННОЙ НОГОЙ

Там, где кончалось полотно конной железной дороги, на границе города и слободы Чужой, было расположено Новостроящееся кладбище, задней стороной примыкавшее к кирпичным сараям.

Часов в шесть вечера в узком переулке, зажатом между стеной кладбища и оградой кирпичных сараев и почти всегда безлюдном даже днем, показалась одинокая фигура женщины. Оглядевшись по сторонам, она ловко подпрыгнула, схватилась за ветки клена, высовывающиеся из-за кладбищенской стены и, подтянувшись на руках, влезла на стену. Оглянувшись еще раз, она скрылась за стеной, спрыгнув на одну из могильных плит, и быстрыми шагами пошла вдоль стены. Через несколько минут она остановилась перед невысокой часовенкой, на двери которой виднелась позеленевшая от времени медная табличка, извещавшая о

том, что в часовенке «покоится прах генерал-майора Богданова». Открыв имевшимся у нее ключом небольшой замок, висевший на дверях, таинственная посетительница кладбища пошла вовнутрь, прикрыв за собой дверь.

Что нужно было женщине в этой затхлой, покосившейся от времени часовенке? Что она там надеялась найти?

Однако на кладбище не было так безлюдно, как показалось на первый взгляд. По аллее со стороны главного входа шел на костылях пожилой нищий.

Вот он поравнялся с часовенкой, в которую вошла женщина, и тихонько свистнул. Дверь сейчас же открылась и нищий, ковыляя, скрылся за ней.

Внутри было почти совсем темно, женщина зажгла маленький карманный фонарик, и при его слабом свете можно было заметить громадную гробницу, а возле нее на земле — небольшую дверцу, которая закрывала вход в склеп.

— Помоги мне, — сказала женщина, схватившись за кольцо, ввернутое в дверцу люка.

Нищий быстро отстегнул ремень, которым была прикреплена деревянная нога, положив ее в угол, и оказался вполне здоровым человеком, твердо стоящим на своих собственных ногах.

Соединенными усилиями крышка люка была поднята. Внизу было небольшое помещение, вымощенное камнем. Воздух был затхлый.

Уселись на валявшиеся на полу каменные плиты. При свете фонаря в женщине можно было узнать Елену, ту самую, которую мы уже видели на даче Рябина.

— Ну, какие новости? — обратилась она к нищему.

— Совсем плохие. Я буду очень короток. Освобождение Бронислава не удалось: он и два активных члена нашей и без того не особенно многочисленной организации убиты.

— Не может быть! Ты ошибся! Ведь все было взвешено и так хорошо приготовлено!

— И все же, я еще раз повторяю, — все убиты. Но и это еще не все. Слушай спокойно дальше. Наша организация на своей шкуре испытала поговорку: «Беда никогда не приходит одна». Заславский, который, как ты знаешь, сразу

после совещания на даче выехал в Барановск, глупо засыпался в Лисках. С ним вместе попались Зенчиков и Вешнев, отправившиеся по приказу Полозова из Москвы. У них захвачены очень важные бумаги, содержание которых может нас сильно скомпрометировать. Все трое сегодня утром уже расстреляны.

Елена в бешенстве бросила фонарик на пол. Наступила темнота.

— Вот уж это напрасно. Истерики не надо, так как этим делу не поможешь. Зажги-ка лучше запасной фонарь и давай спокойно обсудим создавшееся положение. Надо во что бы то ни стало выручить документы, которые были взяты у Заславского. Да, забыл сообщить тебе еще одну новость, которую можно назвать хорошей. Я уже тебе вчера говорил, что в связи с убийством Александровского и Находцева из Барановска вызван для доклада уполномоченный Губчека Фальберг. Как только мы об этом узнали, было дано распоряжение уничтожить Фальберга или в самом Барановске, или же по пути в Загорск. Сегодня Берг приехал и сообщил мне, что Фальберг погиб, бросившись с железнодорожного моста в Дон. Скверно, что с ним погиб и его портфель, в котором, я уверен, для нас нашлось бы много интересного.

— Нет, этого мало! Смерть Фальберга слишком скромная расплата за Бронислава и Заславского! Мне нужно много смертей, много крови, такой горячей и красной! Нужно справить кровавую тризну! Нужно снова пустить в дело «зверя», пусть он душит чекистов!

— Я и сам думал об этом. Нужно сегодня же ночью начать дело.

— Только ты смотри, будь осторожней. Провал может погубить все наше дело.

— Будь спокойна, я умею хорошо конспирироваться, да и кто подумает на меня?..

— Однако, пора идти.

Поднялись наверх. Мужчина привязал деревянную ногу и, чуть-чуть приоткрыв дверь, прислушался. Дождь лил, как из ведра. Темь была непроглядная.

Надвинув шапку, нищий зашлепал по лужам.

Минут через десять вышла и Елена, заперла дверь и тем же путем, каким пришла, то есть через стену, перебралась на улицу и скоро скрылась в темноте.

Глава XLIII

ПО СЛЕДАМ

Телефонист ГЧК Миша Еременко жил почти у Курского вокзала, на одной из Беговых улиц. В тот вечер, когда происходило описываемое нами совещание в кладбищенской часовенке, ему надо было идти на дежурство. Облачившись в старенькую шинельку, стянув ее покрепче поясом и одев «американки», Миша храбро зашагал по обратившимся в болото улицам. Идти по Беговым улицам, которые не имели мостовых, было почти невозможно, ноги расползались в разные стороны, и надо было быть хорошим акробатом, чтобы не искупаться в грязи.

В одном месте лужа была особенно велика. Миша, прижавшись к забору, стал осторожно перебираться через нее. К несчастью, на этом пути совершенно неожиданно встретилось препятствие. Навстречу ему медленно продвигалась какая-то человеческая фигура на костылях. Миша постарался еще тесней прижаться к забору, чтобы пропустить калеку, но ноги, не встретив опоры, разъехались, и он полетел прямо в лужу, сбив с ног встретившегося ему человека, который, падая, вскрикнул от неожиданности.

Еременко вздрогнул, до того знакомым показался ему этот голос. Он был уверен, что где-то часто слышал его. Но где — вот вопрос, на который он не мог ответить.

Калека барахтался в грязи — деревянная нога мешала ему встать.

— Подожди, товарищ, сейчас помогу, — крикнул ему Еременко, вытирая лицо и руки о полы шинели.

Немного приведя себя в порядок, он начал помогать встать человеку с деревянной ногой. Тот тяжело дышал и почему-то левой рукой держался за подбородок, как будто бы боялся, что намокшая, выпачканная в грязи борода убежит от него.

Вот уже он стоит на ногах, опираясь на костыль.

Еременко старается рассмотреть его лицо, и оно, словно нарочно, до такой степени замазано грязью, что осмотр ничего положительного не дает.

— Ну, товарищ, мне надо на работу, и так запоздал. Прощай.

Калека что-то промычал в ответ голосом, совершенно незнакомым и непохожим на тот, который показался таким знакомым Еременко.

Однако, он не пошел на дежурство, первый раз в жизни нарушив дисциплину. Пройдя немного и свернув за угол, он остановился и стал ждать, куда пойдет нищий — слышанный им голос не давал ему покоя.

Нищий постоял, оглянулся по сторонам, вытер лицо и... сняв бороду, разгладил ее и, снова одев, двинулся по направлению к вокзалу, шлепая по лужам.

«Эге! А ведь я не ошибся. Тут что-то не так. Без дела таким маскарадом человек заниматься не будет».

Отпустив нищего немного вперед, Еременко двинулся за ним. Вот кончились Беговые улицы, свернули к столбам заставы у Задонского шоссе и пошли параллельно тюрьме, направляясь к Курскому переезду и зданию холодильника. Прошли через переезд.

Еременко, спрятавшись за сторожевой будкой, стал наблюдать, куда же теперь пойдет отслеживаемый им человек. Тот, перейдя переезд, свернул вправо, в сторону главного вокзала Юго-Восточной железной дороги и, пройдя немного, остановился перед одним товарным вагоном, под которым и исчез.

Еременко, прождав минут пятнадцать, стал левой стороной тихонько приближаться к вагону. Двери с той и дру-

гой стороны были закрыты накидками. Под вагонами также никого не было. Прислушался — внутри вагона кто-то шевелился.

«Значит, есть лазейка под вагоном, — сообразил Еременко. — Ну, что же, подождем, не век он там сидеть будет».

Не успел он улечься за кучей железного лома, как из-под вагона вылез человек вполне здоровый, без костылей и, бросив осторожные взгляды кругом, быстро пошел в сторону города.

То, чего так добивался Еременко — рассмотреть лицо человека — не удалось, так как он слишком быстро повернулся спиной.

Еременко не знал, что ему делать: осмотреть вагон или идти следом за незнакомцем.

«Вагон не убежит, — подумал он. — Надо узнать, куда пошел тот любитель маскарада. Голову даю, что не с добрыми намерениями. Только надо держаться подальше, чтобы не спугнуть его».

Проходить пришлось мимо домика, в котором он жил с матерью и сестрой. Быстро сбросил шинель и перекинул ее через забор.

«Так-то лучше, а то еще, пожалуй, по шинели узнает».

Незнакомец шел очень быстро. Вот уже и Долгие ряды. Еременко отстал, спрятавшись за часовней Толкучего рынка.

«Куда же его черти несут? Вроде как бы, в монастырь или к реке. Чего это он разгулялся?»

Однако незнакомец свернул в ту сторону, о которой меньше всего думал Еременко — в переулок, где помещается ГЧК.

«Ну, уж отсюда-то ты не уйдешь, голубчик», — пробормотал он, изумленный таким оборотом дела, и чуть не бегом бросился следом.

Вот и улица. Пусто, нет никого. Только часовые. Еременко к ним.

— Товарищи, тут никто не проходил?

— Никто.

- А где же он делся?
- Кто он?
- Да я сам еще не знаю, кто.
- Так чего же ты волнуешься?

Еременко рассказал все и еще раз просил подумать, не видели ли часовые кого-нибудь.

— Нет, за это время здесь прошел как раз перед тобой только следователь Стоянский, тот самый, который, помнишь, недели полторы тому назад приехал из Москвы. Ведь не за ним же ты гнался?

Еременко не ответил ничего и тихо пошел в дежурку.

— Еременко, где тебя задавило? Следователь Стоянский зовет тебя. Ему надо отправить срочно телефонограмму.

Не говоря ни слова, Еременко вошел в кабинет Стоянского. Тот что-то писал, склонившись над столом.

— Я слушаю, товарищ Стоянский.

Писавший быстро поднял голову.

— Товарищ Еременко! Где же вы пропали? Отправьте сейчас же эту телефонограмму.

Словно автомат, взял Еременко телефонограмму и, не говоря ни слова, вышел.

«Этот голос. Голос нищего. Неужели?.. А если?.. Нет, этого не может быть!»

И, видно, приняв какое-то решение, Еременко начал передавать телефонограмму.

Глава XLIV

ЗВЕРЬ ВЫШЕЛ НА РАБОТУ

Первый час ночи. Стоянский работает, не вставая. Он, видимо, спешит закончить какое-то дело.

Наконец встал, собрал исписанные листы бумаги и, положив их в портфель, открыл ящик письменного стола и вы-

нул оттуда какой-то ящичек, поставил его на стол и, подойдя, к двери, запер ее на ключ. Вернувшись к столу, он открыл ящичек и вынул оттуда два каких-то предмета, на первый взгляд напоминающих перчатки, положил их в карманы брюк, подошел к окну, внимательно оглядел улицу и общежитие батальона. Отпер тихо дверь и выглянул в коридор. Все было тихо. Только снизу, из комендантской, доносился глухой шум голосов. Постояв немного у открытой двери, Стоянский, взяв папку дела со стола, прикрыл дверь, не запирая, однако, на ключ, и спокойно, стараясь не производить шума, направился в сторону кабинета Кагортова.

Вот уже он у двери. Прислушался. Постучал.

— Товарищ Когортов, можно к вам по срочному делу?

— Войдите.

Стоянский открыл дверь, Когортов писал что-то.

— А, это вы, товарищ Стоянский. Ну, выкладывайте, в чем дело?

— Посмотрите вот этот материал, хотя бы бегло, — и Стоянский положил на стол свою объемистую папку, несколько фотографических карточек и телеграмм.

Когортов начал просмотр и, видно, чрезвычайно заинтересовался переданным ему материалом.

Стоянский расхаживал по комнате с папироской.

— Товарищ Когортов, разрешите открыть окно, страшно накурено.

— Открывайте.

Стоянский, подойдя к окну, распахнул его. Холодная струя воздуха поплыла по комнате. Когортов слегка поежился, но не бросил читать.

Вынув из кармана положенные туда странные предметы, Стоянский надел их на руки. Глаза его злобно сверкали. Лицо искривилось хищной улыбкой. Осторожно поднимая руки, причем слышалось легкое щелканье, резким движением он сжал горло наклонившемуся Когортову.

Эти руки не были руками человека. Это были черные, волосатые и когтистые звериные лапы.

...Как только Стоянский вышел из своей комнаты, дверь последней по коридору комнаты для дежурных ночью, возле самой лестницы, открылась, и оттуда выглянул Еременко. Проводив глазами Стоянского и убедившись, что тот вошел в кабинет Когортова, Еременко быстро, почти бегом — сапоги он снял во избежание шума — также добрался до этой комнаты.

Когда Стоянский открыл окно, порыв ветра ударил в дверь, и она немного открылась, так что Еременко видел внутренность комнаты.

Когда Стоянский сжал звериными когтями горло Когортова, Еременко с наганом в руках одним прыжком очутился посреди комнаты и выпустил два выстрела в согнувшегося Стоянского, который, судорожно извиваясь, покатился на пол. Когортов продолжал сидеть, согнувшись.

«Неужели же эта собака успела задушить товарища Когортова!» — подумал Еременко и, схватив графин с водой, он стал мочить его лицо. Когортов тяжело вздохнул, и его руки поднялись к шее. Он открыл глаза.

— Что это было? Зачем ты здесь, Еременко? Кто это лежит на ковре?

— Товарищ начальник, я изловил бандита, который хотел вас задушить, как он уже задушил несколько наших товарищей. Бандит этот под видом Стоянского проник в нашу работу. Теперь он получил за все плату!

— Ты его убил или ранил?

— Не знаю, товарищ начальник. Разве в такой момент будешь разбираться, куда стрелять? Знаю только, что всадил в него две пули.

— Ну-ка, пойдем посмотрим.

Подошли и наклонились над лежащим. Он был мертв. Одна пуля попала в шею, а другая в голову.

— Посмотрите, товарищ Когортов, что у него на руках.

Оба нагнулись и стали внимательно рассматривать.

На руках убитого были надеты медвежьи лапы, опущенные черными волосами. Еременко снял их и начал рассматривать.

— Товарищ Когортов, посмотрите-ка, ведь они на пружинках.

И действительно — к самым когтям шли стальные пружины, которые со страшной силой сжимали когти. В этом Еременко убедился на собственном опыте. Он надел на одну руку звериную лапу и, сжав ей другую, взвыл от боли.

— Товарищ Когортов, помогите, я не могу высвободить руку! Страшно больно!

Когортов нажал на ободок, шедший вокруг перчатки, и когти распались. Рука Еременко посинела.

— Да, штучка, — пробормотал он.

— Ну, большое спасибо тебе, товарищ Еременко, что ты вызволил меня от этой штучки. Опоздай ты немного, и наутро нашли бы и меня, задушенного звериными лапами.

— Ну уж нет, товарищ начальник! Опоздать я не мог. Я за ним весь вечер слежу, — и Еременко рассказал все происшествия последнего вечера.

Глава XLV

ТЕЛЕФОННЫЙ ПРОВОД

Фальберг и Павлушка торопились в Барановск. Они шли по полотну железной дороги. Как ни старались они разгадать местонахождение пещеры, из которой так необычайно удалось спастись Павлушке — ничего не удавалось. Павлушка и приблизительно не мог указать места.

Усталость от необычайных переживаний сказывалась. Они то и дело присаживались отдыхать на насыпи.

Часам к трем они уже находились на расстоянии двадцати верст от Барановска, считая по железнодорожному пути.

— Товарищ Фальберг, давайте сократим наш путь, — предложил Павлушка. — Если идти прямо через лес, то тут

до Барановска будет не больше десяти верст.

Фальберг согласился. Он знал, что чем скорее они будут в Барановске, тем больше возможности будет спасти Васютина. Из рассказа Павлушки он понял, что положение Васютина там, в пещере, было не блестящее. В Барановске Фальберг предполагал мобилизовать все силы на поиски этой таинственной пещеры. Найти ее надо во что бы то ни стало сегодня же ночью!

Они свернули в сторону от железнодорожного полотна и скоро скрылись в ближайших деревьях начавшегося леса.

— Тут, Павлуша, нам нужно держаться осторожно, эти леса всегда служили убежищем бандитизма, так что смотри в оба...

Павлушке этого и говорить было нечего. Он сам великолепно понимал, что сокращая свой путь, они одновременно подвергают себя большой опасности. Но рассуждать было некогда. Каждый лишний выигранный час мог принести спасение Васютину.

— Я соберу всех ребят в Барановске для поисков пещеры — ведь какие-нибудь следы должны же быть.

Кругом плотной стеной стоял лес. В лесу было мрачно и сыро, так как ни один луч солнца не заходил сюда. Только посмотрев вверх, можно было заметить, как между деревьями голубело небо.

Пройдя версты четыре, Фальберг и Павлушка присели на стволе дерева, когда-то поваленного бурей.

— Как, Павлушка, проголодался, небось?

— Да, не мешало бы перекусить. Но что здесь найдешь, кроме гнилых листьев? Ничего. Потерпим. Тут осталось до Барановска пустяки.

Передохнув с полчасика, они двинулись дальше.

— Постой, Павел, ты как — лазить мастер?

— В два счета заберусь, куда угодно!

— Я думаю, не мешало бы все-таки посмотреть, где мы находимся. Чем черт не шутит, в этом лесу и заблудиться немудрено!

— Так это я сейчас, товарищ Фальберг, только дерево повыше выбрать...

Выбрав высокую, красивую, ветвистую сосну, Павлуша быстро начал карабкаться. Лазить по деревьям было для него всегда большим удовольствием — поэтому и сейчас он расцвел от желания показать Фальбергу свою ловкость. Как кошка, без особых затруднений, он добрался до ближайших веток и через секунду скрылся за ними. Только иногда видел Фальберг, как мелькала среди листьев Павлушкина голова.

Через минуту Павлушка бомбой спустился вниз. Понизив голос, он сказал Фальбергу:

— Там поверху идет телефонный провод, я думаю, это и есть тот телефон, который имеет сообщение с пещерой. А вот в той стороне над лесом очень много крутится галок — там, наверное, есть люди.

Фальберг чуть не свистнул от неожиданности.

— Ну, брат Павлушка, пришло время нам с тобой поработать еще. Идти нам с тобой сейчас в Барановск нет никакого смысла, нам нужно проследить, что за люди говорят по этому проводу.

Осторожно осматриваясь по сторонам и прислушиваясь к малейшему шороху, они двинулись в путь, не упуская из виду кое-где проглядывающей сквозь ветви тонкой нити провода.

— Уж куда-нибудь да он приведет нас.

ЩУПАЛЬЦА ОБРУБЛЕНЫ

Глава XLVI

АРЕНСКИЙ В МОСКВЕ

Аренский убедился в Барановске, что вся работа, которая ведется в этом районе, имеет руководство из Москвы. В Барановске было сейчас сравнительно тихо. После разгрома колесниковского отряда, наступления белых банд прекратились. Но ни самого Колесникова, ни его главных помощников схватить не удалось.

«Надо найти эту руководящую головку в Москве. Без руководства, без средств белогвардейцам ничего не удастся здесь сделать».

Сделав последние указания в Барановске, Аренский отправился в Москву. По дороге он заехал в Загорск, чтобы доложить в Губчека о положении в Барановске.

Но в Загорске его поразили неожиданными новостями. В день приезда Аренского там были получены материалы, обнаруженные при обыске Зенчикова и Вешнева. Эти материалы давали определенные указания о контрреволюционной организации, свившей прочное гнездо в Москве и носившей название «Черный осьминог».

Захватив их, Аренский с первым же отходящим поездом помчался в Москву.

Поимка Зенчикова и Вешнева держалась в большом секрете, так что Аренский надеялся накрыть в Москве организацию неожиданно.

* * *

События последних дней сильно встревожили полковника Полозова. Он чувствовал, что дело, затеянное им, терпит одну неудачу за другой. Эта тревога передавалась также и остальным членам «Черного осьминога», находив-

шимся в Москве. От двух членов организации, Вешнева и Зенчикова, не получалось никаких известий.

Полозов еще более усугубил осторожность. Правда, остальных пятерых членов «Черного осьминога» он всячески утешал, успокаивал их, пытался рассеять в них эту тревогу. Он знал, что если «Черный осьминог» развалится, то и полоса восстаний, на организацию которых было потрачено столько сил и средств, потерпит неудачу. А вместе с тем он чувствовал, как с каждым днем крепнет советская власть.

Чтобы иметь больше времени для усиления работы, Полозов взял отпуск. Теперь почти каждый день они собирались в Свальнойском посольстве. Из ряда городов центральной России выслушивали они гонцов. Но во всех этих городах не было сильных организаций. Главная надежда была на Барановск — он должен был сказать решающее слово. Но оттуда никаких сведений не было.

Из осторожности Полозов в своей квартире имел ход через замаскированную дверь в небольшое помещение, имевшее вид чулана и помещавшееся рядом. В последнее время, возвращаясь домой, он заходил туда и проводил там все время. Из этого чулана имелся ход на чердак, который можно было использовать в особенно критическую минуту.

И только эта предосторожность спасла его.

* * *

По приезде в Москву Аренский явился к начальству и, доложив положение вещей в Барановске, не медля ни минуты, приступил к работе. Имевшиеся у него на руках документы указывали на определенную связь «Черного осьминога» со Свальнойским посольством. С этого он и начал. Выбрав человек десять лучших сотрудников Московской ЧК, он установил тщательное наблюдение за особняком Свальнойского посольства. На этот раз Аренский твердо решил, что «Черному осьминогу» не удастся скрыться из его рук.

Глава XLVII

БОРЬБА ЗА ТЕЛЕФОН

Спустя час после того, как Фальберг и Павлушка двинулись по пути, который им указывал телефонный провод, они вдруг почувствовали в воздухе запах человеческого жилья.

— Держись, Павлушка, осторожней — если они нас накроют, то тут уж, брат, нам каюк будет...

Вечер был уже близок. Небо вверх стало густо синим, перед вечером тревожно шумели верхушки деревьев.

Прячась осторожно за деревьями, зорко осматриваясь по сторонам, стараясь не производить ни малейшего шума, продвигались они вперед. Эта осторожность значительно замедлила их движение, но опасность была сильна, оружия у них не было с собой никакого.

Через несколько минут они уже слышали шум голосов и запах дыма. Телефонный провод опустился совсем низко.

— Полежай-ка, Павел, еще на дерево, посмотри, — тихо сказал Фальберг.

Павлушка быстро вскарабкался и через несколько минут опять спустился на землю.

— Шагах в двадцати от нас стоит курень — наверно, в этом курене и есть телефон: провод проходит прямо в него... Около куреня человек с ружьем. Дальше там видна поляна, на ней много людей, лошади, горят костры... по виду бандиты, не иначе...

— Побудь здесь, я сейчас вернусь...

Фальберг осторожно скрылся в кустах.

Скоро он вернулся.

— Придется ждать ночи. Совсем недалеко от куреня, шагах в пяти, я нашел густой куст дикой бузины — очень хороший наблюдательный пункт — темноты подождем, а там видно будет...

В словах Фальберга чувствовалось, что план им уже составлен, но пока он не хотел в него посвящать Павлушку.

Устроившись под кустом бузины, они стали ждать темноты.

— Так ты говоришь, что в этой пещере разговаривали по телефону с Бергом?

— Да, это я хорошо помню. Ему отдавали приказания.

— Та-ак... — Фальберг замолчал, видимо, что-то сообщая, потом он довольно улыбнулся.

— Ну, Павлуша, мы сейчас, брат, с тобой номерок отколем такой, что только держись, и товарища Васютина выручим.

В лесу темнело. Через ветви бузины было видно, как затихала жизнь на поляне. Где-то фыркали лошади, замирали последние разговоры. Вечер становился холодный. Лес шумел от усилившегося ветра — видимо, погода менялась.

Сквозь полумрак можно было видеть, как человек с ружьем, стоявший у куреня, уселся на пень и, опершись на винтовку, задремал. Несколько раз он склонялся так, что чуть-чуть не падал и просыпался, тревожно оглядываясь по сторонам. Потом дремота одолевала его снова.

Фальберг выбрал подходящий момент. Скоро на поляне стало совсем тихо. Часовой, сидевший у куреня, положил на колени винтовку и, уткнув в нее голову, видимо крепко заснул.

— Пора, — прошептал Фальберг. — Мы должны слышно связать этого часового и так, чтобы он не пикнул.

Фальберг снял гимнастерку и пояс.

— Я накинусь на него сзади и заткну ему рот гимнастеркой, ты в это время возьмешь у него с колен винтовку.

Осторожно, в темноте, раздвигая траву, они поползли. Шум леса скрадывал шорох, который они производили.

Через минуту широкая тень сидящего часового выросла перед ними.

С быстротой тигра Фальберг опрокинул его, крепко зажав горло. Часовой бессильно забился в руках Фальберга, глухо хрипя. Винтовка была уже у Павлуши, он отнес ее в

сторону и поспешил на помощь к Фальбергу. Между ним и часовым шла упорная борьба. Бандит пытался, напрягая все силы, раздвинуть пальцы Фальберга, как щипцы, сдавливавшие его горло. Каждую минуту он мог произвести шум, который разбудил бы всех бандитов. Павлушка упал на ноги часового и крепко вцепился в них, ослабляя его движения.

Через несколько минут попытка их удалась. Бандит лежал связанный, с заткнутым ртом, удивленно ворочая белками глаз.

Фальберг и Павлушка оттащили его под куст бузины, где они только что сидели в засаде. Павлушка остался сторожить его, а Фальберг, переодевшись в одежду бандита, направился в курень.

Прислушавшись еще раз и убедившись, что на поляне все тихо, Фальберг проскользнул осторожно в курень. Курень был пуст.

— Телефон здесь, — прошептал радостно Фальберг, нащупав его в темноте, — ну-ка, попробуем... что у нас получится...

Глава XLVIII

РАЗГОВОР ПО ТЕЛЕФОНУ

Фальберг бесшумно позвонил. Долго не отвечали. Наконец послышался голос:

— Кто звонит?

Трудно было в этом голосе узнать голос Васютина. Да он и сам, видимо, старался его изменить, вложив в него повелительные нотки. Одну секунду Фальберг задержался на мысли, а вдруг это не Васютин говорит, вдруг этот телефон соединен с чем-нибудь другим, а не с пещерой. А если соединен и с пещерой, то, может быть, там уже давно хо-

зайничают бандиты, а Васютин где-нибудь стоит, прикованный к стенке.

Фальберг решил сразу открыть карты: в крайнем случае, пока они доберутся до этого становища, они с Павлушкой успеют скрыться.

Понизив, как только было можно, голос, Фальберг сказал:

— Говорит Фальберг. Это ты, товарищ Васютин?

Минутку телефон удивленно молчал.

— Товарищ Фальберг, да неужели это ты? — услышал радостный голос Васютина Фальберг. — Откуда ты говоришь?

— Я тихонько пробрался в становище бандитов. Но об этом после. Сейчас я позову здешнего главара Берга, которому ты отдашь приказание немедленно передвинуться за пять верст отсюда, к Зеленому логу, якобы потому, что Чернавский, за которого ты будешь говорить, получил сведения о том, что это становище открыто чекистами. Понял? Время терять нельзя. Мы к тебе скоро придем на выручку — держись там крепче. Приготовься — я сейчас зову Берга. Не отходи от телефона.

Фальберг вышел из куреня и, смело позвякивая винтовкой, пошел вглубь поляны. Фальберг надеялся, что в темноте не узнают происшедшей подмены.

Подойдя к первому попавшемуся спящему человеку, Фальберг толкнул его прикладом в бок.

— Эй, дрыхнешь, зараза? Вставай!

Часовой заворочался и сердито замычал.

— Вставай, говорят тебе!

— Чего ты толкаешься — я тебе как толкну, мать твою...

— Чего лаешься, пойдя позови Берга, — требуют срочно к телефону...

Человек медленно, нехотя поднялся, почесал спросонья спину и пошел внутрь поляны.

Фальберг вернулся к куреню и стал у входа в него. Минут через десять две тени подошли к куреню. Одна из них скользнула внутрь.

«Берг», — подумал Фальберг.

Оставшийся у куреня человек, тот самый, которого разбудил Фальберг, позевывая, спросил:

— Ляшка, у тебя табаку нету? Курить охота...

— Пошел к черту, нету!

— Бреешь ты, у тебе давеча было до черта! Куда ты подевал?

— Мало тут вас, чертей, шляется за табаком, не наготовишься, самому осталось на две сигарки, — ответил Фальберг, внутренне похолодев от неожиданной опасности.

— Жадничаешь, стерва, ну, ладно!.. — человек сердито сплюнул и ушел.

Скоро Берг торопливой походкой вышел из куреня.

Через час весь табор бандитов заволновался, раздавались голоса, крики, слова команды.

Скоро, погрузив телеги с награбленным барахлом, бандиты повскакивали на коней и в ночи, перекликаясь, двинулись в путь. Телефон был снят. Несколько человек остались для проведения телефонной связи с новым становищем.

Скоро и они, пропустив провод по верхушкам деревьев, ушли. Фальберг, воспользовавшись темнотой и сумятицей перед отъездом, остался. Через несколько минут он уже сидел вместе с Павлушкой под кустом бузины в обществе связанного бандита Ляшки.

Глава XLIX

ПОСЛЕДНИЙ ЖЕСТ ПОЛКОВНИКА ПОЛОЗОВА

На второй день вечером после того, как Аренский установил наблюдение за особняком Свалийского посольства, было обнаружено, что белогвардейцы, не зная о том, что все уже находились в руках Аренского, собирались для оче-

редного совещания в специально отведенном им посольством помещении.

Все шесть человек пришли в разное время и все шесть человек были самым подробным образом изучены дежурившими сотрудниками МЧК. Был обнаружен тайный ход в посольство через разрушенное, соседнее с посольством помещение. Об этом быстро донесли Аренскому. Он сам прибыл на место, чтобы руководить наблюдением. По заранее разработанному плану, Аренский рассчитывал проследить при выходе за каждым членом организации и накрыть его на квартире.

Совещание в этот вечер было особенно продолжительным.

Поднимался вопрос о ликвидации «Черного осьминога» и об уничтожении всех имеющихся документов. Но полковник Полозов еще надеялся, что временные заминки, которые наблюдались в их работе за последнее время, будут изжиты.

— Если еще мы сложим оружие, то тогда, наверное, никто его больше не поднимет. Большевики укрепляются с каждым днем. Мы это не можем допустить. Главная наша ставка была на Барановск. Кто сказал, что там дела идут плохо? Мы еще этого не знаем. Я убежден, что наши два члена, выехавшие туда, сделают, что нужно.

Полозов говорил горячо. Полозов волновался. Полозов убеждал.

— Я не удерживаю тех лиц, которые хотят трусливо сдать оружие. Пожалуйста, они могут идти к большевикам и пресмыкаться перед ними. Нужно только побольше энергии. Страна неспокойна, а это нам на руку. В деревне мы много найдем наших сторонников. Я сам завтра же выеду в Барановск, чтобы руководить восстанием, — гордо заключил Полозов.

Совещание окончилось к часу ночи. Было принято решение об усилении работы. Было решено связаться с эсеровской организацией, имевшейся в Москве, и совершить несколько убийств членов советского правительства — это отвлечет внимание от окраины и даст возможность боль-

шему развитию повстанческого белогвардейского движения.

Так же, поодиночке, расходились члены «Черного осьминога», и за каждым из них в чуткой московской ночи двигались незаметно тени сотрудников Московской ЧК.

Полозов вышел последним. После этого совещания он получил еще большую уверенность в успехе дела. Он был доволен собой. Придет время, и родина не забудет его заслуг.

Как всегда в последнее время, Полозов, придя к себе домой, скрылся за потайной дверью чуланчика. Там он расположился на складной деревянной постели и устало закрыл глаза.

Завтра он войдет в сношение с эсеровской организацией. Сплоченный союз этих двух организаций будет непобедим. Несколько убийств — Троцкого, Ленина, Каменева — сделают свое дело. А тогда...

Но в это время мысль его была прервана треском двери в его комнате. Он быстро приподнялся. Прислушался. Не было сомнения — дверь ломали.

Вскоре он услышал стук сапог в его комнате и ругательства. Чьи-то руки шарили по стенам, отодвигая шкафы, ящики его стола.

«Все пропало! Бежать!» — мелькнуло у него в голове.

Дрожащими руками Полозов оделся, достал из-под подушки наган и положил его в карман. За стеной сквозь тонкую перегородку слышал Полозов удивленные возгласы, слышал, как выстукивали по стенам приклады их винтовок.

Полозов торопливо накинул шинель.

Глава I

СВОЯ ШКУРА ДОРОЖЕ

— Ну-с, уважаемый и досточтимый гражданин Ляшка, теперь мы с вами не спеша можем поговорить. Извиняюсь,

что пришлось наложить печать молчания на уста ваши. Ничего не поделаешь — голос у вас больно звучный, с высокими нотами... а нам тишина требовалась. Павлуша, а ну, посмотри, не остался ли кто вблизи из этого черного воронья?

— Нет, все убрались.

Фальберг вынул платок изо рта бандита, но развязывать его не стал.

Ляшка, почувствовав возможность говорить, дал волю своему застоявшемуся языку.

Ругань широкой волной, то повышаясь, то понижаясь, прокатывалась по поляне. Казалось, Ляшка никогда не остановится.

Но вот и он смолк.

— Ну, что, отвел душу? Теперь давай говорить по-хорошему и как можно короче. Нам надо знать очень немного: где будет новое становище и где находится пещера, в которой живет Чернавский? А так как мы спешим, то сроку тебе на размышление даю пять минут. Думаю, в этот срок все сумеешь обдумать. Коли же через пять минут ты ничего не надумаешь, то придется тебя расстрелять.

Ляшка молча сопел, перевернувшись к Фальбергу спиной.

— Времени осталось уже три с половиной минуты. Павлуша, дай-ка сюда винтовку.

Винтовка была принесена, и Фальберг, осмотрев ее, сказал:

— Если через минуту я не услышу от тебя то, что нам нужно, твое дело можно считать конченным, — и он отошел шагов на тридцать, щелкнул затвором и, вскинув винтовку, прицелился в Ляшку.

Услышав стук затвора, Ляшка завертелся выюном и зарол на весь лес:

— Постой! Чего ты спешишь-то! Все скажу. Чай, своя шкура дороже. Пусть они, дьяволы, сами вывертываются. Теперь мне с ними не по дороге — не хочу на тот свет отправляться. Пусть они живьем горят, мать их в трабадан!..

— Без многословия, уважаемый гражданин, ибо оно затемняет суть дела! Отвечайте сразу на вопросы!

— Волчий овраг, чай, знаешь? И Костяное озеро тоже? Ну, так слухай. Как доедешь до башенки, что на берегу озера, увидишь иву, дулистую, свисшую над самой водой. Езжай на лодке мимо ивы, увидишь островок небольшой, весь в камыше. На этом острове растет несколько старых дубов, и вот в дупле самого большого — третьего по счету — дуба находится ход в пещеру, где живет Чернавский.

— Ну, а помимо хода в дупле, можно выйти из пещеры или войти в нее?

— Никак нельзя, по-моему.

— Смотри, не скрывай ничего — хуже будет!

— Да на кой черт мне теперь скрывать-то? Сказал — своя шкура дороже, значит, все дело начистоту. Недавно вот я был с донесением у Чернавского, так слышал его разговор с Бергом. Чернавский сказал Бергу: «И на кой черт эту дыру для штаба выбрали? Сидишь, словно мышь в мышеловке, если остров окружают — больше бежать некуда». Раз так говорил Чернавский — значит, другого выхода, действительно, нет.

Фальберг и Павлушка переглянулись молча.

— Ну, ладно. Нет другого выхода и не надо. Обойдемся и с одним. Собирайся, Павлушка, а тебе, Ляшка, уже придется впереди нас идти, да дорогу показывать. Так крепче будет. Ноги мы тебе развяжем, а руки так сойдут. Потерпишь немного.

— А куда же мне идти, как не с вами? Да разве я с ума спятил, чтобы к Чернавскому теперь лезть?! Что у меня, две головы, что ли?

Поднялись и пошли: Ляшка впереди, за ним Фальберг с винтовкой, а сзади — Павел.

Пробирались почти целиной, по еле заметным тропинкам, к вечеру сквозь просветы деревьев показалась башенка на берегу озера.

— К башне мы подходить не будем, — сказал Фальберг, — зайдем с другой стороны прямо к иве развесистой, пере-

ждем около нее, а когда стемнеет совсем, на остров переберемся.

Глава LI

КУДА ОН МОГ ДЕТЬСЯ?

Убедившись, что Павлуша погиб в этой безмолвной темной яме, Васютин решил заняться собственным освобождением.

Хорошо, что руки у него были развязаны. Иначе дело было бы совсем плохо, и сам он никогда бы не сумел избавиться от веревок, которыми Чернавский скрутил ему руки за спиной.

К яме, поглотившей Павлушу, Васютин не решался подходить главным образом потому, что было совсем темно, и поэтому направил исследование в противоположную сторону.

Под руки ему попалась довольно длинная толстая палка, пучок веревок, какие-то камни, деревянный столб, за чем-то врытый в землю.

Все это ему пока было не нужно. Решил продолжать поиски в ту сторону, куда скрылись принесшие его люди.

Пол пещеры шел под гору.

Пройдя немного, Васютин услышал глухой шум и отдаленные звуки человеческого голоса.

Не раздумывая, он бросился в оставленную им часть пещеры.

Что делать? Спокойно, как животному, ждать удара обухом? Нет, Васютин был не из таких. Он схватил единственное оружие, которое было у него под руками — найденную им палку (забыв о нагане, который они с Павлом ранее нашли), и притаился в темноте.

Шум нарастал, приближался. Нервы Васютина были напряжены до последней степени.

Внезапно, очевидно решившись на что-то, он схватил веревку, быстро привязал один ее конец к палке, а другой к нижней части столба, стоявшего недалеко от стены.

Там, где веревка проходила по земле, он наложил кучу камней.

Попробовал крепость веревки, натянув ее. Подошел к краю ямы и спустил в нее палку, привязанную к веревке.

Прислушался. Палка не достала воды.

Оглядевшись еще раз, схватился за веревку и стал осторожно спускаться в яму. Скоро скрылся в глубине. Легкий скрип натягивающейся веревки. Скоро и он затих.

Да и пора. В пещеру входило несколько человек, которые на ходу перекидывались фразами.

— Церемониться с ними нечего, все равно их не приручишь. Пулю в череп — и весь разговор.

— Нет, Чернавский, по-моему, их следует привязать к столбу да напустить наших сторожей с острова — они хоть и малы, а язык сумеют развязать.

— Дело твоё, Берг, по-моему, все же время не стоит терять. Ведь ты знаешь, что положение...

— ...Ну, я вас помирю, — послышался сильный голос Ивана Колесникова. — Пристрелить эту собаку — и весь разговор. Нет у нас время на забавы. Покажи-ка мне, Берг, где они у тебя здесь спрятаны, тьма чертова, хоть быть фонарь зажгли. Я их сейчас в расход пушу!

— Сейчас зажгу. Не пойму, что это они там притихли.

Тусклый свет фонаря пробежал по полу и стене пещеры, не достигая дальнего выступа, за которым была яма.

Берг и Чернавский с недоумением осмотрели место, где они оставили связанных Васютина и Павлушу. Пленники исчезли, словно провалились сквозь землю.

С бешеным ругательством трое бандитов бросились осматривать все углы и закоулки.

Кругом было пусто.

При поисках Колесников споткнулся о грудку камней, наложенную Васютиным, чтобы замаскировать веревку, и по-

летел, ругаясь, на землю.

Вдруг поток ругательств внезапно оборвался.

— Веревка. Я зацепился ногой за натянутую веревку. Раньше ее не было.

— Какая веревка?

— А черт ее знает, какая! Знаю, что она туго натянута.

Собрались около веревки и пошли вдоль нее. Завернули за выступ. Вот и яма. Веревка обрывается в нее.

— Сейчас посмотрим, — прошептал Берг, направляя свет фонаря в глубину ямы.

Добравшись до палки, Васютин уселся на нее верхом и прижался к стене. Он слышал до последнего слова весь разговор бандитов. А в тот момент, когда Колесников нашел веревку, Васютин понял, что дело близко к развязке.

Шаги бандитов приближались к яме и затихли на краю ее.

Васютин перекинулся на своем своеобразном стуле к тому концу ямы, где стояли бандиты, так как понимал, что свет фонаря прежде всего попадет на противоположную сторону. Прижался к стене и... вдруг почувствовал, что лицо его обвеивает сильная и широкая струя свежего воздуха, протянул вперед руку — прямо перед ним находилось широкое отверстие, из которого шла струя свежего воздуха.

Думать было некогда. Став ногами на палку и стараясь сохранить равновесие, Васютин нащупал ногой край отверстия и, не выпуская веревки из рук, скрылся в своем новом убежище.

Глава ЛII

СТРАЖА ОСТРОВА

Павлуша с Фальбергом залегли в густом непролазном кустарнике, доходившем почти до самой воды.

Ждать им оставалось недолго. Сумерки вместе с озерным туманом все сильнее и сильнее заполняли промежуток между деревьями и кустарником.

— Ну, Павел, пора и нам за дело приниматься.

Вышли из кустов, подошли к самому берегу, разделись, привязав платье на голову и осторожно, стараясь не производить шума, поплыли. На шее Фальберга, привязанный на ремне, висел наган, который, надо сказать, довольно сильно мешал ему во время плавания.

Все шло по-хорошему, и скоро невдалеке показалось темное пятно острова. Только что пловцы собрались выбрать на берег, как луна неспрошено, словно хорошим прожектором, осветила островок, зеленую куту, и заставила Фальберга и Павлушу пережить несколько неприятных минут.

— Черт ее дернул как раз теперь светить! Словно мы без ее помощи не обойдемся...

— Да, без луны было бы хоть темней, но зато безопасней и спокойней.

— Ну, да ладно. Все равно в воде до утра сидеть не будем. Надо вылезать. Держи курс, Павлуша, вот туда, где песок. Там как будто бы удобней вылезти и одеться.

Добравшись до берега, вылезли, оделись, проверили наган и тронулись к видневшимся в глубине дубам, о которых им рассказывал Ляшка. Вот они подошли к деревьям и занялись отыскиванием тайника.

— Что это? — шепотом проговорил Павлуша, указывая на дорогу впереди себя. — Когда мы с берега пошли, я это хорошо заметил, — весь песок тропинки был чист, а теперь на него словно кто палок набросал. Смотри, смотри, товарищ Фальберг, шевелятся...

— Кто? Где? Кто шевелится?

— Да палки.

Фальберг внимательно посмотрел вперед и вдруг резко отпрянул назад к дубу, потянув за собой недоумевающего Павлушу.

Почти из-под его ног, из редкого кустарника высунулась, словно выброшенная на пружине, плоская голова крупной гадюки.

Теперь и Павел понял, что это за «палки» на дороге и почему они шевелятся.

— Товарищ Фальберг, да это ведь змеи! Да сколько же их здесь! Смотри-ка — отовсюду ползут и все в нашу сторону.

— Да. В положение мы попали не из приятных...

— Товарищ Фальберг, полезем на дуб. Ведь все равно некуда больше деваться.

Словно по команде, они бросились к ближайшему дереву, подпрыгнув, схватились за нижние ветви и через несколько секунд уже сидели па них.

А внизу творилось что-то совсем необычайное и злое.

Со всех сторон на поляну перед дубами сползались змеи. Казалось, что весь песок, кусты превратились во что-то живое, злобно шипящее идвигающееся волнообразно.

Змеи сплетались в причудливые многоголовые клубки, двигаясь общей массой.

Как бы понимая, что на дереве сидят потревожившие их люди, они всей массой скопились у корней, поднимая вверх острые головки, сверкая глазами и шипя.

— Хороши бы мы с тобой были, Павлуша, если бы не успели забраться на дерево! Лучше иметь перед собой самых отъявленных бандитов, чем эту ползучую тварь.

Павел меланхолически барабанил ногами по стволу дерева. Совершенно неожиданно нога его пробила отверстие, застряв в нем.

— Товарищ Фальберг, смотри — в дереве дыра. Оно в середине пустое. Может быть, это и есть третий дуб, о котором Ляшка рассказывал?

— Нет, это первый, третий вон, самый высокий и толстый.

— Ну, а тут-то что?

— А вот сейчас посмотрим, — ответил Фальберг и начал расширять отверстие. Вот оно уже стало достаточным для того, что бы мог проникнуть человек.

Глава LIII

ХОД В ДУПЛЕ

Заглянули вниз: до земли было не больше сажени.

— Давай я прыгну туда, товарищ Фальберг. Там много листьев, так что не убьешься. Змей там нет — они ведь по деревьям лазить не могут.

— Валяй, только поосторожней, Павлуша.

Прыгнул. Послышался треск ломающихся досок, и Павел скрылся, провалившись в какую-то яму.

— Павлуша, Павлуша, — крикнул Фальберг.

— Не бойся. Жив и здоров. Только ногу немного ушиб. Мягко здесь, да не особенно глубоко. Лезь ко мне.

Фальберг, упираясь руками и ногами в стены дупла, начал спускаться. Вот и отверстие.

— Посторонись, я сейчас прыгну.

Прыжок прошел вполне благополучно. Соединившись, осмотрелись. Вперед под сильным уклоном уходил какой-то ход. Высота этого хода позволяла идти, не сгибаясь. Воздух был тяжелый, тошнотворный. Чувствовалось, что давно, очень давно этим ходом никто не пользовался. Бандиты о нем также не знали, иначе им, конечно, воспользовались бы.

Двинулись вперед чрезвычайно осторожно, боясь пасть в какую-нибудь яму. Тьма была непроглядная.

— Тсс... Шаги... Кто-то крадется. Становись к стене вот здесь, а я стану напротив. Как только идущий поравняется с нами, хватай его за горло и валяй на пол. Стрелять не будем.

Притаились. Ждут. Шаги ближе и ближе. Вот уже в темноте можно различить неясные очертания человеческой фигуры. Вот она поравнялась с Павлушей и Фальбергом и те, словно подкинутые пружиной, навалились на идущего.

Хриплый крик. Возня.

— Нет, врешь, собака, не вырвешься! Павел, держи-ка его руку.

— Ах ты, черт! Чуть палец не откусил. Товарищ Фальберг, да стукни ты его по черепу «наганом». Авось успокоится.

— Да пустите вы меня, дьяволы, или нет?! Ведь это я — Васютин!

— Я тебе прикинусь! Ты бы еще кем-нибудь назвался. Крути, Павлуша, ему руку, да сильней.

— Ай! — взвизгнул Павел. — Чуть нос мне не оторвал. Да бейте вы его, товарищ Фальберг.

— Да что вы осатанели что ли?! Ведь говорю, что я Васютин, секретарь Барановского Укома. Бросишь ты мне, наконец, чертенка, руку крутить?!

С этими словами Васютин или тот, кто старался выдать себя за него, изловчился и ткнул ногой в Павлушкин живот.

Павел взвыл и откатился, но сейчас же остервенело вцепился в ударившую его ногу.

— Постой, мы сейчас разузняем, кто это. Помогай-ка, Павел, подтащить его поближе к выходу.

Сопротивлявшегося и брыкающегося пленника все же подтянули к тому месту, где кончалась лестница, спускающаяся по дуслу дуба. Здесь было относительно светло.

— А ну-ка, показывай свою образину, — с этими словами Фальберг поднял голову пленника. — Павлуша, да ведь это же в самом деле Васютин. А мы-то его по полу волочили и всю эту возню устроили.

Павел подошел, взглянул и убедился, что это действительно Васютин, а не кто-либо другой.

— Ну, ребята, и помяли вы мне бока! Я уж думал, конец мне пришел...

— И вы, товарищ Васютин, тоже в долгу не остались. Так мне под вздох закатали, что и сейчас опомниться не могу.

— Ну ладно, уже мы с тобой в Барановске сосчитаемся, — шутиливо добавил Васютин. — А теперь давайте выбирать из этой чертовой дыры.

— Это легко сказать и не особенно легко сделать, — ответил Фальберг. И он сказал, какую надежную стражу имеет остров.

— Да, это, конечно, осложняет дело, но все же выбрать необходимо, и поэтому айда наверх. Там дело будет видней.

Глава LIV

ВСТРЕЧА НА ВОКЗАЛЕ

Захватив необходимые подлинные документы, которые должны были его охранить от всяких неприятностей в дороге, — Полозов выбрался на чердак, подняв за собой лестницу, и плотно прикрыл отверстие в потолке, придавив его сверху кирпичами.

На чердаке было темно. Лавируя между балками, чихая от пыли, Полозов пробрался на другую сторону дома и через пролом выглянул на улицу. На улице было тихо. Город спал. Агенты Аренского были удивлены таинственным исчезновением Полозова и усиленно искали путь, по которому Полозов мог скрыться.

Для беглеца была дорога каждая минута, поэтому, обвязав балку на чердаке специально прихваченной им веревкой и сбросив один конец ее вниз, Полозов спустился на тротуар. Потом, осмотревшись по сторонам, он быстро скрылся во мраке глухих московских улиц.

«Пока они еще не открыли хода в потайную комнату, надо выехать из Москвы», — рассуждал Полозов, направляясь к вокзалу.

Он посмотрел на часы. При свете зажженной спички стрелка показала без четверти три часа. Полозов ускорил шаги, так как идти надо было еще далеко, а ближайший поезд отходил в 3 часа 10 минут.

Полозов чутьем угадывал, что облава на его квартиру не была случайна, очевидно, все нити их организации были открыты. Очевидно, с квартирами всех других членов организации было проделано то же.

«Удастся ли скрыться из них кому-нибудь? — думал Полозов. Перед ним проплывала картина недавнего заседания, на котором так четко вырисовывалась перспектива их успехов. И вот через несколько только часов Полозову приходилось наблюдать окончательный разгром «Черного осьминога».

На вокзале была толкотня, крики, ругательства. Перед этим прибыл только что с юга поезд, выбросив в помещение вокзала тысячи людей. Люди с мешками, корзинами, чемоданами заполняли все проходы.

Полозов на всякий случай старался держаться в местах, менее освещенных. Прислонившись к стене около багажной кассы, Полозов имел возможность свободно осматривать нею толпу, оставаясь в то же время совершенно незамеченным. Недалеко от него стояла в раздумье женщина, одетая в кожаную куртку, с красноармейским шлемом на голове. Сбоку у нее висел наган. Лица ее Полозов не видел. Она разговаривала с носильщиком.

«Какая-нибудь комиссарша», — подумал Полозов, злобно посмотрев на нее.

Женщина повернулась, и Полозов, увидев ее четкий породистый профиль, чуть не вскрикнул от удивления.

«Елена! Неужели, это она?»

Он подошел ближе, чтобы лучше рассмотреть ее. Сомнений не было — это была она.

Подойдя сзади, он осторожно потянул ее за рукав. Она оглянулась и широко открыла глаза.

— Вы?

— Да, это я. Неожиданная встреча, правда?

— А я только что с поезда и собиралась к вам...

— О, вы уже больше не вернулись бы. Мы открыты, и чекисты хозяйничают сейчас у меня на квартире. Я бежал, — последние слова Полозов сказал тихо и по-французски.

— Так значит...

— Значит, надо немедленно бежать и вам, и мне. Я уже все слышал о Брониславе и князе... Делать здесь больше нечего.

К утру агенты Московской ЧК, обыскивавшие квартиру Полозова, нашли потайной ход в комнату, из которой Полозов скрылся. Был открыт ход на чердак и веревка, спускавшаяся с чердака на другую сторону улицы. А Полозова не было.

Облавы в остальных квартирах членов «Черного осьминога» были удачны, все пять человек были захвачены, обнаружены ценные документы. Но Полозов благополучно скрылся. Поиски по Москве не дали никаких результатов. Два дня Аренский метался по Москве в поисках каких-нибудь следов.

На второй день после облавы, когда Аренский торжествовал победу и вместе с тем ломал голову над тем, куда мог скрыться Полозов, Полозов вместе с Еленой переходил границу Румынии, направляясь в Польшу.

Глава LV

КАК ВЫБРАТЬСЯ С ОСТРОВА?

Дуб, через дупло которого Павлуша и Фальберг неожиданно очутились в подземелье и где так же неожиданно столкнулись с Васютиным, стоял от берега саженях в шести.

Это был старый столетний дуб, широко разбросавший свои ветви.

Из подземелья первым выбрался Павлушка и залез выше. Фальберг и Васютин устроились на нижних ветвях.

Внизу, по-прежнему извиваясь и шипя, ползали гадюки. Спуститься вниз не было никакой возможности.

— Черт, это мне совсем не нравится, — сердился Фальберг, — сейчас для нас дорога каждая минута, а тут сиди и

жди у моря погоды...

— Товарищ Фальберг, вы напрасно сердитесь, мы сейчас сумеем выбраться отсюда, — крикнул сверху Павлушка.

— А ну, что ты там придумал, говори!

— Тут, по соседству, совсем близко стоит береза, перебраться на нее — пустое дело, а ежели забраться на самую ее верхушку и раскачаться на ней, то можно оттуда прыгнуть прямо в воду...

— ...И сломать себе шею! — закончил Фальберг.

— Ты напрасно так думаешь, Фальберг, — поддержал Павлушку Васютин. — Это сделать, правда, трудно и рискованно, но можно. Больше нам ничего не остается...

На минуту на дереве наступило молчание. Прервал его Васютин.

— Ну, что ж, давайте действовать. Время ведь не ждет.

— Да, это верно, — единственный выход, — согласился, наконец, Фальберг. — Ну, что ж, Павлушка, начинай...

Вверху сейчас же зашуршали листья.

Через несколько секунд Павлушка перебрался на березу и уже раскачивался на самой верхушке. Береза скрипела своим старым прогнившим стволом, трещали сухие листья и летели вниз, вызывая среди змей беспокойство.

— Я прыгаю, — крикнул сверху Павлушка, когда вершина березы достаточно раскачалась.

Фальберг и Васютин замерли. Каждую минуту Павлушка мог сорваться вниз, достаточно для этого было одного неосторожного движения. Несколько минут продолжалось это томительное ожидание. Потом они увидели сквозь листья, как тело Павлушки, когда верхушка березы наклонилась в сторону озера, метнулось в воздухе черной тенью.

«Допрыгнет или нет?» — думал каждый из них.

Через секунду послышался всплеск воды и довольное фырканье Павлушки. У Фальберга и Васютина сразу отлегло от сердца.

— Плыви к берегу, — крикнул Павлушке Фальберг.

— Ну, теперь прыгай ты, Фальберг, а я после...

Фальберг так же, как и Павлушка, очутился в озере.

Но Васютину и на этот раз не повезло. Раскачавшись на верхушке березы, Васютин уже хотел было прыгать, как вдруг услышал треск внизу. Старая, уже насквозь прогнившая береза, не выдержала и, подломившись, грохнулась на землю. Фальберг и Павлушка, услышав это, замерли в воде.

К счастью, падение для Васютина было удачным. Береза, упав на свои ветви, закачалась как на пружине, а Васютин прочно держался за главный ствол. Васютин отделался незначительными царапинами.

Береза упала в сторону озера. Оно было от Васютина всего в двух саженях. Не долго раздумывая, Васютин кинулся к нему, спрыгнув среди поломанных веток на землю. Риск был большой, но больше ничего не оставалось делать. Васютин был удивлен, когда благополучно бросился в воду. Змей не было. Они, напуганные шумом упавшей березы, расползлись.

Переплыв озеро, все трое вышли на берег. Уже начинался рассвет. Где-то пели петухи, напоминая о спокойной жизни без тревог и волнений.

— Ну, а теперь, товарищи, за работу — отдохнем после...

Глава LVI

ЧЕРЕЗ ДРУГОЙ ВХОД

— Они скрылись в змеином проходе. Веревка как раз свисает над входом в него...

— Ну и черт с ними!

Чернавский отвел в сторону фонарь.

Кузьма и Колесников ругались, от бессильной злобы сжимая кулаки.

— Все равно, даже если они и обнаружат выход через дупло, то их не пропустят змеи. Или им придется опять вернуться в пещеру, или издохнуть там с голоду...

— Я тоже думаю, что гнаться за ними не стоит. Зачем лишний раз рисковать?..

Больше всего ругался Колесников. Недавний разгром банды обозлил его, и он думал сорвать свою злобу на Васютине и Павлушке, но это не удалось.

Они вернулись вглубь пещеры.

— На всякий случай нам нужно соединиться с отрядом, — сказал Колесников. — Позвони, Чернавский, по телефону и отдай приказание о нашей встрече. Мы сейчас же направимся туда.

— Алло, — крикнул Чернавский в телефонную трубку, — алло! Черти, спите, что ли там! Но трубка молчала.

— Что бы это значило? — переглянулись они. И вдруг одна и та же мысль мелькнула у всех троих: телефонный провод обнаружен и перерезан.

Может быть, и остров уже окружен?

Трусливое молчание воцарилось в пещере.

— Надо торопиться, иначе мы рискуем и совсем не выбраться отсюда, — предложил Чернавский.

Все трое, освещая путь фонарем, направились в самый отдаленный угол пещеры. Кузьма потянул за едва заметный в стене шнур. Серая глыба стены отодвинулась, обнаружив отверстие, из которого потянуло сырым подвалом.

— На всякий случай, получше прикрой вход, — сказал Кузьме Колесников. — Выдерни шнур. Если эти мерзавцы вернутся в пещеру, то пусть-ка они полазят в поисках выхода.

Проход пола опустился вниз, фонарь освещал мрачные сырые своды, под ногами журчала вода, капли воды также просачивались сверху через землю. Ход шел под озером.

Минут через пятнадцать все трое очутились на берегу озера, недалеко от того места, где с четверть часа назад выплыли Павлушка, Фальберг и Васютин. Вход в это подземелье был замаскирован большим камнем, который по внешнему виду не вызывал никаких подозрений. Через

этот ход и удалось скрыться Колесникову, когда его преследовали красные после разгрома его отряда.

— Где ты оставил пятую роту? — обратился к Кузьме Колесников.

— Она тут в полверсте, в Гнилой балке.

— Хорошо. Мы с Чернавским отправимся к этой роте на соединение с отрядом, а ты отправляйся в Барановск. Твоя работа, как начальника военкомата, нам еще понадобится. Как только мы соединимся с отрядом, так сейчас же наладим с тобою связь.

Рассвет уже был полный. Серый утренний туман стлался над озером. С востока дул холодный влажный ветер.

Колесников и Чернавский распрощались с Кузьмой и торопливо скрылись в ближайших кустах.

Кузьма направился в сторону Барановска.

Глава LVII

В ЛОВУШКЕ

— Так вот кто портил все наши планы, — тихо проговорил Фальберг, который вместе с Васютиным и Павлушкой наблюдал из-за кустов за происходившим на берегу озера. — Ну, теперь-то ему несдобровать!

Они были поражены, увидав увоенкома в обществе врагов. Они слышали за кустами весь разговор между ними, но напасть на них не решались, так как видели их хорошее вооружение. Сами же они не имели ничего, кроме кулаков.

— Ничего, они не уйдут от нас!..

Когда Колесников и Чернавский направились к Гнилой балке, а Кузьма, ничего не подозревая, начал подниматься из Волчьего оврага, все трое последовали за ним, прячась осторожно в кустах. Васютин, как более сильный, забежал Кузьме вперед и, когда тот поравнялся с густым кустарни-

ком терновника, неожиданно набросился на него. На подмогу ему выскочили Фальберг и Павлушка.

Кузьма, увидев их, попытался улыбнуться и сделать удивленное лицо, но, когда Васютин грузно надел на него, то начал бешено сопротивляться, поняв, что он раскрыт.

Сопротивление было безуспешно. Через минуту связанный Кузьма с заткнутым ртом шел по дорожке, а сзади, сжимая в руках тускло поблескивавший наган, шагал Фальберг. Павлушка ликовал.

По прибытии в Барановск, Васютин сейчас же дал телеграмму в Загорск о немедленной высылке подкрепления для ликвидации банд Колесникова, а через час после этого отряд Захарова на конях во главе с Фальбергом и Васютиным тронулся в путь. В отряде Захарова был также и Павлушка, который, несмотря на уговоры своих новых приятелей и на большую усталость, не хотел все-таки отставать от других.

Отряд крупной рысью тронулся в объезд к старому становищу бандитов, покинутому Бергом. Фальберг правильно рассчитал, что Колесников и Чернавский вместе с пятой ротой должны были поехать туда.

— Хорошо, что ты, Фальберг, догадался вовремя перерезать телефонный провод, — обратился Васютин к Фальбергу.

— Да, иначе нам бы еще пришлось повозиться около прежнего становища.

Отряд спешил, искусно спрятавшись в кустах. Становище было окружено кольцом, оставлен был только проезд с той стороны, откуда должен был прибыть Колесников. Ждать пришлось недолго. Скоро послышался лошадиный топот, и несколько человек въехало на поляну.

— Что за дьявол, неужели мы не туда попали! — проговорил Колесников, увидев свободную поляну.

Но Колесникову не пришлось долго удивляться. Из кустов грянул залп и несколько человек из роты Колесникова свалились с седел.

— За мной! — крикнул Колесников, прищипывая лошадь и бросившись на другую сторону поляны. Но там его

встретил второй залп, выбивший еще несколько человек из строя.

Тогда колесниковцы спешили и открыли беспорядочную стрельбу по кустам.

С каждой минутой ряды колесниковцев редели. Но ни одна пуля не задела Колесникова, так как Васютин предполагал захватить его живьем, о чем и предупредил отряд.

Колесников метался по поляне, как зверь в клетке. Он видел, как люди в его отряде убывали с каждой минутой, тогда как противники оставались неуловимыми. Чернавский, подстреленный, лежал около своей убитой лошади и стонал. Надо было на что-нибудь решаться.

— На лошадей! — скомандовал Колесников. Он решил прорваться из окружения во что бы то ни стало.

Колесниковцы, как ураган, ринулись в ближайшие кусты. Завязалась жаркая схватка.

Через час выстрелы смолкли. Из отряда Колесникова остались несколько человек, сдавшихся добровольно — остальные лежали частью раненные, частью убитые.

Колесников, лежал убитый наповал пульей в голову, придавив грузным телом кустарник.

Через день прибывшим из Загорска подкреплением был ликвидирован отряд под командой Берга, расположившегося в Зеленом логу. С этим сборищем бандитов справиться было нетрудно.

Глава LVIII

ТОРЖЕСТВО ПАВЛУШКИ

Через неделю после того, как банды Колесникова были окончательно ликвидированы, в Барановске состоялось заседание Укома. Тут были многие видные партийные работ-

ники Барановска, усилиями и умелым руководством которых и были ликвидированы колесниковские банды.

Опасность, грозившая Барановску, миновала. Много тревожных дней было прожито. Много раз приходилось встречаться лицом к лицу со смертью, и теперь на всех лицах можно было прочесть гордость одержанной победы.

Эта же гордость победы, гордость непосредственного участника борьбы была написана на лице Павла Вострякова.

Зачем он попал на заседание Укома? Произошло это очень просто. За день до заседания Укома Павла встретил Васютин.

— А, Павел, здравствуй. Куда ты? — улыбаясь, спросил его Васютин.

— Комсомольцы меня одолели, товарищ Васютин, все устраивают собрания, на которых я должен доклады делать о Колесникове и борьбе с ним. А все больше просят, чтобы я о своих приключениях порассказал... Вот и сейчас иду...

— Ну, и как, внимательно слушают?

— Еще как! Муху слышно, как полетит. Особенно, когда я рассказываю о пещере и о том, как я оттуда выбрался.

— Вот что, Павел, завтра в семь часов вечера не забудь зайти в Уком.

— Зачем?

— А помнишь, я обещался посчитаться с тобой за то, как вы с Фальбергом мне в подземном ходе бока мяли? Я тебе этого никогда не забуду! И Фальбергу тоже! Так вот — приходи.

Васютин широко улыбнулся и распрощался с Павлом.

Вот таким-то путем и попал Павел на заседание Укома.

Заседание открыл Васютин. Он долго и горячо говорил о днях героической борьбы, о тех усилиях, которые должна была приложить партия для ликвидации белогвардейского мятежа.

— На днях нами из Москвы получено известие о том, что всем повстанческим движением вокруг Барановска руководила крупная контрреволюционная организация, называвшаяся «Черным осьминогом». Этой организацией руководила головка из восьми человек, бывших дворян, ге-

нералов и князей. Она находила поддержку в Свалийском посольстве, которое снабжало их средствами. — На минуту Васютин, как бы от сильного волнения, умолк. — Товарищи, этот «Черный осьминог» пойман, и цепкие лапы его обрублены. Он уже не будет больше пытаться душить пролетарскую революцию! Правда, главному руководителю «Черного осьминога», некоему бывшему полковнику Полозову, удалось бежать, но все остальные получили заслуженное наказание.

Товарищи, — продолжал дальше Васютин, — среди нас есть один комсомолец — товарищ Востряков, он еще молод, но он является активным участником борьбы с белобандитами. Он проявлял необычайное геройство, находчивость и бесстрашие, когда шло дело о борьбе за спасение пролетарской революции.

Павел краснел и не знал, куда себя деть. Десятки улыбающихся глаз обратились в его сторону.

— Павел Востряков будет достойным членом нашей партии, — продолжал Васютин. — Если наша смена на пятьдесят процентов будет состоять из Востряковых — победа пролетариата будет обеспечена!

И это было лучшей наградой Павлу Вострякову.

Об авторах

М. И. Лызлов

Михаил Иванович Лызлов (1888-1943) – уроженец Воронежа, с юных лет – профессиональный революционер-большевик. В общей сложности провел около двух лет в тюрьмах и три года в ссылке. Участвовал в Первой мировой войне. После революции – сотрудник Губкома партии, журналист. В 1920-х гг. редактировал газ. «Воронежская коммуна». В конце 1920-х гг. был редактором ряда провинциальных партийных газет, с 1934 г. жил в Москве, работал в отделе печати ЦК. Умер в Москве в декабре 1943 г.

Михаил Иванович Казарцев (1899-1983) – журналист, в период написания романа – сотрудник газ. «Воронежская коммуна». С конца 1920-х гг. жил в Москве.

Роман «Черный осьминог» был впервые напечатан (под избранным авторами псевдонимом-акронимом «Мил-Мик» и с подзаг.

«Авантюристический роман из революционной эпохи нашего края») в апреле- июле 1925 г. в газ. «Воронежская коммуна». В 1926 г. роман (с подзаг. «Авантюрный роман из эпохи гражданской войны») был издан «Воронежской коммуной» в 10 отдельных выпусках. Деление текста и заглавия его частей в нашем издании соответствуют данным выпускам. В тексте исправлены некоторые устаревшие особенности орфографии и пунктуации и очевидные опечатки. В оформлении обложки использован агитплакат худ. Д. Моора.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.